

Экономическая история

научный журнал

№ 1 (32), 2016

Издается с июня 2005 года Выходит 4 раза в год

Подписной индекс в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» 43075

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»;

ООО «ИнСтИтут» (Издательский центр Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева)

Экспертный совет:

Научный совет РАН
по проблемам российской
и мировой экономической истории;
Научно-образовательный центр
«Экономическая история Центральной России
и Среднего Поволжья» Мордовского
государственного
университета им. Н. П. Огарева;
Центр экономической истории
Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № ФС77-48742

от 28 февраля 2012 г.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Экономическая история» обязательна

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU и проект РИНЦ (сублицензионный договор № 143-07 / 2010 от 19.07.2010 г.);

в базу данных Ulrich's Periodicals Directory американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены по адресу: <http://elibrary.ru/default.asp>

Компьютерная верстка и художественное оформление Г. Н. Давыдовой
Редактор Т. И. Кильдюшкина

Адрес редакции:
430005, г. Саранск,
ул. Б. Хмельницкого, 49а, оф. 204,
Историко-социологический институт
Тел.: (8342) 24-25-90, 29-08-37
Факс: (8342) 24-25-90

E-mail: economic-istori@yandex.ru
Тираж 300 экз. Заказ № 700

Отпечатано в типографии Издательства Мордовского университета
430005, Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

Журнал включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Редакционная коллегия

- В. А. Виноградов** – академик РАН,
главный редактор
- Н. М. Арсентьев** – член-корреспондент РАН,
Историко-социологический институт
Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева,
заместитель главного редактора
- Л. И. Бородкин** – доктор исторических наук,
профессор, исторический факультет
Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова,
заместитель главного редактора
- О. И. Марискин** – доктор исторических наук,
профессор, Историко-социологический
институт Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева,
ответственный за выпуск
- Г. Н. Давыдова** – старший преподаватель,
Историко-социологический институт
Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева,
ответственный секретарь
- С. А. Саломатина** – кандидат исторических
наук, исторический факультет
Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова
- А. П. Корелин** – доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН
- П. В. Лизунов** – доктор исторических наук,
Северодвинский филиал Поморского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Редакционный совет

- В. В. Алексеев** – академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН
- С. П. Карпов** – академик РАН, декан исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
- А. Н. Сахаров** – член-корреспондент РАН
- В. М. Арсентьев** – доктор исторических наук, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
- Д. Баржо** – профессор, Университет Париж IV, Франция
- М. В. Бибииков** – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН
- Ю. П. Бокарев** – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН
- С. М. Вдовин** – ректор Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева
- Ю. Ф. Воробьев** – доктор экономических наук, Институт экономики РАН
- Й. Батен** – профессор, генеральный секретарь ассоциации экономической истории, Тюбингенский университет, Германия
- В. И. Гришин** – доктор экономических наук, ректор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
- Е. В. Демчик** – доктор исторических наук, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул
- В. В. Запарий** – доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
- В. В. Керов** – доктор исторических наук, Российский университет дружбы народов
- К. Леонард** – профессор, Оксфордский университет, Великобритания
- А. А. Макушев** – доктор исторических наук, начальник Департамента управления делами Пенсионного фонда Российской Федерации
- В. А. Мау** – доктор экономических наук, ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
- Ю. А. Петров** – доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН
- И. В. Поткина** – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН
- А. С. Сенявский** – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН
- Р. Хьерппе** – профессор, почетный президент Международной ассоциации экономической истории, Финляндия

Editorial board

- V. A. Vinogradov** – academician of the Russian Academy of Sciences, the chief editor
N. M. Arsentjev – correspondent member of the Russian Academy of Sciences, doctor of historical sciences, professor of Ogarev Mordovian State University, the honored scientist of the Republic of Mordovia, the chief editor
- L. I. Borodkin** – doctor of historical sciences, professor, the head of the chair of historical informatics of Lomonosov Moscow State University, the chief editor
- O. I. Mariskin** – doctor of historical sciences, professor the chair of economical history and information technologies of Ogarev Mordovian State University, the executive secretary
- G. N. Davydova** – senior teacher of the chair of economical history and information technologies of Ogarev Mordovian State University, the executive secretary
- S. A. Salomatina** – candidate of historical sciences, the historical faculty of Lomonosov Moscow State University
- A. P. Korelin** – doctor of historical sciences, the Institute of Russian History of the RAS
- P. V. Lizunov** – doctor of historical sciences, the Severodvinsk branch of the Lomonosov Pomorian State University

Editorial council

- V. V. Alekseev** – academician of the Russian Academy of Sciences, the director of the Institute of history and archeology of the Ural branch of the RAS
- S. P. Karpov** – academician of the Russian Academy of Sciences, the dean of faculty of history of Lomonosov Moscow State University
- A. N. Sakharov** – correspondent member of the Russian Academy of Sciences.
V. M. Arsentjev – doctor of historical sciences, Ogarev Mordovian State University.
D. Barjo – professor, the University of Paris IV, France
M. V. Bibikov – doctor of historical sciences, the Institute of World History of the RAS
- Yu. P. Bokarev** – doctor of historical sciences, the Institute of Russian History of the RAS
- S. M. Vdovin** – rector of Ogarev Mordovian State University
Yu. F. Vorobyov – doctor of economical sciences, the Institute of Economics of the RAS
J. Baten – professor, the General Secretary the Association of Economic History, University of Tübingen, Germany
- V. I. Grishin** – doctor of economical sciences, rector of Plekhanov Russian University of Economics
- E. V. Demchik** – doctor of historical sciences, the dean of faculty of history of Altai Statet University, Barnaul

-
- V. V. Zaparyi** – doctor of historical sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
- V. V. Kerov** – doctor of historical sciences, People’s Friendship University of Russia
- K. Leonard** – professor, Oxford University, Great Britain
- A. A. Makushev** – doctor of historical sciences, Head of Administration of the Pension Fund of the Russian Federation
- V. A. Mau** – doctor of economical sciences, rector of the Russian Presidential Academy of National economy and public administration
- L. N. Mazur** – doctor of historical sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
- Yu. A. Petrov** – doctor of historical sciences, director of the Institute of Russian History of the RAS
- I. V. Potkina** – doctor of historical sciences, the Institute of Russian History of the RAS
- A. S. Senyavskiy** – doctor of historical sciences, the Institute of Russian History of the RAS
- Riitta Tuulikki Hjerppe** – professor of University of Helsinki, Department of Political and Economic Studies, the honoured president of the International association on economical history, Finland

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ РОССИИ
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

**ECONOMICAL
DEVELOPMENT OF RUSSIA
IN XIX – EARLY XX CENTURIES**

7

Е. А. Смирнова
**КАЗЕННЫЙ ПОДРЯД В РОССИЙСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века**
(на примере суконной отрасли)

E. A. Smirnova
**GOVERNMENT CONTRACT IN THE RUSSIAN
INDUSTRY OF THE FIRST HALF
OF THE XIX CENTURY**
(for example, the cloth industry)

18

Р. В. Федосеев
**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ДВорянского ЗЕМельного БАНКА
НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

R. V. Fedoseev
**PECULIARITIES OF ORGANIZATION
AND ACTIVITY OF STATE NOBLE LAND
BANK IN THE TERRITORY OF THE MIDDLE
VOLGA REGION IN THE SECOND HALF
OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES**

30

Н. С. Бойко, Р. А. Мухамедов
**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО МЕСТНЫХ ОРГАНОВ
ВЛАСТИ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ
ОРГАНИЗАЦИЯМИ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**
(на материалах Среднего Поволжья)

N. S. Boyko, R. A. Mukhamedov
**SOCIAL AND ECONOMIC
COOPERATION OF LOCAL
AUTHORITIES WITH PUBLIC
ORGANIZATIONS
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA**
(on materials of Central Volga area)

ОПЫТ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

**THE EXPERIENCE
OF THE PLANNED ECONOMY**

38

З. И. Акимова
**ЖИЛИщНЫЕ УСЛОВИЯ МОРДОВСКИХ
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
В МОСКВЕ И ПОДМОСКОВЬЕ В XX в.**

Z. I. Akimova
**LIVING CONDITIONS OF THE MORDOVIAN
RESETTLEMENT OF IN MOSCOW AND
MOSCOW REGION IN THE 20TH CENTURY**

47

Д. В. Шуняков
**100 ГРАММ ДЛЯ ХРАБРОСТИ:
«ЗА» И «ПРОТИВ»**

D. V. Shunjakov
**100 GRAMS FOR BRAVERY:
«FOR» AND «AGAINST»**

59

Ю. В. Богдашкина
**БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА
МОРДОВСКОЙ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Y. V. Bogdashkina
**THE BUDGETARY POLICY OF THE
MORDOVIAN AUTONOMOUS SOVIET
SOCIALIST REPUBLIC IN DAYS OF THE
GREAT PATRIOTIC WAR**

66

Л. Г. Скворцова
**МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В
ПРОМЫШЛЕННОСТИ МОРДОВСКОЙ АССР
В 1950-е – середине 1980-х гг.**
(на примере Рузаевского завода химического
машиностроения)

L. G. Skvortsova
**MODERNIZATION PROCESSES IN THE
INDUSTRY OF THE MORDOVIAN ASSR
IN THE PERIOD FROM 1950s until the mid-
1980s (Evidence From Ruzayevsky Chemical
Machine-building Plant)**

76

А. В. Сафронов

МИРАЖ ОПТИМАЛЬНОСТИ:

*внедрение математических методов
в экономику как ответ
на проблемы реформы управления
промышленностью 1957 года*

A. V. Safronov

THE OPTIMALITY MIRAGE

*Implementation Of Mathematical Methods
in Economics as a Response
to Problems Caused by the Reform
of the Management of Industry in 1957*

87

А. Ю. Климанов

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

**В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСТОЯННЫХ
КОМИССИЙ ПАЛАТ ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР ДЕСЯТОГО СОЗЫВА
(1979–1989 гг.)**

A. Y. Klimanov

**THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF
THE RUSSIAN NON-BLACK EARTH REGION
IN THE STANDING COMMISSIONS OF THE
CHAMBERS OF THE SUPREME SOVIET OF
THE TENTH CONVOCATION (1979–1989)**

95

**УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК
ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ**

**CONDITIONS AND PROCEDURE
FOR ADMISSION OF MANUSCRIPT**

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

УДК 94(470):677(091) «18»
ББК ТЗ(2)5

Е. А. Смирнова

КАЗЕННЫЙ ПОДРЯД В РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века (на примере суконной отрасли)

Ключевые слова: казенный подряд, государственный заказ, суконная отрасль, поставки, торги.

Статья посвящена рассмотрению вопросов формирования и эволюции системы государственного заказа в России, нормативно-правового регулирования в этой сфере, а также отношений между государством и поставщиками. Также рассматриваются различные точки зрения на вопрос о времени зарождения подрядных отношений с казной. Особое внимание в статье уделено суконной промышленности, являвшейся в рассматриваемый период объектом пристального внимания со стороны государства. Автор стремится проследить процесс изменения отношений между казной и поставщиками сукна в первой половине XIX в., выявить причины этих изменений и их последствия. Показаны ведущая роль государства по поводу складывавшихся отношений и постепенное ее ослабление к середине XIX в. В статье прослеживаются мероприятия правительства, связанные с решением проблемы нехватки сукна, выяснены положительные и отрицательные моменты для поставщиков в работе с казной. Кроме того, рассматривается реформирование учреждений, занимавшихся закупками сукна. На основе анализа деятельности правительства по отношению к поставщикам были сделаны выводы о степени изменения влияния государства на такой мощный инструмент решения государственных задач, как казенный подряд в суконной отрасли.

Е. А. Smirnova

GOVERNMENT CONTRACT IN THE RUSSIAN INDUSTRY OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY (for example, the cloth industry)

Keywords: government contract, state order, deliveries, auction, cloth industry.

Article is devoted to consideration of questions of creation and evolution of system of the state order in Russia, legislative regulation in this sphere, and also the relations between the state and suppliers. Various points of view about origin of the state contract are considered. The special attention in article is paid to the cloth industry which was during the considered period object of close attention from the state. The author seeks to track process of change of the relations between treasury and suppliers of cloth in the first half of the XIX century, to establish the reasons of these changes and their consequence. The leading role of the state concerning the developing relations, and its gradual easing to the middle of the XIX century is shown. In article the actions of the government connected with a solution of the problem of shortage of cloth are traced, the positive and negative moments for suppliers in work with treasury are found out. Also reforming of the institutions which are engaged in cloth purchases is considered. On the basis of the analysis of activity of the government in relation to suppliers conclusions were drawn on extent of change of influence of the state on such powerful tool of the solution of national objectives, as state in a row in cloth branch.

Государство имеет множество функций, главными из которых являются обеспечение собственного суверенитета, поддержание существующей системы социально-экономических отношений, общественного благосостояния. Для выполнения этих функций государству необходима материальная база, которая нуждается в постоянном пополнении. Одним из таких способов пополнения государственных нужд является казенный подряд. Как хозяйственное явление и довольно эффективный инструмент решения стратегически важных государственных задач и воздействия на экономику казенный подряд зародился довольно давно, но и в современной системе государственно-экономических отношений он продолжает играть важную роль.

Тема казенного подряда хорошо изучена в исследованиях по экономике и праву и лишь косвенно затрагивается в работах историков. Между тем рассмотрение отношений, складывающихся по поводу подряда между казной и предпринимателями, дает возможность пролить свет на ряд аспектов промышленного развития России в XIX в.

Целью статьи является рассмотрение вопросов формирования и эволюции системы государственного заказа в России, нормативно-правового регулирования в этой сфере, а также отношений между государством и поставщиками.

Первая половина XIX в. – важный этап в развитии отношений между государством и предпринимателями. В это время правительство перепробовало множество способов воздействия на подрядчиков, особенно в стратегически важных для государства направлениях. К их числу относилась и суконная промышленность, являвшаяся в указанный период объектом пристального внимания со стороны государства. Следует отметить, что суконная отрасль на протяжении первой половины XIX в. была одной из наиболее динамично развивавшихся, что наглядно можно увидеть на примере Среднего Поволжья. Если в 1807 г. в Сим-

бирской, Пензенской и Казанской губерниях действовали всего 6 суконных предприятий, то в 1860 г. их было уже 65 [9, с.12].

В связи с этим в качестве наглядного примера рассмотрения подрядных отношений важно выявить специфику взаимоотношений между сукнозаводчиками европейской территории Российской империи и государством. На протяжении первой половины XIX в. они развивались весьма интенсивно.

Существуют разные точки зрения на то, когда зародились подрядные отношения с казной. К первым упоминаниям о подряде относят появление заказчиков в списке с Переяславской летописи под датой 6504 (996 г.), в обязанности которых входили распоряжение княжеским имуществом и вступление в отношения, подобные подрядным, от имени казны [1].

Есть мнение, что подряды появились в России лишь в XVI веке. Одним из первых документов, который описывает казенный подряд, считается царский наказ «О заготовлении материалов для строения Смоленской крепости» (1595 г.) [2, с. 45; 18, с. 16].

Большинство же исследователей считают, что первое упоминание о существовании казенного подряда относится ко времени правления Алексея Михайловича [3, с. 10; 13; 20, с.255]. Действительно, XVII в. можно назвать новой страницей в истории казенных подрядов, но с точки зрения права, так как тогда появились первые документы, регламентировавшие государственный заказ. Например, Именной указ «О подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей» 1654 г. [21] и Именной указ «О сборе хлебных припасов и денег для продовольствия ратных людей» [23], изданные царем Алексеем Михайловичем. Впоследствии упоминания о государственных заказах встречаются чаще, но, как правило, косвенные [20, с. 256].

Несмотря на споры о зарождении казенных подрядов, исследователи едины во мнении, что правовые основы регулирования в этом направлении были заложены в

XVIII в. В этот период под подрядом понималось не только выполнение работ, но и найм рабочих, для исполнения государственных нужд. Перевозка казенных тяжестей, поставка провианта или амуниции также обозначались в то время понятием «поряд». Однако правоведы не относят все эти мероприятия к подряду. Например, договор по перевозке обязывает только передачу вещей, а подряд подразумевает и выполнение работ [11, с. 221].

Только в следующем веке началась систематизация нормативно-правовых актов, которая постепенно «очистила» понятие подряда и выделила отдельно казенный подряд.

Для удобства проведения торгов и подготовки документов в 1800 г. вышли «Правила по коим должны поступать казенные палаты до издания устава оным при заключении контрактов по подрядам, поставкам и откупам», которые определили различия между подрядами и поставками [17, с. 13].

Еще до выхода в свет Свода гражданских правил было разработано Положение о казенных подрядах и поставках, которое собрало разрозненные правовые нормы, регулировавшие отношения между заказчиком и подрядчиком. А в 1833 г. был издан труд М. М. Сперанского «Свод гражданских законов», в который автор включил указанное положение. В этом документе договор поставки и договор подряда, заключаемые с казной, объединялись в казенный подряд. Однако сюда же вошли, выражаясь языком современного права, договоры по оказанию услуг, например в тексте указаны «...поряды на содержание лошадей...» [36]. Таким образом, было выделено отдельное направление «казенный подряд», которое подразумевало любые отношения, складывающиеся по поводу удовлетворения нужд государства.

В Положении о казенных подрядах и поставках дается определение подряду как договору, «по силе коего одна из вступающих сторон принимает на себя обязательства исполнить своим иждивением предприятие,

или поставить известного рода вещи, а другая в пользу коей сие производится, учинить за то денежный платеж» [38].

В то же время разрабатывались правовые нормы по уголовной ответственности нарушителей подрядного законодательства. Например, в «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. включались наказания за нарушение конкурсных процедур, давление на других участников торгов, допуск к торгам исполнителей, не соответствующих требованиям подряда, приемку некачественно выполненных работ (поставку некачественных товаров) и т. д.

Вокруг подрядов обращались большие деньги, и для борьбы с коррупцией Николай I ввел регулярные ревизии на всех уровнях, а суды над чиновниками стали обычным явлением. Так, в 1853 г. под судом находились 2 540 чиновников [17, с. 15].

Все эти мероприятия говорят о важности для государства института подряда. Вместе с общей систематизацией законодательства в тот период формируется и более четкое понятие о подрядных правоотношениях.

У государства было особое отношение к государственным заказам стратегического значения. В законодательстве рассматриваемого периода правила по поставкам для армии и флота выделены в «Устав о промышленности фабричной и заводской» [37], где особенно подробно описывается суконная промышленность. Связанно это с нехваткой сукна для армии. Все мероприятия правительства были направлены на удовлетворение возраставших потребностей армии.

В начале XIX в. обеспечением армии и флота сукном занималась Мануфактур-коллегия, однако она в связи с тем, что не справлялась со своей задачей, была упразднена. Взамен в составе Министерства внутренних дел была создана Экспедиция государственных хозяйств [28]. Контролировало поставки сукна Комиссариатское ведомство [7, с. 59].

В 1816 г. в Москве в структуру Министерства внутренних дел был учрежден Ко-

митет по снабжению войск сукнами. В его обязанности входили приобретение сукна для армии и флота, сбор сведений о стоимости выделки сукна, кредитование фабрикантов, взыскивание долгов по поставкам сукна и т. д. В 1854 г. Комитет был упразднен и его полномочия переданы Департаменту мануфактур и внутренней торговли [33].

Для получения подряда нужно было принять участие в торгах. Механика проведения торгов выглядела следующим образом. Торгами занимался Департамент мануфактур, для которого ежегодно Комиссариатский Департамент военного министерства составлял ведомость о необходимом количестве сукна и каразеи на будущий год. Торги проводились по форме подачи запечатанных объявлений [4, с. 40]. Департамент мануфактур приглашал на торги исправно выполнявших поставки фабрикантов, на фабриках которых производились все операции, необходимые для изготовления сукон. Если подрядчик не справлялся с заказом более одного раза, он не допускался к торгам в течение трех лет. До 1 сентября фабриканты, приглашенные к торгам, должны были прислать запечатанную в конверте информацию:

- сколько и какого сукна фабрикант готов поставить;
- в какую комиссариатскую комиссию;
- указать цену;
- в каком месте предпочитает заключить контракт;
- из какой казенной палаты хочет получить задаток и выплаты.

К этой информации прикреплялась ведомость, засвидетельствованная губернатором, в которой указывались форма собственности на фабрику, место ее нахождения, количество оборудования и число рабочих. После проверки всех ведомостей, подходящие кандидаты вносились в реестр.

Министр финансов на основании собранных сведений о ценах на шерсть, на другие суконные материалы на главных рынках страны, а также о затратах на вы-

делку сукна и каразеи на казенных фабриках, определял высшую и низшую цены на различные сорта продукции. Цены запечатывались в конверте и объявлялись уже в Департаменте мануфактур, после чего рассматривались предложения допущенных к торгам фабрикантов. К поставкам допускались фабриканты, объявившие цены не превышающие заявленных в конверте. Если цены были завышены, фабрикантам предлагалось их понизить, и до 15 октября они должны были прислать новые предложения. До 20 января с фабрикантами заключались контракты [37, ст. 294–302].

Такой порядок получения подряда сложился не сразу. В первой четверти XIX в. армии не хватало сукна. Для решения этой проблемы правительство шло на разные меры. Подобные мероприятия можно разделить на два направления: принудительные и поощряющие.

В политике Павла I четко просматриваются принудительные меры по отношению к суконной промышленности. В конце XVIII в. все суконные фабрики были разделены на обязанные и вольные. К обязанным относились предприятия, получавшие какое-либо пособие от казны, а также имевшие приписных к фабрике крестьян. Такие предприятия работали только на казну. Фабрики, учрежденные исключительно на средства предпринимателя и не имевшие покупных крестьян на фабрикантском праве, стали называться вольными. Фабрики второго рода могли продавать сукно в частные руки. Но обязанные суконные фабрики не всегда справлялись, и за ними числились большие долги [39, с. 133]. Для пополнения запасов армейского сукна Павел I попытался вернуться к системе обязанных поставок комиссариату под угрозой передачи предприятия другому лицу (в конце XVIII в. получила широкое распространение свободная продажа сукна среди владельцев фабрик, «заведенных собственным иждивением»). В связи с этим 9 сентября 1797 г. Сенатским указом запрещалась свободная продажа сукна. Все сукно должно было

сдаваться в Комиссариатское депо по установленным ценам [24]. Но ужесточение правил поставки сукна ничего не дало, и с 1800 г. вольным фабрикам была разрешена свободная продажа сукна, но только после выполнения поставки в казну [25].

К тому же указы 1790–1791 гг. устанавливали систему поставки исходя из потребностей армии, а не из реальных возможностей производителей. С 1800 г. за каждого безземельного работника нужно было поставить 80 аршин сукна и 40 аршин каразеи, а за работника, имеющего землю, – в 2 раза меньше [21, с. 235].

И все же потребности армии в сукне не удовлетворялись и нововведения по увеличению поставок сукна продолжались. В 1803 г. вышло положение о размерах поставок с обязанных фабрик в соответствии с количеством пособий, полученных от казны. Обязанные фабрики были разделены на два класса. К первому классу относились фабрики, получившие большое пособие от казны, их было 8, для них были установлены закупочные цены в 80 коп. за аршин белого и 92 коп. за аршин цветного сукна. Ко второму классу было отнесено 14 фабрик, для которых были установлены цены соответственно 88 и 98 коп. [27]. Но, судя по отдельным примерам, такое деление обязанных фабрик кажется формальным. Например, предприятие Бабкиной с 15 приписными крестьянами было отнесено к первому классу, а Казанская мануфактура Осокина, при которой было более 1 тыс. приписных, ко второму [21, с. 243].

Так же это положение призывало к конкурентной борьбе между обязанными и вольными фабриками путем уравнивания цен на часть сукна. Однако при этом не избавило от системы «обязанных мануфактур» и не разрешило свободную продажу сукна. Только в 1816 г. обязанные суконные фабрики были избавлены от обязательства ставить сукно в казну и сравнены по правам с вольными фабриками.

Особенно тяжелое положение с поставками сукна связано с Наполеоновскими во-

йнами. Еще в 1807 г. при заключении Тильзитского мира Россия присоединилась к континентальной блокаде против Англии и в результате потеряла крупного поставщика сукна. В других странах промышленность переживала кризис из-за войн. Таким образом, приходилось довольствоваться внутренними ресурсами. Положение осложнилось еще тем, что армия увеличилась, соответственно увеличились ее потребности. На 1808 г. потребовалось 2 250 000 аршин сукна, в то время как комиссариат был в состоянии заготовить 1 251 275 аршин. Обязанные фабрики не могли справиться с таким заказом, а большинство вольных фабрик производили сукно, не пригодное для армии и флота [14, с. 120–122].

Для выхода из создавшейся ситуации правительство поступает следующим образом: все недостающее сукно было распределено между вольными фабриками по 919 аршин с каждого стана; цена повышалась за каждый аршин на 10 коп. Несмотря на прибавку в цене, фабриканты не были готовы к выделке солдатского сукна, и только 17 человек согласились выполнить заказ. Остальные фабриканты находили различные причины, чтобы не брать заказ, но правительство распорядилось: не снимать обязанности по поставке сукна с фабрик, отданных в аренду; если при фабриках не было красильных и валяльных аппаратов, выполнять операции по отделке и окрашиванию сукна на других фабриках; контроль за исполнением заказа возложить на губернаторов; не освобождать от обязанности поставки сукна фабрики, уже заключившие договора с Адмиралтейством. Кроме того, заказ сократился до 758 743 аршин. Однако, несмотря на эти меры, в Комиссариат поступило всего 267 000 аршин [29]. А на 1809 г. потребность в сукне возросла до 3 266 000 аршин [6, с. 53].

Кроме строгих мер, предпринятых правительством в этот период, были и поощрения добросовестных поставщиков – награждение чинами и медалями [14, с. 223].

Война 1812 г. потребовала увеличения армии, для которой и так не хватало сук-

на. Потребность комиссариата в сукне на 1812 г. составила 2 400 000 аршин, долги фабрик составляли 482 056 аршин, а в связи с военным положением могло потребоваться еще 1 000 000 аршин. Таким образом, всего нужно было комиссариату 3 882 056 аршин сукна. Для решения этой проблемы было постановлено предложить фабрикантам выделять на своих предприятиях только армейское сукно и вызвать их на добровольную поставку, поскольку «принуждение послужило бы только к расстройству фабрик, поелику опыты уже доказали, что от принудительных средств, в прежние времена, многие вольные фабриканты фабрики свои уничтожали». Должникам сделали последнее предупреждение, и в течение года они должны были поставить сукно, «в противном случае поступлено с ними будет на основании законов, по точной силе их обязательств... не приемля никаких отговорок» [15, с. 491].

Также было решено воспользоваться крестьянским сукном [32]. Правительство и раньше прибегало к помощи крестьян. В докладе министра внутренних дел от 21 октября 1809 г. представлена ведомость, в которой фигурировали московские и владимирские крестьяне. Крестьянин Михаил Леонтьев подрядился поставить 2,5 тыс. аршин сукна, крестьянин Василий Васильев – 4,0 тыс. аршин. Крестьяне Московской, Владимирской и Калужской губерний обязались поставить 14 289 аршин сукна [30].

Военное положение сплотило людей, и армии помогали, как могли. Жертвовали не только деньги, но и вещевое довольствие. Так, на обмундирование армии отдавали и сукно. Фабриканты поставляли в казну сколько могли, чиновники отвечали за поставки сукна. За выполнение поставок сукна в 1811 г. была вынесена благодарность симбирскому губернатору [40].

Такие средства внеэкономического давления на предпринимателей, как введение обязательной поставки с ревизской души и запрет свободной торговли сукном, не давали нужных результатов. Воспользоваться

государственной помощью предприниматели не всегда решались: боялись попасть в категорию обязанных фабрик. А военное время обязывало государство требовать от населения всех усилий, дабы выдворить врага из страны. Но постепенно правительство перешло к приобретению сукна путем государственных заказов при сохранении свободной продажи материала на рынок.

27 декабря 1810 г. были утверждены примерные условия поставки в казну солдатского сукна, регулирующие отношения между заказчиком и поставщиком. По этим условиям договор на поставку сукна заключался на 10 лет с выдачей беспроцентной ссуды под залог. Подрядчик мог требовать так называемые третные или половинные деньги в счет будущего платежа. Так же регламентировался порядок приемки сукна. Пункт 16 позволял просить защиты «в случае каковых-либо от приемщиков притеснений». Если поставщик не успевал к сроку, ему давалось 2 месяца на выполнение заказа, а по истечении этого срока, он должен был выплатить неустойку. Пункт 21 предусматривал форс-мажор, о котором поставщик или его наследники должны были информировать Министерство внутренних дел, впоследствии фабриканту могла быть предоставлена отсрочка [31].

Для повышения производительности государство всячески поддерживало отечественных сукнопромышленников. Поддержка в основном выражалась в денежных ссудах. В 1802 г. было принято решение о выделении из Государственного казначейства суммы в 1 млн руб. на основании «мануфактурного капитала» для кредитования промышленности. В 1808 г. были утверждены новые правила получения ссуд на устройство суконных фабрик, благодаря которым планировалось сделать более доступным кредит для помещиков. Особенно возросла потребность на сукно и каразею во время Наполеоновских войн, и в 1809 г. Александр I своим указом принял решение об ассигновании дополнительно 2 млн руб. для усиления выделки солдатских сукон.

Тогда немало фабрикантов получили ссуды, и наиболее крупные суммы были выданы дворянам Симбирской губернии. В их числе: камергер Н. И. Маслов – владелец двух суконных фабрик – в Вельяминовке Сызранского уезда и в Тереньге Сенгилеевского уезда Симбирской губернии (около 500 тыс. руб.); князь Хованский (30 тыс. руб.); Н. Кротков (75 тыс. руб.) [8, с. 11–12].

По Манифесту «О способах к лучшему устройству суконных фабрик» 1810 г., все владельцы суконных фабрик, которые сдадут сукна сверх установленных объемов поставок, поощрялись выдачей беспроцентной ссуды на 10 лет за каждую выработанную сверх установленной нормы тысячу аршин в сумме 3 тыс. руб. [8, с. 10]. В 1819 г. было роздано ссуд на 2 млн руб.

Поощрительные меры выражались и в личных почетных наградах. Еще в 1800 г. вышел указ «О пожаловании медалей суконным фабрикантам, кои поставят сверх обязанности их с казною от 50 000 до 100 000 аршин сукна» [26]. Указом 1808 г. лицам, не имевшим права приобретать населенные имения, разрешалось приобретать крестьян для заведения суконных фабрик [16, с. 136].

Правительственные меры все же дали свои плоды. Суконная промышленность, пусть медленно и экстенсивным путем, но развивалась, и в 1822 г. в первый раз предложения фабрикантов превысили заявленную казною потребность в армейских сукнах [39, с. 565]. Объемы предлагаемого для поставки сукна превзошли размеры казенного заказа, составившего в том году около 4 млн аршин.

После того как отечественные производители выполнили план поставок сукна в казну и получили возможность увеличивать производство на рынок, были предприняты протекционистские меры: запрещен ввоз из-за границы черных и темно-зеленых сукон, а на остальные сорта была наложена довольно высокая пошлина. Такая таможенная политика благотворно повлияла на развитие отечественного сукноделия, создавая выгодную конкурентную среду [8, с. 13].

С момента выполнения плана в 1822 г. спрос на солдатское сукно удовлетворялся старинными фабриками, которые и раньше работали на казну, новые фабрики производили сукно исключительно для вольной продажи. Таким образом, суконная промышленность переросла спрос; суконное производство потеряло государственный характер – появились новые потребители, а государство отошло на второй план [39, с. 566].

Следствием этого стало ограничение числа фабрик, участвовавших в поставках сукна в казну. Сенатским указом от 16 октября 1824 г. были предоставлены особые полномочия Московскому комитету для снабжения войск сукнами по установлению цен на торгах с последующим утверждением их у министра финансов. Комитет мог не допускать к торгам предпринимателей, не выполнивших поставки и налагать на них 10 % штрафы. Также не допускались к участию в казенных подрядах фабрики, основанные позже 1824 г. [34]. Однако качество продукции оставляло желать лучшего, и в 1847 г. вышел указ, отменявший ограничения 1824 г., и тем самым возможность участия в поставках предоставлялась всем существовавшим суконным предприятиям, что бы через конкуренцию улучшить качество продукции. Не все фабрики сразу получили возможность участвовать в торгах наравне с остальными. Предприятия, которые уже получили заказы на поставку сукон, могли принять участие в торгах с 1851 г. Посессионные фабрики допускались к торгам с 1856 г. [36].

Итак, с 1856 г. все фабрики участвовали в торгах на поставку сукна. Функцию организации торгов и раскладку сукна между фабриками в соответствии с производственными возможностями предприятия осуществлял Департамент мануфактур и внутренней торговли, которому были переданы полномочия упраздненного 17 июня 1854 г. Комитета снабжения войск сукнами [16, с. 145].

Поставка сукна в казну имела свои плюсы и минусы. К плюсам можно от-

нести надежность заказчика, выдаваемые ссуды, заботу казны и т. д. Однако фабрики, работавшие исключительно на казну не всегда справлялись с заказом и в случае неудачи не могли заменить материал сукном, которое могло быть приготовлено для частной продажи [19, с. 28–29]. При малых заказах казны фабрики, рассчитывавшие исключительно на казенные поставки могли разориться. Так, в связи с Крымской войной 1853–1856 гг. резко вырос спрос казны на сукно. Заказы увеличились, и некоторые фабрики стали возрождаться [16, с. 142]. Однако в 1858 г. поставки в казну резко сократились, что поставило многих сукнозаводчиков в весьма затруднительное положение. Например, некоторые фабриканты Симбирской губернии оказались неспособны перейти на частные поставки. В результате они или разорялись, или все же брали государственные заказы на себя, но отдавали их на реализацию более успешным фабрикантам, к которым относились Акчурин и некоторые другие производители сукна Казанской губернии [19, с. 35–36]. Таким образом, происходил своего рода отбор наиболее стойких предприятий, способных адаптироваться в новых условиях.

Первая половина XIX в. пережила массу экспериментов в области поставок сукна в казну: от принуждения всех суконных фабрик к поставкам до добровольного принятия участия в торгах. Принудительные меры не могли решить проблем с нехваткой

сукна для армии. Допустив все фабрики к торгам, при этом законодательно наладив отношения между заказчиком и поставщиком, правительство решило проблему поставки сукна, но одновременно ограничило число фабрик в списке участников торгов. Однако, заботясь о качестве сукна, государство вновь позволило конкурировать производителям и на фоне конкурентной борьбы просеялись наиболее стойкие предприятия. Одновременно произошла переориентация продажи сукна на вольный рынок, а поставки в казну уменьшились. Для многих сукнозаводчиков потеря такого выгодного партнера, коим являлось государство, означало потерю гарантированного рынка сбыта и обострение конкурентной борьбы. Переориентация на вольный рынок требовала от заводчиков проведения технико-технологической модернизации производства, что в свою очередь порождало потребность в капиталах, возможности привлечения которых были весьма ограничены [5, с. 34; 10; 12].

Таким образом, к середине XIX в. практика использования такого мощного инструмента решения государственных задач, как казенный подряд в суконной отрасли несколько изменилась. Она смягчилась, при этом мероприятия правительства по развитию суконной промышленности стали более либеральными, в значительной степени ориентированными на активизацию рыночных механизмов развития отрасли.

Библиографический список

1. *Абрегова А. А.* Государственный контракт в России: проблемы развития института [Электронный ресурс] / А. А. Абрегова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-kontrakt-v-rossii-problemy-razvitiya-instituta>
2. *Андреева Л. В.* Закупки товаров и энергосервисных работ для федеральных государственных нужд: правовое регулирование / Л. В. Андреева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Волтерс Клувер», 2011. – 302 с.
3. *Андрофагина М. Н.* Федеральная контрактная система как элемент развития сферы государственных закупок / М. Н. Андрофагина // Вестник Саратовского социально-экономического государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 9–13.
4. *Аничков В.* Военное хозяйство / В. Аничков. – СПб.: Тип. Николая Деноткина, 1860. – 613 с.

5. *Арсентьев В. М.* Акционерные формы промышленного предпринимательства России XIX века в дореформенный период (на примере Среднего Поволжья) / В. М. Арсентьев // *Экономическая история*. – 2013. – № 2 (21). – С. 24–36.
6. *Арсентьев В. М.* От протоиנדустрии к фабрике: модели производственно-отраслевой специализации и механизм функционирования промышленности России в первой половине XIX века (по материалам Среднего Поволжья) / В. М. Арсентьев. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004. – 264 с.
7. *Арсентьев В. М.* Социальные аспекты организации промышленного производства провинциальной России в первой половине XIX в. (по материалам Среднего Поволжья) / В. М. Арсентьев. – Саранск : Издат. центр ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева, 2009. – 368 с.
8. *Арсентьев В. М.* Суконная промышленность в контексте промышленной политики России в первой половине XIX века / В. М. Арсентьев // *Экономическая история*. – 2014. – № 3. – С. 8–15.
9. *Арсентьев В. М.* Теория и практика экономического районирования Среднего Поволжья / В. М. Арсентьев, О. И. Марискин // *Регионология*. – № 2 (47). – С. 106–119.
10. *Арсентьев Н. М.* Российская модернизация: развитие капитализма и проблема цивилизационного выбора в XVIII – начале XX века / Н. М. Арсентьев, Д. В. Доленко // *Экономическая история*. – 2010. – № 4. – С. 4–19.
11. *Белинская М. П.* Понятие казенного подряда в историко-правовом развитии: XVIII век / М. П. Белинская // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2015. – № 1. – С. 218–222.
12. *Виноградов В. А.* Экономическая история и современность : к 20-летию Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории / В. А. Виноградов, Н. М. Арсентьев, Л. И. Бородкин. – Саранск : Изд. центр ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева. – 2009. – 156 с.
13. *Дудник А. Е.* История появления подрядных торгов в России [Электронный ресурс] / А. Е. Дудник // *Современные научные исследования и инновации*. – 2011. – № 1. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/189>
14. *Журавский Д. П.* Статистический обзор военных расходов с 1711 по 1825 год / Д. П. Журавский. – СПб. : Тип. Карла Вульфа, 1859. – 228 с.
15. *Журнал комитета министров. Царствование императора Александра I, 1802–1826 гг. : в 2 т. Т. 2. 1810–1812.* – СПб. : Тип. В. Безобразова, 1891. – 758 с.
16. *Историко-статистический обзор промышленности России. Издан по поручению высочайше утвержденной Комиссии по устройству всероссийской промышленно-художественной выставки в Москве 1882 года : в 2 т. Т. 2. Произведения фабричной, заводской, ремесленной и кустарной промышленности / под ред. Д. А. Тимирязева.* – СПб. : Тип. В. Киршбаума и тип. А. Суворина, 1886. – 963 с.
17. *История госзакупок государства Российского в лицах // Citizen. Seldon.* Специальный выпуск. – 2014. – Апрель. – 21 с.
18. *Кашелюк Б. Е.* Правовое регулирование договора поставки товаров для государственных нужд : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Б. Е. Кашелюк. – Рязань, 2014. – 25 с.
19. *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба: Симбирская губерния / сост. полков. Липинский.* – СПб., 1868. – Т. 20. – Ч. 2. – 771 с.
20. *Меринова Ю. И.* История законодательного регулирования института обеспечения потребностей органов внутренних дел дореволюционного периода (на примере договора поставки) / Ю. И. Меринова // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2009. – № 2. – С. 154–157.
21. *Певзнер И. В.* Суконная промышленность России на рубеже XVIII и XIX вв. и экономическая политика правительства / И. В. Певзнер // *Исторические записки*. – 1978. – Т. 102. – 235 с.
22. ПСЗ –1. – Т. I. – № 132.
23. ПСЗ –1. – Т. I. – № 139.
24. ПСЗ –1. – Т. XXIV. – № 18133.
25. ПСЗ –1. – Т. XXVI. – № 19563.
26. ПСЗ –1. – Т. XXVI. – № 19566.
27. ПСЗ –1. – Т. XXVII. – № 20805.
28. ПСЗ –1. – Т. XXVII. – № 20852.
29. ПСЗ –1. – Т. XXX. – № 23121.
30. ПСЗ –1. – Т. XXX. – № 23923.
31. ПСЗ –1. – Т. XXX. – № 24469.

32. ПСЗ –1. – Т. XXXII. – № 25253.
33. ПСЗ –1. – Т. XXXIII. – № 26320.
34. ПСЗ –1. – Т. XXIX. – № 30085.
35. ПСЗ –2. – Т. XXII. – № 21419.
36. ПСЗ –2. – Т. XXII. – № 21033.
37. СЗ РИ. 1857 г. – Т. XI. – Ч. 2.
38. СЗ РИ. 1900 г. – Т. X. – Ч. 1. – Ст. 1737.
39. *Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке / М. И. Туган-Барановский – М. : Наука, 1997. – 735 с.*
40. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. – Ф. 18. – Оп. 3. – Д. 1.

References

1. *Abregova A. A. Gosudarstvennyj kontrakt v Rossii: problemy razvitija instituta [Jelektronnyj resurs] / A. A. Abregova // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. – 2011. – № 3. – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-kontrakt-v-rossii-problemy-razvitiya-instituta>*
2. *Andreeva L. V. Zakupki tovarov i jenergoservisnyh rabot dlja federal'nyh gosudarstvennyh nuzhd: pravovoe regulirovanie / L. V. Andreeva. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : «Volters Kluver», 2011. – 302 s.*
3. *Androfagina M. N. Federal'naja kontraktnaja sistema kak jelement razvitija sfery gosudarstvennyh zakupok / M. N. Androfagina // Vestnik Saratovskogo social'no-jekonomicheskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 3. – S. 9–13.*
4. *Anichkov V. Voennoe hozjajstvo / V. Anichkov. – SPb. : Tip. Nikolaja Denotkina, 1860. – 613 s.*
5. *Arsent'ev V. M. Akcionernye formy promyshlennogo predprinimatel'stva Rossii XIX veka v doreformennyj period (na primere Srednego Povolzh'ja) / V. M. Arsent'ev // Jekonomicheskaja istorija. – 2013. – № 2 (21). – S. 24–36.*
6. *Arsent'ev V. M. Ot protoindustrii k fabrike: modeli proizvodstvenno-otraslevoj specializacii i mehanizm funkcionirovanija promyshlennosti Rossii v pervoj polovine XIX veka (po materialam Srednego Povolzh'ja) / V. M. Arsent'ev. – Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta, 2004. – 264 s.*
7. *Arsent'ev V. M. Social'nye aspekty organizacii promyshlennogo proizvodstva provincial'noj Rossii v pervoj polovine XIX v. (po materialam Srednego Povolzh'ja) / V. M. Arsent'ev. – Saransk : Izdat. centr ISI MGU im. N. P. Ogareva, 2009. – 368 s.*
8. *Arsent'ev V. M. Sukonnaja promyshlennost' v kontekste promyshlennoj politiki Rossii v pervoj polovine XIX veka / V. M. Arsent'ev // Jekonomicheskaja istorija. – 2014. – № 3. – S. 8–15.*
9. *Arsent'ev V. M. Teorija i praktika jekonomicheskogo rajonirovanija Srednego Povolzh'ja / V. M. Arsent'ev, O. I. Mariskin // Regionologija. – № 2 (47). – S. 106–119.*
10. *Arsent'ev N. M. Rossijskaja modernizacija: razvitie kapitalizma i problema civilizacionnogo vybora v XVIII – nachale XX veka / N. M. Arsent'ev, D. V. Dolenko // Jekonomicheskaja istorija. – 2010. – № 4. – S. 4–19.*
11. *Belinskaja M. P. Ponjatие kazennogo podrjadа v istoriko-pravovom razvitii: XVIII vek / M. P. Belinskaja // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2015. – № 1. – S. 218–222.*
12. *Vinogradov V. A. Jekonomicheskaja istorija i sovremennost' : k 20-letiju Nauchnogo soveta RAN po problemam rossijskoj i mirovoj jekonomicheskoi istorii / V. A. Vinogradov, N. M. Arsent'ev, L. I. Borodkin. – Saransk : Izd. centr ISI MGU im. N. P. Ogareva. – 2009. – 156 s.*
13. *Dudnik A. E. Istorija pojavlenija podrjadnyh trgov v Rossii [Jelektronnyj resurs] / A. E. Dudnik // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. – 2011. – № 1. – Rezhim dostupa: <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/189>*
14. *Zhuravskij D. P. Statisticheskij obzor voennyh rashodov s 1711 po 1825 god / D. P. Zhuravskij. – SPb. : Tip. Karla Vul'fa, 1859. – 228 s.*
15. *Zhurnal komiteta ministrov. Carstvovanie imperatora Aleksandra I, 1802–1826 gg. : v 2 t. T. 2. 1810–1812. – SPb. : Tip. V. Bezobrazova, 1891. – 758 s.*
16. *Istoriko-statisticheskij obzor promyshlennosti Rossii. Izdan po porucheniju vysochajshe utverzhdennoj Komissii po ustrojstvu vserossijskoj promyshlenno-hudozhestvennoj vystavki v Moskve 1882 goda : v 2 t. T. 2. Proizvedenija fabričnoj, zavodskoj, remeslennoj i kustarnoj*

- promyshlennosti / pod red. D. A. Timirjazeva. – SPb. : Tip. V. Kirshbauma i tip. A. Suvorina, 1886. – 963 s.
17. Istorija goszakupok gosudarstva Rossijskogo v licah // Citizen. Seldon. Special'nyj vypusk. – 2014. – Aprel'. – 21 s.
 18. *Kasheljuk B. E.* Pravovoe regulirovanie dogovora postavki tovarov dlja gosudarstvennyh nuhd : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / B. E. Kasheljuk. – Rjazan', 2014. – 25 s.
 19. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo Shtaba: Simbirskaja gubernija / sost. polkov. Lipinskij. – SPb., 1868. – T. 20. – Ch. 2. – 771 s.
 20. *Merinova Ju. I.* Istorija zakonodatel'nogo regulirovanija instituta obespečenija potrebnostej organov vnutrennih del dorevoljucionnogo perioda (na primere dogovora postavki) / Ju. I. Merinova // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2009. – № 2. – S. 154–157.
 21. *Pevzner I. V.* Sukonnaja promyshlennost' Rossii na rubezhe XVIII i XIX vv. i jekonomicheskaja politika pravitel'stva / I. V. Pevzner // Istoricheskie zapiski. – 1978. – T. 102. – 235 s.
 22. PSZ –1. – T. I. – № 132.
 23. PSZ –1. – T. I. – № 139.
 24. PSZ –1. – T. XXIV. – № 18133.
 25. PSZ –1. – T. XXVI. – № 19563.
 26. PSZ –1. – T. XXVI. – № 19566.
 27. PSZ –1. – T. XXVII. – № 20805.
 28. PSZ –1. – T. XXVII. – № 20852.
 29. PSZ –1. – T. XXX. – № 23121.
 30. PSZ –1. – T. XXX. – № 23923.
 31. PSZ –1. – T. XXX. – № 24469.
 32. PSZ –1. – T. XXXII. – № 25253.
 33. PSZ –1. – T. XXXIII. – № 26320.
 34. PSZ –1. – T. XXIX. – № 30085.
 35. PSZ –2. – T. XXII. – № 21419.
 36. PSZ –2. – T. XXII. – № 21033.
 37. SZ RI. 1857 g. – T. XI. – Ch. 2.
 38. SZ RI. 1900 g. – T. H. – Ch. 1. – St. 1737.
 39. *Tugan-Baranovskij M. I.* Izbrannoe. Russkaja fabrika v proshlom i nastojashhem. Istoricheskoe razvitie russkoj fabрики v XIX veke / M. I. Tugan-Baranovskij – M. : Nauka, 1997. – 735 s.
 40. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga. – F. 18. – Op. 3. – D. 1.

Поступила в редакцию 10 ноября 2015 г.

Сведения об авторе

Смирнова Елена Андреевна – аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Область научных интересов – государственное предпринимательство и казенный подряд в первой половине XIX в.

E-mail: lenaas21@rambler.ru

Smirnova Elena Andreevna – postgraduate student of the Department of history of Russia FGBOU VPO «Mordovian state University. N. P. Ogaryov». Research interests – entrepreneurship and the state Treasury in a row in the first half of the nineteenth century

Р. В. Федосеев

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Ключевые слова: дворянство, имение, земельный кредит, залог земли, дворянское хозяйство, Среднее Поволжье, ссуда, частное землевладение.

В статье анализируется деятельность Дворянского земельного банка на территории Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в. Рассматривается формирование системы государственного ипотечного кредита, исследуются особенности функционирования данного кредитного института, а также отмечается покровительственный характер со стороны властей по отношению к банку. В результате исследования динамики основных операций, проводимых банком на территории губерний изучаемого региона, отмечаются значительные колебания в объемах предоставления ссуд, что было вызвано не отсутствием необходимости кредитования, а причинами социально-политического характера. В статье обоснованно утверждается, что Государственный Дворянский земельный банк занял ведущее место среди всех кредитных учреждений, действовавших на земельном рынке Среднего Поволжья, в разы превосходя номинальных конкурентов.

R. V. Fedoseev

PECULIARITIES OF ORGANIZATION AND ACTIVITY OF STATE NOBLE LAND BANK IN THE TERRITORY OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Keywords: nobility, estate, land credit, land as collateral, noble farm, middle Volga region, the loan, the private ownership of land.

The article analyzes the Noble land Bank activity on the territory of the Middle Volga in the late XIX – early XX centuries. Considered the formation of the system of state mortgage loan, examines the features of functioning of the credit institution, and also noted the patronizing nature of the authorities in relation to the Bank. Analyzing the dynamics of major transactions by the Bank on the territory of the provinces of the study region, there have been considerable fluctuations in the volume of loans that was not due to a lack of need of credit, and the causes of the socio-political nature. The article rightly argues that the State Noble land Bank took a leading place among all credit institutions operating in the land market of the Middle Volga region significantly exceeding its nominal competitors.

Во второй половине XIX в. бурное развитие получила система земельного кредитования, заменившая собой существовавшие до реформы кредитные учреждения, построенные на сословных началах. Все это привело к тому, что в середине 1880-х гг. почти половина всей принадлежавшей дворянам Среднего Поволжья земли была заложена в земельных

банках. При этом высокие процентные ставки в акционерных банках провоцировали рост задолженности землевладельцев и вызывали их разорение. Кроме того, коммерческие банки были ограничены со стороны Министерства финансов в объемах выдаваемых ими ссуд, что также вызывало недовольство со стороны высшего сословия, привыкшего

к более покровительственной политике. В этот же период быстрыми темпами начало сокращаться дворянское землевладение, что пугало уже правительство, видевшее в этом угрозу стабильности.

В связи с этим огромную важность для губерний Среднего Поволжья, в которых поместные дворяне традиционно имели в структуре своих экономий большую долю сельскохозяйственного производства, представлял вопрос о складывании системы государственного ипотечного кредита под залог земли.

Вопросами, связанными с функционированием Государственного Дворянского земельного банка в конце XIX – начале XX в. исследователи начали активно интересоваться в советский период, когда появились первые комплексные работы, посвященные помещичьему хозяйству [11; 17]. В настоящее время внимание к данной проблематике не утихает. Указанные вопросы анализируются как в рамках обобщающих трудов о российском дворянстве [1–10; 12; 13; 18; 35], так и в исследованиях уделяющих внимание исключительно данной тематике [28–30; 34].

Государственный ипотечный кредит оформился в 80-е гг. XIX в. и стал одним из важнейших инструментов правительственной политики [28, с. 190]. Складывание системы ипотечного кредита завершилось созданием Дворянского земельного банка.

Основной целью Государственного Дворянского земельного банка согласно статье 1 Устава устанавливалось поддержание землевладения потомственных дворян посредством выдачи наличными деньгами ссуд под залог принадлежащих им земель на сроки от 11 до 67 лет [33, с. 3].

Дворянский банк имел возможность выдавать ссуды на особо льготных условиях по сравнению с акционерными земельными банками. И действительно разница была значительна. Банк выдавал ссуды под 5,5 %, тогда как коммерческие банки могли позволить себе самое малое 6,5 %. Разница состояла и в сроках погашения кредита: в Дворянском банке – 66 лет и 6 месяцев, в

коммерческих – максимум 43 года. Но главная льгота Дворянского банка заключалась в размере выдаваемых ссуд. В этом вопросе данное кредитное учреждение не было стеснено никакими постановлениями Министерства финансов и имело право выдавать ссуды даже в размере 75 % оценки имущества, т. е., как метко подметил С. С. Хрулев, «в таком размере, в каком земельные банки не могли и помышлять о выдаче ссуд и который был чрезвычайно соблазнителен для многих и многих заемщиков» [36, с. 27–28].

Проведение операций банка на местах возлагалось на отделения, открывавшиеся по предложению совета банка, каждый раз по особому разрешению министра финансов [33, с. 7].

К началу 1887 г. банк открыл 25 отделений, действовавших в 36 губерниях Европейской России, к 1910 г. учреждение действовало уже на территории 48 губерний и 3 областей Европейской России и Кавказа [16, с. 12].

В Среднем Поволжье ранее всех отделение Государственного Дворянского земельного банка открылось в Пензенской губернии – 21 декабря 1885 г., затем 16 января 1886 г. было открыто отделение в Симбирской губернии, 30 июля того же года – в Казанской, а 1 мая 1887 г. это произошло и в Самарской губернии [16, с. 50–51].

Желающий получить ссуду под залог имущества был обязан предоставить в банк следующие документы: 1) установленное законом залоговое свидетельство; 2) оценочную опись имущества, подписанную владельцем или его уполномоченным; 3) планы и документы на основании наказа Банка; 4) три рубля за наложение и снятие запрещения, а в необходимых случаях также и деньги на расходы по оценке имущества [33, с. 17]. При этом расходы по оценке имущества зависели от его величины и были установлены в следующих размерах: для имущества не более 500 десятин – 50 руб., от 500 до 1 000 – 75, от 1 000 до 2 000 – 125, от 2 000 до 3 000 – 150, от 3 000 до 5 000 – 200, свыше 5 000 десятин – 200 руб., а за каждые 1 000 десятин сверх того по 20 руб. [15, с. 95].

Размер ссуды не должен был превышать 60 % оценочной стоимости закладываемого имения. Ссуды не могли выдаваться под имения, оценочная стоимость которых составляла ниже 500 руб. Размер ссуды мог быть увеличен до 75 % с оценочной стоимости имения по постановлению двух третей голосов совета банка и с утверждения министра финансов, если ссуда испрашивалась для погашения обеспеченных на имении долгов (кредитному учреждению или частному лицу), сделанных до начала деятельности банка в данной местности [33, с. 18]. По ссудам, выданным из банка, заемщик обязывался уплачивать в течение всего срока займа 5,0 % годовых [26, с. 267], в 1889 г. процент этот был понижен до 4,5, а Манифестом от 14 ноября 1894 г. – до 4,0 % [19, с. 634]. Максимально процент был снижен указом от 29 мая 1897 г. до 3,5 [20,

с. 328]. Правда, значительное понижение курса процентных бумаг банка очень скоро вызвало повышение взимаемых процентов, уже в 1900 г. процент по вновь выдаваемым ссудам был увеличен обратно до 4,0 [16, с. 23–24], а в 1906 г. заемщики получили право получать ссуды либо под 4,5 %, либо под 5,0 % годовых [21, с. 290].

О том, что открытие Дворянского банка, обремененное частными кредитами средневожское дворянство ожидало с нетерпением, говорит количество ссуд, выданных данным учреждением уже в первый год его функционирования. Так, в трех губерниях Среднего Поволжья в 1886 г. были выданы 204 ссуды, наибольшее их число пришлось на Пензенскую губернию – 101, в Симбирской 88, а в Казанской всего 15, что объясняется более поздним открытием здесь отделения – 30 июля 1886 г. Дворянской земли

Таблица 1 / Table 1 [22, с. 6–7, 12–13, 18–19]
Ссуды, выданные Государственным Дворянским земельным банком на территории Среднего Поволжья в 1886 г. (без учета Самарской губернии*) / Loans issued by the State Noble land Bank in the territory of the Middle Volga region in 1886 (excluding the Samara province)

Губерния / The province	Количество ссуд / The number of loans	Количество принятой в залог земли / The number of adopted security of land	Оценка принимаемого в залог имения, руб. / Assessment taken against the estate, rubles		Стоимость 1 десятины земли, руб. / The cost of 1 acres of land, in rubles		Ссуда на 1 десятину земли / Loan on 1 acres of land	Общая сумма займа, руб. / The total loan amount, rubles
			владельцем / owner	банком / bank	владельцем / owner	банком / bank		
Казанская / Kazan	15	15 651	1 007 749	824 460	64,4	52,7	25,1	416 966
Пензенская / Penza	101	96 101	9 742 121	8 358 229	98,8	84,8	44,5	4 276 976
Симбирская / Simbirsk	88	72 027	7 037 009	4 753 579	97,7	66,0	37,2	2 675 822
Итого Среднее Поволжье / Total Middle Volga Region	204	183 779	17 786 879	13 936 268	89,9	67,8	35,6	7 369 764

* В Самарской губернии отделение Государственного Дворянского земельного банка было открыто только в 1887 г.

в регионе было заложено 183 779 десятин, при этом более половины в Пензенской губернии – 96 101 десятина (или 52,3 %), а в Казанской всего 15 651 десятина (или 8,5 %). Общая сумма выданных ссуд составила 7 369 764 руб., из которой на долю Пензенской губернии пришлось – 4 276 976 (58,0 %), Симбирской – 2 675 822 руб. (36,3), Казанской – 416 966 руб. (5,7 %) (табл. 1).

Благоприятные условия, созданные правительством, позволили Государственному Дворянскому земельному банку развернуть активную деятельность. К началу 1898 г. долги данному кредитному учреждению составили 489 201 500 руб., к 1901 г. – 606 206 700, к 1907 г. – 646 690 200, а к 1 января 1911 г. – 585 583 400 руб. В 1898 г. в залоге состояли 15 613 имений с 13 452 895 десятинами земли, в 1901 г. уже 18 721 имение и 16 002 206 десятин земли, в 1907 г. – 19 148 имений и 15 113 004 десятин, и несколько меньше в 1911 г. – 17 345 имений с 12 345 658 десятины земли. Общая оценка всей заложенной в банке земли составляла: в 1898 г. – 856 435 633 руб.; в 1901 г. – 1 060 409 348; в 1906 г. – 1 131 853 192; в 1911 – 1 019 438 120 руб. Наблюдаемое в период с 1907 по 1911 г. значительное снижение объемов деятельности банка было вызвано не отсутствием необходимости кредитования, а причинами социально-политического характера. Первая русская революция 1905 – 1907 гг. и произошедшие в ее рамках массовые аграрные волнения привели к тому, что с 1907 по 1911 г. число заложенных

имений снизилось почти на 9,5 % (с 19 148 по 17 345), количество заложенной земли на 18,3 % (с 15 113 004 по 12 345 658 руб.), сокращение затронуло и номинальную сумму займа (9,4 %) и остаток долга (10,1 %) (табл. 2). Кроме того, негативно на деятельности банка сказались изменения, внесенные законом от 21 марта 1906 г., который установил выдачу кредитов вместо наличных денег закладными листами [21, с. 289], что привело к выравниванию новых кредитов и выплат по старым займам.

Масштабы деятельности Дворянского банка на территории Среднего Поволжья были также впечатляющими, так к 1 января 1898 г. задолженность банку составила 50 157 000 руб., заложено было 1 521 имение с 1 648 706 десятинами земли, оцениваемыми в 88 235 170 руб. К аналогичному периоду 1901 г. размер долга вырос до 60 813 100 руб. (+21,2 %), количество заложенных имений составило уже 1 769 (+16,3 %) с 1 935 266 десятинами земли в них (+17,4), оцениваемыми в 107 381 978 руб. (+21,7 %). В дальнейшем наблюдается, как и в России в целом, достаточно резкий спад показателей, обусловленный обозначенными выше причинами. Количество состоявших в залоге имений уменьшилось с 1 769 в 1901 г. до 1 580 в 1907 г. и до 1 300 в 1911 г. Вслед за этим сократилось и количество заложенной в них земли с 1 935 266 десятин в 1901 г. до 1 190 574 в 1911 г. (или на 38,5 %). Номинальная сумма займа с 1901 по 1911 гг. уменьшилась на 27,9 %,

Таблица 2 / Table 2 [23, с. 12; 24, с. 12; 25, с. 12; 31, л. 73 об.]

Динамика операций Дворянского земельного банка на территории Европейской России по состоянию на 1 января 1898, 1901, 1907, 1911 гг. / Dynamics of operations Noble land Bank on the territory of European Russia as of January 1, 1898, 1901, 1907, 1911

Год / Year	Кол-во имений, единиц / Number of estates, units	Кол-во земли, десятин / Number of land, acres	Оценка, руб. / Assessment, rubles	Номинальная сумма займа, руб. / Nominal amount of the loan, rubles	Остаток долга, руб. / The remainder of the debt, rubles
1898	15 613	13 452 895	856 435 633	489 201 500	477 515 553
1901	18 721	16 002 206	1 060 409 348	606 206 700	590 832 372
1907	19 148	15 113 004	1 131 853 192	646 690 200	623 329 090
1911	17 345	12 345 658	1 019 438 120	585 583 400	560 732 179

Таблица 3 / Table 3 [23, с. 12; 24, с. 286, 288, 290–292; 25, с. 12; 31, лл. 189 об., 190 об., 191 об.];

**Динамика операций Дворянского земельного банка
в Среднем Поволжье по состоянию на 1 января 1898, 1901, 1907, 1911 гг. /
Dynamics of operations Noble land Bank i
n the Middle Volga region as of January 1, 1898, 1901, 1907, 1911**

Год / Year	Кол-во имений, единиц / Number of estates, units	Кол-во земли, десятин / Number of land, acres	Оценка, руб. / Assessment, rubles	Номинальная сумма займа, руб. / Nominal amount of the loan, rubles	Остаток долга, руб. / The remainder of the debt, rubles
1898	1 521	1 648 706	88 235 170	50 157 000	48 694 763
1901	1 769	1 935 266	107 381 978	60 813 100	58 858 679
1907	1 580	1 571 115	95 840 283	55 185 900	52 635 653
1911	1 300	1 190 574	76 083 552	43 847 200	41 519 964

синхронно сократилась и общая оценка заложенных земель – на 29,2 %. По отношению к номинальной сумме займа немного сократился и общий остаток долга, если в 1898 г. он составлял 97,1 % по отношению к номинальной сумме займа, то к 1911 г. уже 94,7 % (табл. 3).

Если сравнивать показатели деятельности Дворянского банка в России и Среднем Поволжье, то помимо общей динамики можно отметить большие темпы снижения количества операций в регионе. Например, с 1901 по 1911 г. здесь номинальная сумма займа сократилась на 27,9 %, а количество заложенной земли на 38,5 %, тогда как в целом по стране – соответственно на 3,4 и 22,9 %. При этом общая доля Среднего Поволжья в структуре операций Дворянского банка составляла около 10 % (табл. 4).

Изменения, происходившие в отдельных губерниях региона, в целом были похожи. Так, в Казанской губернии с 1898 по 1901 г. мы видим незначительное повышение числа займов – на 8,5 %, всего на 1,8 % увеличилось количество заложенной земли, на 2,5 – ее ценность, на 2,2 % – общая сумма займа. Затем наблюдается спад, с 1901 по 1911 г. сокращается число заложенных имений – на 17,3 %, количество заложенной в них земли – на 26,7; их оценка – на 23,0; номинальная сумма займа и остаток долга – соответственно на 21,9 и 24,5 %. Доля показателей губернии в их общем количестве по региону была невелика, в среднем около 20 % (табл. 5).

Немного иные показатели мы наблюдаем в Пензенской губернии, где их рост был наибольшим из всех средневоложских

Таблица 4 / Table 4 [23, с. 12; 24, с. 286; 25, с. 52–54; 31, л. 189 об.]

**Динамика операций Дворянского земельного банка
в Казанской губернии по состоянию на 1 января 1898, 1901, 1907, 1911 гг. /
Dynamics of operations Noble land Bank
in Kazan province as at January 1, 1898, 1901, 1907, 1911**

Год / Year	Кол-во имений, единиц / Number of estates, units	Кол-во земли, десятин / Number of land, acres	Оценка, руб. / Assessment, rubles	Номинальная сумма займа, руб. / Nominal amount of the loan, rubles	Остаток долга, руб. / The remainder of the debt, rubles
1898	364	312 729	19 586 348	11 300 400	10 923 383
1901	395	318 426	20 079 431	11 549 400	11 014 628
1907	372	295 620	18 825 331	11 124 500	10 381 073
1911	327	233 402	15 464 722	9 026 400	8 321 846

Таблица 5 / Table 5 [23, с. 286; 24, с. 54–55; 25, с. 12; 31, л. 190 об.]
**Динамика операций Дворянского земельного банка
 в Пензенской губернии по состоянию на 1 января 1898, 1901, 1907, 1911 гг. /
 Dynamics of operations Noble land Bank
 in the province of Penza as of January 1, 1898, 1901, 1907, 1911**

Год / Year	Кол-во имений, единиц / Number of estates, units	Кол-во земли, десятин / Number of land, acres	Оценка, руб. / Assessment, rubles	Номинальная сумма займа, руб. / Nominal amount of the loan, rubles	Остаток долга, руб. / The remainder of the debt, rubles
1898	428	375 949	27 785 882	15 275 000	14 814 012
1901	520	525 898	36 046 299	19 999 100	19 411 852
1907	481	448 832	31 297 733	17 942 800	17 120 152
1911	378	351 384	25 766 806	14 861 100	14 144 393

губерний. Так, с 1898 по 1901 г. число заложенных имений здесь возросло на 21,5 %, количество заложенной земли – на 39,9, ее оценка – на 29,7, сумма займа и остаток долга – соответственно на 30,9 и 31,0 %. Далее произошел такой же резкий спад, с 1901 по 1911 г. число состоявших в залоге у банка имений уменьшилось на 27,3 %, количество земли в залоге – на 33,2 %, оценка заложенной земли – на 29,5 %, сумма займа – на 25,7 % и, наконец, общий остаток долга – на 27,2 %. Нужно отметить и то, что 1/3 всей задолженности банку в Среднем Поволжье пришлось именно на эту губернию (табл. 6).

В Симбирской губернии с 1898 по 1901 г. мы также можем наблюдать увеличение всех показателей: числа займов – на 17,5 %, количества заложенной земли на

28,3, ее оценки – на 28,6, общей суммы займа и остатка долга – соответственно на 26,5 и 26,2 %. В дальнейшем аналогичный спад. С 1901 по 1911 г. сокращается число находящихся в залоге имений на 29,3 %, количество заложенной земли – на 38,2, их оценка – на 34,1, номинальная сумма займа и остаток долга – соответственно на 32,6 и 34,0 %. При этом темпы сокращения таких показателей, как оценка заложенной земли, общий объем задолженности и общий остаток долга были наибольшими из всех губерний исследуемого региона (табл. 7).

Самарская губерния не явилась исключением, правда, здесь в 1898, 1901 и 1907 гг. в Дворянском банке было заложено больше всего десятин земли среди рассматриваемых губерний, при этом ее ценность была не намного больше, чем в Казанской губер-

Таблица 6 / Table 6 [23, с. 12; 24, с. 288; 25, с. 56–59; 31, л. 190 об.]
**Динамика операций Дворянского земельного банка
 в Симбирской губернии по состоянию на 1 января 1898, 1901, 1907, 1911 гг. /
 Dynamics of operations Noble land Bank
 in the Simbirsk province, as at January 1, 1898, 1901, 1907, 1911**

Год / Year	Кол-во имений, единиц / Number of estates, units	Кол-во земли, десятин / Number of land, acres	Оценка, руб. / Assessment, rubles	Номинальная сумма займа, руб. / Nominal amount of the loan, rubles	Остаток долга, руб. / The remainder of the debt, rubles
1898	424	357 087	22 402 506	12 979 900	12 554 600
1901	498	458 043	28 807 204	16 416 200	15 840 601
1907	440	397 865	26 636 457	15 508 000	14 769 156
1911	352	283 129	18 995 933	11 072 300	10 460 508

Таблица 7 / Table 7 [23, с. 12; 24, с. 290–292; 25, с. 60–61; 31, л. 191 об.]
**Динамика операций Дворянского земельного банка
 в Самарской губернии по состоянию на 1 января 1898, 1901, 1907, 1911 гг. /
 Dynamics of operations Noble land Bank
 in the Samara province, as at January 1, 1898, 1901, 1907, 1911**

Год / Year	Кол-во имений, единиц / Number of estates, units	Кол-во земли, десятин / Number of land, acres	Оценка, руб. / Assessment, rubles	Номинальная сумма займа, руб. / Nominal amount of the loan, rubles	Остаток долга, руб. / The remainder of the debt, rubles
1898	305	602 941	18 460 434	10 601 700	10 402 768
1901	356	632 863	22 449 044	12 848 400	12 591 598
1907	287	428 798	19 080 762	10 610 600	10 365 272
1911	243	322 659	15 865 091	8 887 400	8 593 217

нии, где, напротив, было заложено земли менее всего. Данное обстоятельство объясняется тем, что в Самарской губернии по сравнению с другими губерниями Среднего Поволжья дворянству принадлежало больше всего земли, а ее цена была наименьшей. Отмеченное обстоятельство никоим образом не сказалось на динамике рассматриваемых показателей. В период между 1898 и 1901 гг. число заложенных имений в данной губернии возросло на 16,7 %, количество заложенной земли – всего на 4,9 %, ее оценка увеличилась на 21,6 %, номинальная сумма займа и общий остаток долга соответственно на 21,2 и 21,0 %. С 1901 по 1911 г. происходит значительное сокращение: числа состоящих в залоге имений – на 31,8 %; количества земли в залоге – на 49,0; ее оценки – на 29,3; общей сумма займа – на 30,8; остатка задолженности – на 31,7 %. Губерния продемонстрировала наивысшие темпы сокращения числа состоящих в залоге имений и количества заложенной в них земли в регионе (табл. 7).

Целевое назначение кредитов было различным. Некоторые средневожские дворяне использовали эти средства на производственные цели, интенсифицируя свои хозяйства и реорганизовывая их на капиталистических началах. Многие представители высшего сословия активно участвовали в операциях с ценными бумагами, покупая облигации государственных займов, а также акции банков, торгово-промышленных

предприятий, страховых компаний, пароходных обществ, железных дорог и т. д. Значительная часть ссуд была использована для покупки земли [1, с. 231].

В то же время суммы, полагавшиеся за заложенное имение, далеко не полностью попадали в руки заемщиков. Сначала необходимо было выплатить все установленные банком удержания, а именно: 0,25 % от нарицательной (номинальной) суммы ссуды; первый полугодовой платеж по ссуде; все расходы банка по делу заемщика (почтовые, телеграфные, страховые и т. д.); суммы всех лежащих на имении казенных взысканий, а равно недоимок в повинностях: государственных, земских, частных дворянских, а также долгов государственным кредитным организациям; суммы всех долгов частным лицам и кредитным организациям [27, с. 11]. Например, при выдаче ссуды С. А. Владыкиной в 1897 г. ее имение (823 десятины), находившееся в Пензенской губернии, было оценено банком в 96 083 руб., при этом она могла рассчитывать на ссуду в размере 57 600 руб., но с учетом различных удержаний в распоряжение заемщицы поступило всего 23 200 руб. [14, л. 1–2].

Государственный Дворянский земельный банк, как и ожидалось, занял ведущее место среди всех кредитных учреждений, действовавших на земельном рынке. Если сравнивать объемы заложенных земель, принадлежавших потомственному дворянству, а также количество ссуд и их сумму,

то Дворянский банк в разы превосходил своих номинальных конкурентов. Так, в 1897 г. в Среднем Поволжье из 3 215 454 десятин земли, находившейся в собственности дворянского сословия, 2 223 912 десятины находились в залоге кредитных учреждений, при этом на долю Дворянского банка приходилось 2 053 295 десятин, т. е. 92,3 %. Банк здесь выдал кредитов на сумму 56 077 040 руб., что составляло 92,7 % из 60 494 826 руб. общего количества ссуд, выданных под залог земли. Наибольшая задолженность дворянского землевладения наблюдалась в Казанской губернии, где было заложено 76,5 % из всей принадлежавшей сословию земли – 385 367 из 503 444 десятин. В то же время на долю Дворянского банка здесь приходилось 88,1 % от всех заложенных десятин, что ниже, чем в среднем по региону. Наибольшую долю в структуре задолженности Дворянский банк

имел в Самарской губернии, где на его счет приходилось 95,7 % всей находившейся в залоге земли, причем как в процентном отношении, так и в абсолютных цифрах. В денежном отношении наибольший долг имелся у дворян Пензенской губернии – 19 847 110 руб., из них 18 649 373 руб. в Дворянском банке, или 93,9 % от общей задолженности по губернии (табл. 8).

Таким образом, несмотря на то, что деятельность Государственного Дворянского земельного банка не исчерпывала всей системы кредитов под залог земли для помещичьего дворянства, льготные условия кредитования, предлагаемые банком, позволили сосредоточить в нем большую часть задолженности данной категории собственников. В Среднем Поволжье, где преобладало сельскохозяйственное производство, ипотечные кредиты помогли многим помещикам выжить в годы сельскохозяйственных

Таблица 8 / Table 8 [32, л. 4–4 об., 5, 9 об., 10, 11 об., 12, 13 об., 14]
Задолженность имений, принадлежавших потомственным дворянам Среднего Поволжья перед кредитными учреждениями на 1 января 1897 г. / The indebtedness of the estates owned by hereditary nobles of the Middle Volga to credit institutions at 1 January 1897

Губерния / Province	Общее кол-во земли потомственного дворянства, десятин / The total number of land hereditary nobility, acres	Из этого количества заложено / Of this amount laid		В Дворянском банке и его Особом отделе / In Noble Bank and its Special Department		Общее кол-во ссуд выданных под залог земли, руб. / The total number of loans granted bail land, rubles	В Дворянском банке и его Особом отделе / In Noble Bank and its Special Department
		десятин / The acres	процент от общего кол-ва / percent from the total number	десятин / The acres	процент от общего кол-ва / percent from the total number		
Казанская / Kazan	503 444	385 367	76,5	328 930	88,1	12 888 690	11 519 808
Пензенская / Penza	879 550	610 222	69,4	571 584	93,6	19 874 110	18 649 373
Самарская / Samara	1 063 369	715 242	67,3	684 690	95,7	11 536 674	11 185 887
Симбирская / Simbirsk	769 091	513 081	66,7	468 091	91,2	16 195 352	14 721 972
Среднее Поволжье / The Middle Volga Region	3 215 454	2 223 912	69,1	2 053 295	92,3	60 494 826	56 077 040

кризисов и неурожаев конца XIX в. Созданная система также имела большое значение в процессе капитализации дворянских хозяйств, давая возможность получения необходимых для этого средств.

В целом, государственный долгосрочный дворянский кредит выступил главным средством финансовой поддержки и сохранения сословности в частном землевладении. Однако даже льготный зе-

мельный кредит не предотвратил общую тенденцию к сокращению дворянского землевладения как в целом по стране, так и в Среднем Поволжье, но во многом благодаря ему данный процесс проходил поэтапно, что позволило дворянству с наименьшими потерями приспособиться к новому капиталистическому укладу в сельскохозяйственном производстве пореформенной России.

Библиографический список

1. *Арсентьев В. М.* Эволюция дворянского хозяйства: от поместья к экономии / В. М. Арсентьев // История Мордовии. От эпохи Великих реформ до Великой российской революции / под ред. Н. М. Арсентьева, В. А. Юрченкова. – Саранск, 2005.
2. *Арсентьев Н. М.* Деятельность Замосковского горного правления по регулированию прав собственности и форм администрации заводского производства / Н. М. Арсентьев // Экономическая история. – 2014. – № 4. – С. 8–25.
3. *Арсентьев Н. М.* Замосковский горный округ в отечественной историографии / Н. М. Арсентьев, В. М. Арсентьев, А. М. Дубодел // Металлургическая промышленность России XVIII–XX вв. / отв. ред.: проф. Н. М. Арсентьев, проф. В. В. Запарий. – Саранск ; Екатеринбург : 2007. – С. 47–96.
4. *Арсентьев Н. М.* Инновации в промышленности России конца XVIII – начала XX в. / Н. М. Арсентьев // Экономическая история. – 2011. – № 1. – С. 43–45.
5. *Арсентьев Н. М.* Правовое положение рабочих Замосковского горного округа конца XVIII – первой половины XIX века в ретроспективе модернизационной парадигмы России / Н. М. Арсентьев // Экономическая история. – 2013. – № 2. – С. 8–17.
6. *Арсентьев Н. М.* Предпринимательство и государство в исторической ретроспективе российских модернизаций / Н. М. Арсентьев // Экономическая история. – 2010. – № 1. – С. 18–21.
7. *Арсентьев Н. М.* Промышленное хозяйство Мальцовых XIX века в контексте теории анклавно-конгломератного развития / Н. М. Арсентьев, А. А. Макушев // Экономическая история. – 2010. – № 1. – С. 58–75.
8. *Арсентьев Н. М.* Российская модернизация: развитие капитализма и проблема цивилизационного выбора в XVIII – начале XX века / Н. М. Арсентьев, Д. В. Доленко // Экономическая история. – 2010. – № 4. – С. 4–19.
9. *Арсентьев Н. М.* Российская металлургия XIX века в контексте процессов модернизации / Н. М. Арсентьев // Экономическая история. – 2009. – № 7. – С. 53–63.
10. *Арсентьев Н. М.* Россия накануне Первой мировой войны: итоги социально-экономического развития и социально-политического выбора / Н. М. Арсентьев // Экономическая история. – 2015. – № 1. – С. 20–26.
11. *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века) / А. М. Анфимов. – М. : Наука, 1969. – 394 с.
12. *Богатырев Э. Д.* Для умножения казны государевой. Казенная поташная промышленность России в конце XVII – третьей четверти XVIII в. / Э. Д. Богатырев. – Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2005.
13. *Виноградов В. А.* Экономическая история и современность : к 20-летию Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории / В. А. Виноградов, Н. М. Арсентьев, Л. И. Бородкин. – Саранск : Изд. центр ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева. – 2009. – 156 с.
14. Государственный архив Пензенской области. – Ф. 461. – Оп. 1. – Д. 11.
15. Вестник финансов промышленности и торговли. – 1886. – № 2.
16. Государственный Дворянский земельный банк (1885 – 1910). – СПб., 1910. – 54 с.
17. *Корелин А. П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. / А. П. Корелин. – М. : Наука, 1988. – 262 с.

18. Марискин О. И. Тяжесть налогообложения крестьянских хозяйств Среднего Поволжья во второй половине XIX – первой трети XX века / О. И. Марискин // Экономическая история. – 2010. – № 2. – С. 62–72.
19. О всемирноизвестие дарованных милостях и облегчениях по случаю бракосочетания Его Императорского Величества, Государя Императора Николая Александровича от 14.11.1894 г. // ПСЗ III. – СПб., 1898. – Т. XIV. – № 11035.
20. О даровании дворянам-заемщикам Государственного Дворянского земельного банка и Особого его отдела возможных облегчений в исполнении лежащих на них перед названным Банком обязательств от 29.05. 1897 г. // ПСЗ III. – СПб., 1900. – Т. XVII. – № 14170.
21. Об изменении оснований выдачи ссуд из Государственного Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков от 21.03. 1906 г. // ПСЗ III. – СПб., 1909. – Т. XXVI. – № 27584.
22. Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1886 г. – СПб., 1888.
23. Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1900 г. – СПб., 1901.
24. Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1906 г. – СПб., 1907.
25. Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1910 г. – СПб., 1911.
26. Положение о Государственном Дворянском земельном банке от 03.06.1885 г. // ППСЗ III. – СПб., 1887. – № 3016. – Т. V. – С. 263–268.
27. Правила действий и порядка делопроизводства Государственного Дворянского земельного банка. – СПб., 1893.
28. Проскурякова Н. А. Государственный Дворянский земельный банк и его заемщики / Н. А. Проскурякова // Россия сельская XIX – начало XX века / отв. ред. А. П. Корелин. – М. : РОССПЭН, 2004. – 368 с.
29. Проскурякова Н. А. Земельные банки Российской Империи / Н. А. Проскурякова. – М. : РОССПЭН, 2002. – 520 с.
30. Проскурякова Н. А. Ипотека в Российской империи / Н. А. Проскурякова. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 737 с.
31. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 593. – Оп. 27. – Д. 8.
32. РГИА. – Ф. 1283. – Оп. 1. – Д. 205а.
33. Устав Государственного Дворянского земельного банка. – СПб., 1896.
34. Федосеев Р. В. Деятельность Дворянского земельного банка в Пензенской губернии в конце XIX – начале XX века / Р. В. Федосеев // Экономическая история. – 2013. – № 2 (21). – С. 64–67.
35. Федосеев Р. В. Процессы мобилизации землевладения в среде поместного дворянства Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века / Р. В. Федосеев // Экономическая история. – 2012. – № 4 (19). – С. 6–13.
36. Хрулев С. С. Наш ипотечный кредит / С. С. Хрулев. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1898. – 161 с.

References

1. Arsent'ev V. M. Jevoljucija dvorjanskogo hozjajstva: ot pomest'ja k jekonomii / V. M. Arsent'ev // Istorija Mordovii. Ot jepohi Velikih reform do Velikoj rossijskoj revoljucii / pod red. N. M. Arsent'eva, V. A. Jurcchenkova – Saransk, 2005.
2. Arsent'ev N. M. Dejatel'nost' Zamoskovnogo gornogo pravlenija po regulirovaniju prav sobstvennosti i form administracii zavodskogo proizvodstva / N. M. Arsent'ev // Jekonomicheskaja istorija. – 2014. – № 4. – S. 8–25.
3. Arsent'ev N. M. Zamoskovnyj gornyj okrug v otechestvennoj istoriografii / N. M. Arsent'ev, V. M. Arsent'ev, A. M. Dubodel // Metallurgicheskaja promyshlennost' Rossii XVIII–XX vv. / отв. ред. : prof. N. M. Arsent'ev, prof. V. V. Zaparij. – Saransk ; Ekaterinburg : 2007. – S. 47–96.
4. Arsent'ev N. M. Innovacii v promyshlennosti Rossii konca XVIII – nachala XX v. / N. M. Arsent'ev // Jekonomicheskaja istorija. – 2011. – № 1. – S. 43–45.
5. Arsent'ev N. M. Pravovoe polozhenie rabochih Zamoskovnogo gornogo okruga konca XVIII – pervoj poloviny XIX veka v retrospektive modernizacionnoj paradigmy Rossii / N. M. Arsent'ev // Jekonomicheskaja istorija. – 2013. – № 2. – S. 8–17.
6. Arsent'ev N. M. Predprinimatel'stvo i gosudarstvo v istoricheskoj retrospektive rossijskih modernizacij / N. M. Arsent'ev // Jekonomicheskaja istorija. – 2010. – № 1. – S. 18–21.

7. *Arsent'ev N. M.* Promyshlennoe hozjajstvo Mal'covyh XIX veka v kontekste teorii anklavno-konglomeratnogo razvitija / N. M. Arsent'ev, A. A. Makushev // *Jekonomicheskaja istorija*. – 2010. – № 1. – S. 58–75.
8. *Arsent'ev N. M.* Rossijskaja modernizacija: razvitie kapitalizma i problema civilizacionnogo vybora v XVIII – nachale XX veka / N. M. Arsent'ev, D. V. Dolenko // *Jekonomicheskaja istorija*. – 2010. – № 4. – S. 4–19.
9. *Arsent'ev N. M.* Rossijskaja metallurgija XIX veka v kontekste processov modernizacii / N. M. Arsent'ev // *Jekonomicheskaja istorija*. – 2009. – № 7. – S. 53–63.
10. *Arsent'ev N. M.* Rossija nakanune Pervoj mirovoj vojny: itogi social'no-jekonomicheskogo razvitija i social'no-politicheskogo vybora / N. M. Arsent'ev // *Jekonomicheskaja istorija*. – 2015. – № 1. – S. 20–26.
11. *Anfimov A. M.* Krupnoe pomeshhich'e hozjajstvo Evropejskoj Rossii (konec XIX – nachalo XX veka) / A. M. Anfimov. – M. : Nauka, 1969. – 394 s.
12. *Bogatyrev Je. D.* Dlja umnozhenija kazny gosudarevoj. Kazennaja potashnaja promyshlennost' Rossii v konce XVII – tret'ej chetverti XVIII v. / Je. D. Bogatyrev. – Saransk : Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2005.
13. *Vinogradov V. A.* Jekonomicheskaja istorija i sovremennost' : k 20-letiju Nauchnogo soveta RAN po problemam rossijskoj i mirovoj jekonomicheskoi istorii / V. A. Vinogradov, N. M. Arsent'ev, L. I. Borodkin. – Saransk : Izd. centr ISI MGU im. N. P. Ogareva. – 2009. – 156 s.
14. Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti. – F. 461. – Op. 1. – D. 11.
15. Vestnik finansov promyshlennosti i trgovli. – 1886. – № 2.
16. Gosudarstvennyj Dvorjanskij zemel'nyj bank (1885 – 1910). – Spb., 1910. – 54 s.
17. *Korelin A. P.* Sel'skohozjajstvennyj kredit v Rossii v konce XIX – nachale XX v. / A. P. Korelin. – M. : Nauka, 1988. – 262 s.
18. *Mariskin O. I.* Tjazhest' nalogooblozhenija krest'janskih hozjajstv Srednego Povolzh'ja vo vtoroj polovine XIX – pervoj tretej XX veka / O. I. Mariskin // *Jekonomicheskaja istorija*. – 2010. – № 2. – S. 62–72.
19. O vsemlostivejshe darovannyh milostjah i oblegchenijah po sluchaju brakosochetanija Ego Imperatorskogo Velichestva, Gosudarja Imperatora Nikolaja Aleksandroviča ot 14. 11. 1894 g. // PSZ III. – SPb., 1898. – T. XIV. – № 11035.
20. O darovanii dvorjanam-zaemshhikam Gosudarstvennogo Dvorjanskogo zemel'nogo banka i Osobogo ego otdela vozmozhnyh oblegchenij v ispolnenii lezhashhiih na nih pered nazvannym Bankom objazatel'stv ot 29.05. 1897 g. // PSZ III. – SPb., 1900. – T. XVII. – № 14170.
21. Ob izmenenii osnovanij vydachi ssud iz Gosudarstvennogo Dvorjanskogo zemel'nogo i Krest'janskogo pozemel'nogo bankov ot 21.03. 1906 g. // PSZ III. – SPb., 1909. – T. XXVI. – № 27584.
22. Otchet Gosudarstvennogo Dvorjanskogo zemel'nogo banka za 1886 g. – Spb., 1888.
23. Otchet Gosudarstvennogo Dvorjanskogo zemel'nogo banka za 1900 g. – Spb., 1901.
24. Otchet Gosudarstvennogo Dvorjanskogo zemel'nogo banka za 1906 g. – Spb., 1907.
25. Otchet Gosudarstvennogo Dvorjanskogo zemel'nogo banka za 1910 g. – Spb., 1911.
26. Polozhenie o Gosudarstvennom Dvorjanskom zemel'nom banke ot 03.06.1885 g. // PPSZ III. – SPb., 1887. – № 3016. – T. V. – S. 263–268.
27. Pravila dejstvij i porjadka deloproizvodstva Gosudarstvennogo Dvorjanskogo zemel'nogo banka. – Spb., 1893.
28. *Proskurjakova N. A.* Gosudarstvennyj Dvorjanskij zemel'nyj bank i ego zaemshhiki / N. A. Proskurjakova // *Rossija sel'skaja XIX – nachalo XX veka / otv. red. A. P. Korelin*. – M. : ROSSPJeN, 2004. – 368 s.
29. *Proskurjakova N. A.* Zemel'nye banki Rossijskoj Imperii / N. A. Proskurjakova. – M. : ROSSPJeN, 2002. – 520 s.
30. *Proskurjakova N. A.* Ipoteka v Rossijskoj imperii / N. A. Proskurjakova. – M. : Izd. dom Vysšej shkoly jekonomiki, 2014. – 737 s.
31. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). – F. 593. – Op. 27. – D. 8.
32. RGIA. – F. 1283. – Op. 1. – D. 205a.
33. Ustav Gosudarstvennogo Dvorjanskogo zemel'nogo banka. – Spb., 1896.
34. *Fedoseev R. V.* Dejatel'nost' dvorjanskogo zemel'nogo banka v Penzenskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka / R. V. Fedoseev // *Jekonomicheskaja istorija*. – 2013. – № 2 (21). – S. 64–67.

35. *Fedoseev R. V.* Processy mobilizacii zemlevladienija v srede pomestnogo dvorjanstva Penzenskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka / R. V. Fedoseev // *Jekonomicheskaja istorija*. – 2012. – № 4 (19). – S. 6–13.
36. *Hrulev S. S.* Nash ipotechnyj kredit / S. S. Hrulev. – SPb. : Tip. V. Kirshbauma, 1898. – 161 s.

Поступила в редакцию 10 ноября 2015 г.

Сведения об авторе

Федосеев Роман Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); Мордовский гуманитарный институт. Область научных интересов проблемы эволюции дворянского хозяйства во второй половине XIX – начале XX в. Имеет более 50 научных и учебно-методических работ.

Тел.: 8-927-170-01-21

E-mail: fedoseevrv@gmail.com

Fedoseev Roman Vasil'evich – candidate of historical Sciences, associate Professor, Sredne-Volzhsy Institute (branch) of Russian state University of justice (RPA of the Ministry of justice); Mordovian humanitarian Institute. Research interests the evolution of the manorial economy in the second half of XIX – early XX century. Has more than 50 scientific and educational works.

Н. С. Бойко, Р. А. Мухамедов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (на материалах Среднего Поволжья)

Ключевые слова: общественные организации, учредительное собрание общества, губернатор, земство, городское самоуправление, Государственная дума, выборы, субсидии, представительные органы, общества взаимопомощи, земское собрание, учреждения.

Сфера взаимодействия общественных организаций с органами самоуправления распространялась в подавляющих случаях лишь на решение местных бытовых вопросов. Попытки несанкционированных взаимоотношений, выходящие за рамки их полномочий, власть пресекала. В таком характере контактов не были виноваты ни общества, находившиеся под административным и полицейским контролем, ни земские или городские органы самоуправления, компетенция которых не выходила за рамки решения хозяйственных дел. В связи с этим сотрудничество было возможным тогда, когда деятельность общественных организаций либо осуществлялась с непосредственными функциями земства и городских дум, либо выступала в соответствии с государственной политикой. Земство оказывало помощь общественным организациям, выделяя средства не только в качестве ежегодных пособий для поддержания их деятельности, но и на отдельные целевые программы и проекты. Очень часто финансовой поддержкой земства и городских дум пользовались общества сельского хозяйства, пожарные общества и дружины и общества вспомоществования учебным и воспитательным заведениям.

N. S. Boyko, R. A. Mukhamedov

SOCIAL AND ECONOMIC COOPERATION OF LOCAL AUTHORITIES WITH PUBLIC ORGANIZATIONS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA (on materials of Central Volga area)

Keywords: public organizations, constituent assembly of society, governor, zemstvo, city self-government, State Duma, elections, subsidies, representative bodies, societies of mutual aid, territorial meeting, establishments.

The sphere of interaction of public organizations with self-government institutions extended in overwhelming cases only on the solution of local household questions. I stopped the attempts of unauthorized relationship which are beyond their powers, the power. Weren't guilty of such nature of contacts the societies which were under administrative and police control, territorial or city self-government institutions which competence wasn't beyond the solution of economic affairs. In this regard, cooperation was possible when the field of activity of public organizations or was closed with direct functions of a zemstvo and City Councils, or acted according to a state policy. The zemstvo gave help to public organizations, allocating funds not only as annual grants for maintenance of their activity, but also for separate target programs and projects. Societies of agriculture, fire societies and teams and societies of a relief aid to educational and educational institutions used very often financial support of a zemstvo and City Councils.

Общественные организации в XIX – начале XX в. проявляли активность в строго очерченном пространстве под полным контролем со стороны административных органов разных уровней. Организации имели устав и действовали в соответствии с ним. Существовала система членства, выборные исполнительные органы (советы или правления). Практически все сношения с «внешним миром», будь то общественное объединение или учреждение, совершались через канцелярию губернатора или же через соответствующее ведомство (церковное, учебное), но с уведомлением губернатора. Общества были обязаны ежегодно предоставлять отчеты о своей деятельности вышестоящему учреждению. Рассмотрим взаимоотношения обществ с российской Государственной думой, городским самоуправлением и земством.

Большей частью симбирские общественные организации сотрудничали с земством и с городским самоуправлением, отношения с Думой были минимальными. Это можно объяснить узкой практической направленностью деятельности обществ, закрепленной в уставе, и преследованием любого отступления от него. В этих условиях прямые взаимоотношения с Государственной думой носили нелегальный характер и карались властью.

В качестве примера можно привести такой случай, когда в 1906–1907 гг. были зарегистрированы несколько обществ защиты профессиональных интересов рабочих, занимавшихся письменным трудом, обработкой дерева и др. По уставам основной их деятельности должна была стать взаимопомощь. 3 марта 1907 г. в Государственную думу была отправлена телеграмма, подписанная председателем общества взаимопомощи И. М. Сахаровым, в которой правительство называлось «врагами народа» и присутствовало требование, чтобы депутаты добились созыва Учредительного собрания. Депутат Думы А. Кузнецов поблагодарил за поддержку «левых» депутатов [13, л. 19]. 30 апреля 1907 г. полиция задержала в здании, занимаемом этими

обществами, участников «незаконной» сходки, обсуждавших планировавшуюся на 1 мая демонстрацию. За эти проявления незаконной деятельности общество взаимопомощи, общество рабочих по обработке дерева и общество рабочих, занимавшихся письменным трудом, были закрыты [12, л. 30–31].

Другим примером может служить ситуация с обществом взаимного вспоможения приказчиков г. Сызрани. На собрании общества 29 февраля 1912 г. прозвучала критика постановлений Государственного совета по законопроекту о нормировании труда. После собрания в социал-демократическую фракцию Государственной думы была отправлена копия журнала заседания, содержащая слова: «Государственный совет, как и его комиссия, состоят из природных крепостников, привыкших, чтобы на них и день, и ночь работали крепостные, которых они до сих пор видят, как в рабочих, так и в приказчиках» [3, л. 11–13].

Сызранский полицеймейстер отзывался об обществе как о сплоченной организации и утверждал о наличии в ней членов, «готовых под прикрытием легального учреждения вести противоправительственную пропаганду и стремящихся использовать эту организацию на будущих выборах в Государственную думу» [1, л. 73]. 5 апреля 1912 г. Симбирское губернское об обществах и союзах присутствие, признав действия общества взаимопомощи приказчиков угрожающими общественной безопасности и спокойствию, определило его закрыть [10, л. 98–103, 109].

Попыткой создать легальный орган обсуждения при представительном учреждении можно назвать ходатайство жителя г. Сызрани Я. А. Журавлева, просившего разрешить открыть общество обывателей и избирателей г. Сызрани. Целью организации ставилось достижение «единения и взаимного ознакомления» членов общества для сознательного выбора гласных, изучение техники и порядка ведения городского хозяйства и обмен мнениями с гласными Сызранской городской думы по данным вопро-

сам. Симбирское губернское об обществах и союзах присутствие 25 апреля 1909 г. отказало в регистрации, мотивировав отказ возможностью присвоения обществом полномочий, предоставленных по Городовому положению только Городской думе [2, л. 8].

Итак, если попытки взаимодействия симбирских общественных организаций с представительными органами в политических вопросах блокировались, то в решении бытовых и хозяйственных вопросов им предоставлялась определенная свобода. Формами взаимоотношений в таком случае могли быть и финансовая помощь, оказываемая обществам, и совместная реализация каких-либо проектов, и членство в обществах гласных как физических лиц и земских собраний, городских дум как юридических с возможностью влияния на принятие решений.

Не стоит полагать, что земские и городские органы помогали всем без исключения просившим помощи обществам. Часто предпочтение отдавалось «своим» организациям, действовавшим в пределах данного уезда, при обосновании необходимости субсидии. Например, Земское собрание сессии 1876 г. назначило ежегодное пособие в 200 руб. Симбирскому обществу земледельческих колоний, отказав такому же Казанскому обществу [20, с. 27–28]. Большую роль на формирование мнения управ, представлявших свое заключение о том, помогать или нет, играли результаты проделанной работы или потенциальная польза, которую общество или его учреждение сможет принести.

Так, Буинская земская управа, «понимая важность задачи призрения сирот», просила собрание назначить ежегодное пособие опекавшему Ольгинский приют обществу в 500 руб. [15, с. 222]. Признавая, что в случае пожара Сенгилеевское пожарное общество «может оказать губернскому земству немаловажную услугу в сохранении находящихся под огнем имуществ, застрахованных в губернском земстве», Сенгилеевское земство увеличило ежегодное пособие с 25 до 50 руб. [22, с. 83–84].

Большинство симбирских организаций испытывали недостаток средств. В поисках источников доходов они привлекали новых членов, устраивали спектакли, маскарады, танцевальные вечера, лотереи, собирали пожертвования или же обращались с просьбой оказать им помощь к различным учреждениям, в том числе и к городским думам и земским собраниям. Очень часто финансовой поддержкой земства и городских дум пользовались общества сельского хозяйства, пожарные общества и дружины и общества вспомоществования учебным и воспитательным заведениям.

Общества сельского хозяйства дополняли работу земства в сфере развития и применения на практике сельскохозяйственных знаний. Являясь инструментом апробации достижений агротехники и одновременно имея небольшой годовой бюджет, они часто были не в состоянии не только приобрести дорогостоящие инструменты, но и наполнить собственную библиотеку. Тогда на помощь приходило земство, оно рассматривало в одном из своих заседаний просьбу общества и в положительном случае назначало разовое на следующий год или же постоянное пособие. Его размер простирался от нескольких десятков до нескольких сотен рублей. Прямая финансовая помощь оказывалась Симбирскому, Алатырскому, Сиявскому Алатырского уезда, Ардатовскому и многим другим сельскохозяйственным обществам [7, л. 400–416].

Следует отметить, что обеспечение полиции и пожарной команды стало другой крупной статьёй расходов в городах Симбирской губернии во 2-й половине XIX в. Расходы городов составляли от 13 до 39 % бюджета [13, л. 44]. Город не только выплачивал жалованье членам пожарной и полицейской команд, выделял средства на «разъезды», содержание лошадей, обмундирование, отопление и освещение служебных помещений.

Довольно часто земство помогало пожарным обществам и сельским пожарным дружинам, предоставляя им средства на приобретение пожарного инвентаря. Согласно

Постановлению Симбирского губернского земского собрания сессии 1908 г., открывшаяся пожарная дружина получала 150 руб. одновременно и 300 руб. ежегодно на страхование пожарной команды и текущие расходы [24, с. 348]. Такая помощь оказывалась Карсунскому городскому добровольному пожарному обществу, Вальдиватской добровольной пожарной дружине Карсунского уезда, Сенгилеевскому добровольному пожарному обществу и др. [18].

Существовала весьма специфическая статья расходов: «прочие городские потребности», которая включала в себя все не предусмотренные в сметах расходы. В Сызрани на эту статью расходов в 1892 г. было израсходовано 40 % бюджетных средств.

Таким образом, если рассматривать основные статьи городских расходов, то можно выделить несколько приоритетных направлений: расходы на содержание полиции и пожарной команды, развитие медицины, народного образования, благотворительность и содержание лиц общественного управления.

Субсидии предоставлялись также обществам помощи бедным ученикам. Обществу вспомоществования нуждающимся учащимся в учебных заведениях г. Буинска, обществу вспомоществования ученикам Порецкой учительской семинарии назначалась разовая финансовая поддержка, а обществу взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Симбирской губернии была предоставлена ежегодная [14; 17].

Земство оказывало помощь общественным организациям, выделяя средства не только в качестве ежегодных пособий для поддержания их деятельности, но и на отдельные целевые программы и проекты. С 1909 г. Симбирское общество сельского хозяйства стало выпускать журнал «Симбирский хозяин», стоимость годовой подписки на который вместе с доставкой равнялась одному рублю. Поддерживая это начинание, Сызранское, Карсунское, Сенгилеевское, Симбирское, Буинское и Ардатовское земские собрания постановили выделить

по 50–100 руб., а фактически подписались на журнал. Буинская земская управа, например, рассылала журналы в сельские школы уезда. Это же общество получило от Буинского земства 50 руб. для устройства в Симбирске в 1910 г. выставки [17].

Учрежденный обществом вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Симбирской губернии интернат для детей бедных учителей содержался при поддержке назначаемых ежегодно земских субсидий. При непосредственном участии земства и Городской думы был создан приют для девочек в г. Буинске. На созванном помощником уполномоченного по оказанию трудовой помощи в Симбирской губернии 24 мая 1899 г. собрания присутствовали предводитель дворянства М. Н. Теренин, председатель Земской управы Ф. А. Головинский и его жена М. М. Головинская. Участниками заседания было решено учредить попечительное общество для открытия в уезде приюта трудолюбия по примеру основанного в память рождения великой княжны Ольги Николаевны в Санкт-Петербурге Ольгинского детского приюта. Общей целью таких приютов были призрение и воспитание бесприютных детей [8, л. 74].

Уже в 1899 г. состоялось учредительное собрание общества, принявшего за создание приюта. Городская дума г. Буинска предоставила бесплатно землю для строительства здания [29, с. 307]. Земское собрание постановило выделить ежегодную субсидию обществу в размере 500 руб., а Городская дума назначила постоянное пособие в размере 100 руб. 22 марта 1900 г. был утвержден устав попечительного общества, а 30 декабря 1900 г. произошло открытие приюта на 20 девочек [16, с. 176–177]. Первой его попечительницей была жена председателя Буинской земской управы М. М. Головинская. В дальнейшем земство опекало приют, на земских собраниях регулярно обсуждались отчеты о деятельности приюта, а при денежных затруднениях земство ходатайствовало о пособии.

Председатель Буинской земской управы Ф. А. Головинский и его жена М. М. Головинская были инициаторами создания еще

одного общества-вспомоществования нуждавшимся учащимся в учебных заведениях г. Буинска. 1 января 1899 г. в помещении земской управы состоялось его учредительное заседание. Городская дума назначила обществу ежегодное пособие, но и земство не оставалось в стороне [13, л. 9, 18].

Ольгинские приюты в других городах также пользовались поддержкой местных представительных органов. Сенгилеевскому Ольгинскому приюту на 10 девочек, открытому 24 июня 1899 г., земство ассигновало 300 руб., а городская дума – 200 р. ежегодно [29].

Благодаря земству воспитанницы приюта смогли представить результаты своего труда на юбилейной выставке, организованной Симбирским обществом сельского хозяйства в 1908 г. [23, с. 56].

Земство частично покрывало расходы кружка трудовой помощи в первом земском участке Сенгилеевского уезда. Этот кружок, открытый в середине 1902 г., целью деятельности поставил поддержание существования открытых первоначально на средства Попечительства о Домах трудолюбия и работных домах яслей для крестьянских детей в страдное летнее время в г. Сенгилее и окружающих селах. Ясли кружка существовали и при Сенгилеевском Ольгинском приюте [10, л. 30].

В годы Русско-японской войны при Симбирской губернской земской управе в среде служащих возник кружок для оказания помощи семьям воинов. Благодаря отчислениям из жалованья земских служащих и пожертвованиям частных лиц и учреждений, численность кружка выросла.

Возникла даже идея преобразовать кружок в общество оказания помощи семьям призванных на войну. В связи с окончанием войны надобность в обществе отпала, и кружок был ликвидирован, а оставшиеся средства были переданы в попечительное общество о детском трудовом убежище «Костер» [11, л. 4, 33–34].

Еще одной формой помощи общественным организациям было предоставление

им возможности использовать имущество местных представительных органов или же отнесение на их счет расходов. Так, Сенгилеевскому городскому пожарному обществу было разрешено использовать электрическую энергию с земской электростанции для освещения пожарного депо во время спектаклей или народных чтений. Это право было предоставлено еще и потому, что «полезную деятельность в противопожарном отношении» могли засвидетельствовать некоторые гласные Земского собрания, состоявшие действительными членами пожарного общества [24, с. 348–349]. В 1902 г. Карсунское земство разрешило кружку любителей драматического искусства в г. Карсуне ставить в зале земского собрания спектакли [19].

Гласные, председатели земских собраний и городских дум и даже члены их семей часто выступали организаторами и инициаторами обществ и кружков разных направлений. В числе учредителей Алатырского кружка любителей сцены и музыки был председатель уездной Земской управы В. И. Белицкий [9, л. 18].

Так, например, идея учреждения земледельческой колонии для малолетних преступников изначально родилась на заседании Симбирского уездного земского собрания в 1873 г. Через два года возникло Симбирское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов, открывшее в 1880 г. колонию, на содержание которой земство выделяло средства. Городской голова г. Сенгилее Ф. М. Баукин и председатель Сенгилеевской уездной земской управы выступили организаторами общества «Народных домов» и такого же общества в селе Дворянском [5, л. 7; 6, л. 6].

Гласные Сенгилеевского уездного земского собрания Ивановский и Мещеринов были членами местного Новодевиченского отделения общества спасения на водах, а окружное правление общества в г. Симбирске получало пособия от Буинского земства и Курмышской городской думы [29]. Идею создания Симбирского городского Алек-

сандровского попечительного общества о бедных высказал в 1775 г. симбирский городской голова Н. Д. Маляхинский. В декабре 1877 г. Симбирская городская дума объявила об основании общества и выделила 5 тыс. руб., а в ноябре 1880 г. благотворительное общество было открыто [27, с. 233].

За выделение пособий общие собрания ряда организаций принимали земские собрания или управы в действительные или почетные члены. Например, в 1901 г. почетным членом уже упоминавшегося Сенгилеевского пожарного общества стало Сенгилеевское земство. По утвержденному в 1884 г. новому уставу Симбирского общества сельского хозяйства все председатели земских управ автоматически считались членами общества [26].

Общественные организации не всегда выступали в качестве реципиентов финансовой помощи, и отношения с местными представительными органами не были односторонними.

Так, по проекту Симбирского общества сельского хозяйства при Губернской земской управе были учреждены сельскохозяйственный совет и бюро [26, с. 13–14]. Для упрощения их регистрации был создан «нормальный устав», а многие из них были созданы по инициативе инспектора по сельскому хозяйству губернии. Немаловажную роль в развитии сельских обществ сыграло земство.

Общественные организации дополняли работу земских и городских представительных органов, реализуя на практике дела, наиболее приближенные к действительности. Несмотря на скудные бюджеты, общества часто очень эффективно и своевременно решали вопросы противопожарной безопасности, помощи бедным учащимся, содержания яслей и приютов. И, говоря о значении земских и городских представительных органов в решении вопросов местного хозяйства, не следует забывать о той роли, которую играли местные общества и кружки.

Взаимоотношения общественных организаций и представительных органов можно увидеть и сейчас. Так, в 2001 г. при Законодательном Собрании Ульяновской области была создана Гражданская Палата, включающая представителей ряда некоммерческих организаций. Такое сотрудничество законодательного органа власти с представителями разных обществ вполне может содействовать развитию обеих сторон и способствовать выработке механизмов формирования российского гражданского общества.

Взаимоотношения общественных организаций и представительных органов можно увидеть и сейчас. Так, в 2001 г. при Законодательном Собрании Ульяновской области была создана Гражданская Палата, включающая представителей ряда некоммерческих организаций. Такое сотрудничество законодательного органа власти с представителями разных обществ вполне может содействовать развитию обеих сторон и способствовать выработке механизмов формирования российского гражданского общества.

Библиографический список

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 31.
2. ГАУО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 49.
3. ГАУО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 76.
4. ГАУО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 78.
5. ГАУО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 96.
6. ГАУО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 101.
7. ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 1111.
8. ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 2. – Д. 1200.
9. ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 2. – Д. 1251.
10. ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 2. – Д. 1339.
11. ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 2. – Д. 1485.
12. ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 6. – Д. 549.
13. ГАУО. – Ф. 84. – Оп. 1. – Д. 17.
14. Журналы Алатырского уездного очередного земского собрания сессии 1902 г. – Алатырь, 1903 г., сессии 1914 г. – Алатырь, 1915.
15. Журналы Буинского уездного земского собрания очередной сессии 1899 г. – Симбирск, 1900.
16. Журналы Буинского очередного уездного земского собрания сессии 1901 г. – Симбирск, 1900.
17. Журналы и доклады Буинской уездной земской управы очередной и чрезвычайных сессий 12 февраля и 12 ноября 1910 г. – Симбирск, 1911.

18. Журналы Карсунского уездного земского собрания очередной сессии 1899 г. – Симбирск, 1900.
19. Журналы Карсунского очередного уездного земского собрания сессии 1902 г. – Симбирск, 1903.
20. Журналы Сенгилеевского уездного земского собрания сессии 1876 г. – Симбирск, 1877.
21. Журналы очередного Сенгилеевского уездного земского собрания 1880 г. – Симбирск, 1881.
22. Журналы Сенгилеевского 40 очередного уездного земского собрания с приложениями за 1904 г. – Сызрань, 1905.
23. Журналы и доклады Сенгилеевской уездной земской управы очередной сессии 1909 г. – Симбирск, 1910.
24. Журналы и доклады Сенгилеевской уездной земской управы очередной сессии 1910 г. – Сызрань, 1911.
25. Журналы и доклады Сенгилеевской уездной земской управы очередной сессии 1910 г. – Сызрань, 1911.
26. Исторический очерк 50-летней деятельности Симбирского общества сельского хозяйства. – Симбирск, 1909.
27. *Мартынов П.* Город Симбирск за 250 лет его существования / П. Мартынов. – Симбирск, 1898.
28. Постановления Сенгилеевского уездного земского собрания сессии 1879 г. – Симбирск, 1880.
29. Трудовая помощь в губерниях Казанской, Вятской и Симбирской. Отчет уполномоченного. – СПб., 1900.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti (GAUO). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 31.
2. GAUO. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 49.
3. GAUO. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 76.
4. GAUO. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 78.
5. GAUO. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 96.
6. GAUO. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 101.
7. GAUO. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 1111.
8. GAUO. – Ф. 76. – Оп. 2. – Д. 1200.
9. GAUO. – Ф. 76. – Оп. 2. – Д. 1251.
10. GAUO. – Ф. 76. – Оп. 2. – Д. 1339.
11. GAUO. – Ф. 76. – Оп. 2. – Д. 1485.
12. GAUO. – Ф. 76. – Оп. 6. – Д. 549.
13. GAUO. – Ф. 84. – Оп. 1. – Д. 17.
14. Zhurnaly Alatyrskogo uездного oчередного земского sobraniya sessii 1902 g. – Alatyr', 1903 g., sessii 1914 g. – Alatyr', 1915.
15. Zhurnaly Buinskogo uездного земского sobraniya oчередной sessii 1899 g. – Simbirsk, 1900.
16. Zhurnaly Buinskogo oчередного uездного земского sobraniya sessii 1901 g. – Simbirsk, 1900.
17. Zhurnaly i doklady Buinskoj uездной земской upravы oчередной i chrezvychajnyh sessij 12 fevralja i 12 nojabrja 1910 g. – Simbirsk, 1911.
18. Zhurnaly Karsunskogo uездного земского sobraniya oчередной sessii 1899 g. – Simbirsk, 1900.
19. Zhurnaly Karsunskogo oчередного uездного земского sobraniya sessii 1902 g. – Simbirsk, 1903. – S. 10.
20. Zhurnaly Sengileevskogo uездного земского sobraniya sessii 1876 g. – Simbirsk, 1877.
21. Zhurnaly oчередного Sengileevskogo uездного земского sobraniya 1880 g. – Simbirsk, 1881.
22. Zhurnaly Sengileevskogo 40 oчередного uездного земского sobraniya s prilozhenijami za 1904 g. – Syzran', 1905.
23. Zhurnaly i doklady Sengileevskoj uездной земской upravы oчередной sessii 1909 g. – Simbirsk, 1910.
24. Zhurnaly i doklady Sengileevskoj uездной земской upravы oчередной sessii 1910 g. – Syzran', 1911.
25. Zhurnaly i doklady Sengileevskoj uездной земской upravы oчередной sessii 1910 g. – Syzran', 1911.
26. Istoricheskij oчерk 50-letnej dejatel'nosti Simbirskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva. – Simbirsk, 1909.

27. *Martynov P. Gorod Simbirsk za 250 let ego sushhestvovanija / P. Martynov. – Simbirsk, 1898.*
28. *Postanovlenija Sengileevskogo uezdnogo zemskogo sobranija sessii 1879 g. – Simbirsk, 1880.*
29. *Trudovaja pomoshh' v gubernijah Kazanskoj, Vjatskoj i Simbirskoj. Otchet upolnomochennogo. – SPb., 1900.*

Поступила в редакцию 10 декабря 2015 г.

Сведения об авторах:

Бойко Наталия Семеновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры летной эксплуатации и безопасности полетов Ульяновского высшего авиационного училища гражданской авиации (институт). Область научных интересов – отечественная история. Автор более 70 научных и учебно-методических работ.

Тел.: 8-960-372-84-16

E-mail: nboyko2005@mail.ru

Мухамедов Рашит Алимович – доктор исторических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета. Область научных интересов – отечественная история. Автор более 100 научных и учебно-методических работ.

Тел.: 8-927-630-57-96

E-mail: asit56@mail.ru

Boyko Natalia – the associate professor of flight operation and safety of flights of the Ulyanovsk highest aviation school of civil aviation (institute). Sphere of scientific interests: national history. Author more than 70 scientific and educational and methodical publications.

Mukhamedov Rashit Alimovich – doctor of historical sciences, professor of the Ulyanovsk state pedagogical university. Sphere of scientific interests: national history. Author more than 100 scientific and educational and methodical publications.

ОПЫТ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 39(=511.152)(045)
ББК 63.5(2р-6Мо)

З. И. Акимова

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ МОРДОВСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В МОСКВЕ И ПОДМОСКОВЬЕ В XX в.

Ключевые слова: мордва, история, переселение, переселенец, трудовая деятельность, Москва, Подмосковье.

В статье рассматриваются жилищные условия мордовских переселенцев в Москве и Подмоскowie в XX в. Жилищные условия представляют собой совокупность показателей, характеризующих местоположение, величину жилой площади на человека, степень благоустройства жилья. Типы жилищ у мордовского населения определялись уровнем развития производительных сил, характером социально-экономических отношений, формами семейной жизни, культурными и бытовыми традициями, а также условиями естественно-географической среды. У мордовских переселенцев в исследуемый период можно выделить следующие типы жилья – бараки, общежития, вагончики, полуподвальные помещения, квартиры и несколько видов загородного жилища – простые деревянные или кирпичные дома, коттеджи. Для жилищ мордвы Москвы и Московской области как для элементов материальной культуры характерна утрата этнической специфики, так как мордовское население переезжало в уже образовавшиеся населенные пункты со смешанным населением, преимущественно русским.

Z. I. Akimova

LIVING CONDITIONS OF THE MORDOVIAN RESETTLEMENT OF IN MOSCOW AND MOSCOW REGION IN THE 20TH CENTURY

Keywords: mordvinians, history, relocation, resettlement, work, Moscow, Moscow region.

The article deals with the living conditions of mordovian resettlement in Moscow and Moscow region in the XX century. Living conditions are a set of parameters describing: the location, the amount of living space per person, the degree of home improvement. Types of dwelling in the mordovian population determined by the level of development of productive forces, the character of socio-economic relations, forms of family life, cultural and domestic traditions, as well as the conditions of the natural geographical environment. In the mordovian displaced following types of property can be identified in the study period – barracks, hostels, portacabin, basement apartments and several species of suburban housing – a simple wooden or brick houses, cottages. For dwellings mordovians Moscow and Moscow Region for the material culture is characterized by the loss of elements of ethnic specificity, as mordovian population moved in already formed settlements with mixed population, mostly Russia.

Среди важных причин миграции сельского населения исследователями отмечаются важнейшие социально-экономические и политические факторы: уровень дохода, рост духовных запросов сельской молодежи (потребность в образовании), уровень социальной поддержки, культурно-бытовые и

жилищные условия [5, с. 50–51]. Жилищные условия представляют собой совокупность показателей, характеризующих: местоположение, величину жилой площади на человека, степень благоустройства жилья.

Москва и Подмоскowie являются наиболее густонаселенным районом – центром

экономической, социальной, культурной и политической жизни России. Поэтому неслучайно на протяжении длительного периода времени многие народы мигрировали в центр, оседали здесь надолго, ассимилировались в поликультурном пространстве.

Первая волна переселения мордвы в Москву и Подмоскovie пришлось на период после реформы 1861 г., когда в России стал бурно развиваться капитализм, повлекший за собой массовый отток крестьян в города. Первопрестольная притягивала рабочих из ближайших губерний, сюда стекались торговцы и молодежь для обучения. Потомки мордовских переселенцев первой волны полностью обрусели, хотя в семейных преданиях долго вспоминали о своих корнях [2].

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в г. Москве 70 человек указали в качестве родного языка мордовский [13, с. 65]. В Московской губернии в конце XIX в. мордвы жительствоваало существенно меньше, всего 16 человек, в том числе в Московском уезде – 8 человек, в Бронницком – 4 человека, в Звенигородском – 3, в Дмитровском уезде – 1 человек [14, с. 105].

В пореформенный период основным районом проживания мордвы стала Хамовническая городская часть Москвы (38 человек) [14, с. 65], где действовал ряд ткацких и пивоваренных предприятий, сахаро-рафинадный и цементный заводы [12, с. 770–771].

Другим местом компактного проживания мордвы, привозившей в Москву древесный уголь на продажу, в начале XX в. стала Марьино Роща. В конце XIX в. здесь появились первые промышленные предприятия. Все это привело к тому, что на рубеже XIX–XX вв. население Марьино Рощи росло чрезвычайно быстрыми темпами. Если в 1897 г. в ней проживало 7,9 тыс. человек, то к 1912 г. насчитывалось уже 39 тыс. С того времени Марьино Роща стала одной из фабричных окраин Москвы.

Именно тогда, как отмечал Е. Толкачев, «за железнодорожной линией выросла национальная мордовская колония. Мордвинны занимались главным образом продажей древесного угля вразвоз. Закупали его у своих соплеменников-углежогов и ездили по Москве в черных рогожных тележках и санях, сами черные, грязные, одни глаза да зубы сверкали» [16, с. 27].

По данным обследования курсантов Центральных мордовский курсов учителей (Москва, 1926 г.), мордва Марьино Рощи происходила из Среднего Поволжья [1], в частности из Мачкасской волости, Петровского уезда, Саратовской губернии – из с. Мачкассы, Каржеманы, Дубровки, Азратино, Сосновка, Норки и др. «На своей родине они занимались земледелием. Земли у них было очень мало, и земля плохого качества... Поэтому они вынуждены были заниматься побочными заработками.

О побочных заработках они рассказывают так: «Мы разъезжались по Волге вверх и вниз. Работали все, что попадалось, но главное – продавали уголь. Углем наша волость славится издавна. Продавали уголь в Саратов, Царицын, доходили и до Астрахани, а вверх по Волге – до Самары». Развитию углеторговли в Мачкасской волости способствовало наличие лесов в окружающей территории, где отдельные селения только жгли уголь» [7, с. 50–51].

По мере увеличения и расширения угольного промысла сбыт угля в Поволжье становился все труднее, необходимо было искать новые места и рынки сбыта. В поисках таких мест мордва Саратовской губернии дошла до Москвы.

Первоначально саратовская мордва поселилась в Москве у Даниловской заставы. Поработав некоторое время и познакомившись лучше с первопрестольной, она переехала в Марьино Рощу, так как туда привозили уголь крестьяне окружающих селений и оттуда было ближе доставлять уголь в Москву.

Торговля углем первых поселенцев была довольно прибыльна. На следующий

год в Марьину Рощу приехало уже подвод 30–40 и не только из Каржеман, но и из других селений Мачкаской волости. Хорошие заработки увеличивали приток угольщиков с каждым годом. К 1905 г. мордовская колония в Марьиной Роще насчитывала уже 170 человек, а к 1914 г. она достигла 700 человек. По случаю большого наплыва угольщиков сбыт угля стал ухудшаться. Многие бросили угольное дело и начали заниматься извозом и поденной работой в Москве. С наступлением Первой мировой войны многие мужчины были мобилизованы, поэтому жены угольщиков вынуждены были вернуться на малую родину. В Марьиной Роще остались жить только постоянные жители – «старожилы» и немногие из временно работавшие [7, с. 53–54].

Следующая волна мордовских переселенцев из мест их компактного проживания в столицу началась в 20-е гг. XX в., после установления в стране советской власти и устранения последствий Гражданской войны, «военного коммунизма» и страшного голода в Поволжье 1921–1922 гг.

Авторы очерка «Саратовская мордва в Москве» отмечали, что в 1920-е гг. небольшое число саратовской мордвы вместе с семьями осело в Марьиной Роще на постоянное место жительства. Это меньшинство угольщиков чаще всего имело свои домики. Они жили зажиточно, некоторые даже богато. Имели хорошую обстановку городского московского типа. У некоторых в домах можно было встретить такие вещи, как мягкие кресла, диван, трюмо, граммофон, фисгармонию. Так, «угольщик мордвин П. имеет дом в 4 комнаты, хорошую мягкую мебель, и вообще городскую обстановку. Держит прислугу. В комнате чисто и уютно. Свету достаточно» [7, с. 58]. Более зажиточно жила мордовка-угольщица К., которая имела собственный дом размером 12×12 м. «Вся передняя часть дома занята хозяйством. Эта часть разделена на 2 половины. В той половине, где сама хозяйка живет, имеется стол, покрытый клеенкой, и железная кровать, покрытая периной, про-

стыней, одеялом и 6-ю пуховыми подушками. Другая половина представляет из себя, по словам хозяйки, кабинет ее сына. Вот обстановка этого кабинета: 4 стула, 4 мягких кресла, диван, гардероб, зеркало-трюмо; посредине стол, покрытый скатертью, по обеим сторонам стола цветы; на маленьком столике граммофон, рядом этажерка с граммофонными пластинками; с другой стороны – фисгармония; 3 окна на юг; на окнах занавески» [7, с. 58–59].

Жившие в Москве в батраках или «рабочие на паях» были вынуждены снимать избы победнее и имели обстановку хуже, чем самостоятельные – розничники, работавшие на 1–2 лошадях. «Уже подходя к дому, – пишет одна из групп обследователей мордвы Марьиной Рощи, – можно определить занятия жителей. На дороге, на воротах и даже на крыше густо залегла угольная пыль. В помещениях темно. В помещение – 20 м². Оно разделено на две половины. В передней половине живет хозяин. Мебели не имеется никакой, кроме постели хозяина. В задней половине – для рабочих имеется только стол и нары для ночлега. В этом доме живут 14 человек». Вот описание другого временного жилья рабочих. «Восемь человек нанимают одну комнату размером 9×11 арш. В комнатах грязно. Уборщица хотя и имеется, но убирает плохо. Обстановка плохая: в комнате потрепанный столик и 2 скамейки. Стоят плохонькие деревянные кровати. На них вместо матрацев – мешки, набитые соломой, да и соломы-то не в достаточном количестве. Подушек и одеял нет. Отдельной кухни не имеется. Здесь же и готовят; посуды мало и та моется редко» [7, с. 57].

Но все же и сезонные рабочие выделялись материальной культурой и достатком из остальной мордвы, которая не имела московских заработков, оказывали значительное влияние на улучшение качества жизни в родных мордовских деревнях. «Факт остается фактом, – отмечают авторы очерка о мордве Марьиной Рощи, – они влияют культурно на свои деревни. В райо-

не Мачкасс, на родине марьино-рощинских угольщиков, в особенности в их деревнях и у их семей, жилище поражает своим видом. Дома в большинстве пятистенные, крытые железом, с водосточными трубами. Обстановка приближается к городской. Не редкость венские стулья, комод, зеркало, шкаф для посуды. Стены оклеены обоями. Окна завешаны шторами, на окнах – цветы. Если в Москве большинство мордвы едят из общей миски, то здесь, в деревне, многие, особенно когда у них бывают гости, накрывают стол с тарелками и с вилками... Все посылают детей в школы; очень немногие остаются неграмотные. Ничего подобного мы не увидим в других мордовских деревнях, того же района. Деревни, из которых угольщики, во всем ушли далеко вперед» [7, с. 59–60].

Первая Всесоюзная перепись населения 1926 г. зарегистрировала в Москве уже 1 330 человек мордовской национальности (увеличение численности к 1897 г. в 19 раз), в Московской губернии – 513 человек (рост в 32 раза) [3, с. 34–51].

В период советской индустриализации и коллективизации 1920–1930-х гг. отмечается усиленная востребованность рабочих рук на стройках и промышленных предприятиях города и в то же время гонение на «зажиточных», по существу, наиболее трудолюбивых крестьян в деревнях. Из них и пополнялся рабочий класс в Москве. Активно действовала и переселенческая политика государства: «В руках государства оказались сосредоточенными важнейшие рычаги регулирования миграцией – капиталовложения, заработная плата, жилищная политика, подготовка кадров и др.» [8, с. 182].

В данный период присутствовала смешанная (вынужденная и добровольная) миграция населения, главным образом сельского. В рассматриваемое время Мордовия отставала в социально-экономическом развитии от передовых и ведущих регионов страны, что, естественно, сказывалось на реальном жизненном положении ее насе-

ления. Вследствие чего некоторая его часть покидала пределы республики в поисках более обеспеченной жизни и квалифицированного труда. Важным является то, что в тот период мордва-переселенцы активно осваивали грамоту, стремились к учебе.

Индустриализация, создание фабрик и заводов приводило к появлению новых рабочих мест, поэтому в 1930-е гг. мордовское население переезжало в Москву и Московскую область, осваивая новые специальности. В статье «Мордвины московские» отмечалось: «Мордовское население Москвы компактной массой живет в районе, прилегающем к известной Марьиной Роще. До революции это был глухой уголок разгульной купеческой Москвы. Здесь были кабаки, притоны, разыгрывались дикие драмы. Мордовское население влечило жалкое существование. За годы советской власти от былой пьяно-разгульной Марьиной Рощи остались одни воспоминания да пересказы. Появились стахановцы, своя интеллигенция. На одном лишь автозаводе им. Сталина работают около 800 мордвин. Мордовская окраина Москвы становится похожей на центр. Совсем иными, чем до революции, стали ее обитатели – мордвины» [9].

Согласно итогам официальной переписи населения 1939 г., в Москве насчитывалось 18 585 человек городских жителей мордовской национальности (рост численности к 1926 г. в 14 раз). В Московской области проживали 17 843 городских жителей и 13 416 человек сельского населения, а их общее число составило 31 259 представителей мордовского этноса (рост в 61 раз) [4, с. 63].

Следующая волна заселения Москвы и Московской области представителями мордовской национальности связана с послевоенными годами, это было обусловлено восстановлением народного хозяйства страны, бурным ростом различных отраслей промышленности и нехваткой трудовых ресурсов. Трудовая деятельность переселенцев из Мордовии концентрировалась в данный период вокруг промышленности, строительства, постоянно расширявшегося об-

щественного транспорта и связи, торговли, сферы образования, культуры и искусства.

С 1959 по 1989 г. численность мордвы г. Москвы увеличилась на 128,5 %, Московской области – на 43,3 %. По итогам переписей населения численность мордвы в Москве составляла в 1959 г. – 13 528 человек, в 1979 г. – 22 274, 1989 г. – 30 916; в Московской области: в 1959 г. – 19 772, в 1979 г. – 21 660, 1989 г. – 28 328 человек [10, с. 92].

Фонды Центрального государственно-архива Республики Мордовия содержат отчеты Управления Совета Министров МАССР за 1950–1970 гг. по использованию трудовых ресурсов, о выполнении планов переселения и организованному набору рабочих в Московскую область и Москву. Так, постановлением Совета Министров Мордовской АССР по вопросам переселения и организованного набора рабочих за 1959 г. был утвержден «План организованного набора сезонных рабочих для работы в торфяной промышленности совнархозов и топливных управлений АССР и облисполкомов на сезон 1959 г.» по Мордовской АССР. Согласно плану, на работу в Московский СНХ было направлено 950 рабочих из Дубенского (100 человек), Ичалковского (100), Кочкуровского (150), Пурдошанского (130), Чамзинского (50), Ельниковского (60), Zubово-Полянского (90), Ладского (60), Мельцанского (110), Темниковского (80 человек) районов Мордовской АССР. В Московский областной СНХ выехали 300 рабочих из Дубенского (50 человек), Кочкуровского (150), Пурдошанского (50) и Чамзинского районов (50 человек). В Мособлтоп было направлено 200 рабочих из Zubово-Полянского (40 человек), Мельцанского (100), Темниковского районов (60 человек) [18, л. 4–5, 206].

Из Мордовии многие уезжали работать на стройки Москвы и Московской области, что подтверждается и полевыми сведениями. Так, в ЦГА РМ имеются акты-списки рабочих, направленных отделом переселения и организованного набора рабочих Со-

вета Министров МАССР в 1959 г. в трест «Перовстрой» «Главмособлстрой», г. Москва [19, л. 48]; в 1968–1969 гг. – в трест «Главмосстрой» № 4, г. Москва [17, л. 297]; в 1970 г. – в ПМК-29 треста «Мособлстрой» № 8 «Главмособлстрой» при Мособлисполкоме, г. Наро-Фоминск [20, л. 320]; в 1971 г. – в тресты «Мостеплосетьстрой» и «Мосжилстрой» «Главмособлстрой», г. Москва [21, л. 209, 283]; в 1972 г. – трест «Мособлстрой» № 16, г. Зарайск Московской области [22, л. 159]; в 1974 г. – в трест «Мосфундаментстрой» № 5 «Главмособлстрой» г. Москва [25, л. 199]; в 1975 г. – в тресты «Мосфундаментстрой» № 3 и № 29 «Главмособлстрой», г. Москва [24, л. 136, 291].

По воспоминаниям информаторов, большая часть мордовского населения уезжала в 1950–1960-е гг. из Мордовии в Москву и Московскую область для работы на торфопредприятиях, заводах, строительных управлениях, фабриках и т. д., где им предоставляли жилую площадь – койка-место [Полевой материал автора]. Отметим, что условия проживания у переселенцев складывались по-разному. По словам информаторов, часть мордовского населения, пожелавшая переехать в Москву и Московскую область, жила в вагончиках, бараках, общежитиях, полуподвальных помещениях и т. д. Так, К. А. Дубинина из Люберецкого района Московской области до получения квартиры жила в вагончике. Р. Е. Степанова из г. Москвы жила в бараке. Типичная ситуация была и у мордовского населения в г. Озеры Московской области, в р. п. Серебряные Пруды Серебряно-Прудского района Московской области, в с. Врачево Луховицкого района Московской области и др. [Полевой материал автора].

В архивных документах отмечается, что в 1958 г. на торфопредприятиях московских (областных) совнархозов «Дулево» и «Кузьевский» условия жилой площади, предоставляемой для сезонных рабочих, были значительно ниже санитарной нормы. В общежитиях стройуправления «Демиховское» не было шкафов для хранения одеж-

ды, а в общежитиях торфопредприятий «Бакшеевское» и «Дулево» протекали крыши [17, л. 205]. Кроме того, в сводке о ходе выполнения плана по подготовке жилой площади для переселенцев на 1958 г. указано, что по Московской области домов было подготовлено всего 64,0 % от плана [17, л. 256], что является подтверждением недостаточного количества жилых помещений для переселенцев. Так, в трест «Мособлстрой» № 16 были направлены три человека, двух из них поселили в полуподвальном помещении, рабочие законно отказались от такого устройства и выразили свои претензии, а руководители треста их не приняли [23, л. 45].

В послевоенные годы и до середины 1990-х гг. в Москву и Московскую область переселялись главным образом люди рабочих специальностей, но были и служащие – врачи, учителя, ученые, партийные работники и т. д.

Следующая волна передвижения из Мордовии в Москву и в Московскую область наблюдается после 1991 г. Это связано с общим экономическим упадком в стране, невозможностью прожить в провинции без работы. В этот период в Москву выезжают и люди с высшим образованием.

На 2002 г. в Москве проживали 23 387 человек представителей мордовского народа, в Московской области – 21 856 человек мордовской национальности [10, с. 89]. По итогам переписи 2010 г., численность мордвы в г. Москве составляла 17 095 человек, в Московской области – 18 678 человек [10, с. 89].

Типы жилища у мордовского населения, как и раньше, определялись уровнем развития производительных сил, характером социально-экономических отношений, формами семейной жизни, культурными и бытовыми традициями, а также условиями естественно-географической среды. У жителей мегаполиса, в том числе у мордовского населения, можно выделить следующие типы жилья – квартиры и несколько видов загородного жилища – простые деревянные или кирпичные дома, коттеджи и особняки [11, с. 30].

Многие из опрошенных информаторов живут в квартирах, купленных или полученных от фабрик и других организаций, например П. Ф. Балашкина и Н. И. Викшняйкина из д. Марьино Сергиево-Посадского района Московской области получили квартиры от совхоза, где работали доярками. Н. М. Лепенкина из пос. Красная Пойма Луховицкого района Московской области, проработав около 1 года в полеводческой бригаде, получила трехкомнатную квартиру. И. В. Шапорову из д. Марьино Сергиево-Посадского района по приезду тоже дали квартиру, затем он приобрел кирпичный дом [Полевой материал автора].

По мнению опрошенных информаторов, наиболее удобным и выгодным видом жилья для современных жителей является небольшой коттедж в черте г. Москвы или Московской области, преимущественно двухэтажный. В таких домах на первом этаже обычно располагаются гостиная, зал, кухня и хозяйственные помещения, а на втором – спальни. На первом уровне дома или в цокольном этаже может располагаться гараж на несколько машин. На территории всегда есть хотя бы небольшой задний дворик, а иногда даже и бассейн.

Многие информаторы из Москвы и Московской области рассказывали, что при строительстве дома обычно устраивались «помочи» – приглашали родственников и соседей, а также плотников. Традиционно «помочи» у мордвы чаще устраивались в праздничный день, иногда и в будни. Готовили блины и квас, кушанье «чепеведь», в которое клали мясо, яйца, хрен, редьку, кислую капусту и сметану. Позже стали добавлять в него лук. После этого угощения подавались щи с мясом, затем каша и картофель. И в настоящее время среди мордовского населения Московской области при заселении в новый дом сохранился ряд обрядов и ритуалов, смысл которых заключается в обеспечении благосостояния и благополучия, увеличении потомства, охране дома от всевозможных несчастий и др.

Наблюдается определенное сходство жилых и хозяйственных построек мордвы северо-западных районов Республики Мордовия и юго-восточных районов Московской области; прослеживаются характерные черты в развитии жилищного строительства у мордвы Москвы и Московской области; выявляются элементы традиционного домостроительства и этапы становления жилища после поселения мордвы на исследуемой территории.

Отметим, что для современных сельских поселений и жилищ мордвы Москвы и Московской области как для элементов

материальной культуры характерна утрата этнической специфики, так как мордовское население переезжало в уже образовавшиеся населенные пункты со смешанным населением, преимущественно русским. В то же время утрата этнокультурной специфики жилища характерна для всех народов, проживающих на исследуемой территории, и является общей тенденцией развития современной материальной культуры. Однако у мордвы Москвы и Московской области есть и сохранившиеся элементы традиционной культуры, выражающиеся в обрядах, связанных с возведением дома.

Библиографический список

1. *Арсентьев В. М.* Теория и практика экономического районирования Среднего Поволжья / В. М. Арсентьев, О. И. Марискин // Регионология. – 2004. – № 2 (47). – С. 106–119.
2. *Биушкина М. Р.* Московская мордва на рубеже веков / М. Р. Биушкина // Архив Центра мордовской культуры Постоянного представительства Республики Мордовия при Президенте Российской Федерации.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. РСФСР. – М. : ЦСУ СССР, 1929. – 228 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 года : Основные итоги. – М. : Наука, 1992. – 254 с.
5. *Вылцан М. А.* Численность и состав сельского населения за 50 лет / М. А. Вылцан // История СССР. – 1967. – № 6. – С. 43–63.
6. *Козлов В. И.* Расселение мордвы : ист. очерк / В. И. Козлов // Вопросы этнической истории мордовского народа. – М. : Ин-т этнографии АН СССР, 1960. – С. 5–62.
7. *Кругликов П. И.* Краеведческая работа мордовского учителя / П. И. Кругликов. – М. : Центр. Изд-во народов СССР, 1928. – 102 с.
8. *Моисеенко В. М.* Рец. на кн. Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.) / В. М. Моисеенко // История СССР. – 1978. – № 2. – С. 181–183.
9. Мордвини московские // Красн. Мордовия. – 1937. – 28 февр.
10. Национальный состав населения Республики Мордовия // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. / Мордовиястат. – Саранск, 2005. – С. 52–99.
11. *Нефедова Т. Г.* Сельская Россия на перепутье : геогр. очерки / Т. Г. Нефедова. – М. : Новое изд-во, 2003. – 408 с.
12. Памятная книжка Московской губернии на 1909 год. Московский столичный и губернский статистический комитет. – М., 1908. – 895 с.
13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXIV. Кн. 2. Город Москва / Изд. Центр. стат. комитета МВД. – СПб., 1904. – 275 с.
14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXIV. Московская губерния / Изд. Центр. стат. комитета МВД. – СПб., 1905. – 350 с.
15. Переписи населения в России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/322399>
16. *Толкачев Е.* Марьяна роща / Е. Толкачев. – М. : Моск. рабочий, 1960. – 313 с.
17. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). – Ф. Р-473. – Оп. 1. – Д. 143.
18. ЦГА РМ. – Ф. Р-473. – Оп. 1. – Д. 148.
19. ЦГА РМ. – Ф. Р-473. – Оп. 1. – Д. 243.
20. ЦГА РМ. – Ф. Р-473. – Оп. 1. – Д. 256.
21. ЦГА РМ. – Ф. Р-473. – Оп. 1. – Д. 271.
22. ЦГА РМ. – Ф. Р-473. – Оп. 1. – Д. 282.

23. ЦГА РМ. – Ф. Р-473. – Оп. 1. – Д. 301.
 24. ЦГА РМ. – Ф. Р-473. – Оп. 1. – Д. 315.

Полевой материал автора

Балашкина Полина Федоровна, 1956 года рождения, д. Марьино Сергиево-Посадского района Московской области, записи 2012 г.; Викшняйкина Нина Ивановна, 1960 года рождения, д. Марьино Сергиево-Посадского района Московской области, записи 2012 г.; Дубинина Ксения Алексеевна, 1942 года рождения, г. Люберцы Московской области, записи 2012 г.; Конаков Петр Григорьевич, 1938 года рождения; Громова Зоя Григорьевна, 1936 года рождения, г. Озеры Московской области, записи 2013 г.; Концов Алексей Иванович, 1955 года рождения, с. Врачево Луховицкого района Московской области, записи 2013 г.; Крайникова (Анискина) Нина Павловна, 1956 года рождения, г. Москва, записи 2012 г.; Лепенкина (Евдокимова) Наталья Михайловна, 1964 года рождения, пос. Красная Пойма Луховицкого района Московской области, записи 2012 г.; Степанова (Исаева) Раида Евстафьевна, 1935 года рождения, г. Москва, записи 2012 г.; Шапоров Иван Васильевич, 1957 года рождения, д. Марьино Сергиево-Посадского района Московской области, записи 2012 г.; Шумбасов Федор Сергеевич, 1950 года рождения, р. п. Серебряные Пруды Московской области, записи 2012–2013 гг.

References

1. *Arsent'ev V. M.* Teorija i praktika jekonomičeskogo rajonirovanija Srednego Povolzh'ja / V. M. Arsent'ev, O. I. Mariskin // *Regionologija*. – 2004. – № 2 (47). – S. 106–119.
2. *Biushkina M. R.* Moskovskaja mordva na rubezhe vekov / M. R. Biushkina // *Arhiv Centra mordovskoj kul'tury Postojannogo predstavitel'stva Respubliki Mordovija pri Prezidente Rossijskoj Federacii*.
3. *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g.* T. 9. RSFSR. – M. : CSU SSSR, 1929. – 228 s.
4. *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 goda* : Osnovnye itogi. – M. : Nauka, 1992. – 254 s.
5. *Vylcan M. A.* Chislennost' i sostav sel'skogo naselenija za 50 let / M. A. Vylcan // *Istorija SSSR*. – 1967. – № 6. – S. 43–63.
6. *Kozlov V. I.* Rasselenie mordvy : ist. ocherk / V. I. Kozlov // *Voprosy jetnicheskoi istorii mordovskogo naroda*. – M. : In-t jetnografii AN SSSR, 1960. – S. 5–62.
7. *Kruglikov P. I.* Kraevedčeskaja rabota mordovskogo učitelja / P. I. Kruglikov. – M. : Centr. Izd-vo narodov SSSR, 1928. – 102 s.
8. *Moiseenko V. M.* Rec. na kn. Platonov N. I. Pereselenčeskaja politika sovetskogo gosudarstva i ee osušhestvlenie v SSSR (1917 – ijun' 1941 gg.) / V. M. Moiseenko // *Istorija SSSR*. – 1978. – № 2. – S. 181–183.
9. *Mordviny moskovskie* // *Krasn. Mordovija*. – 1937. – 28 fevr.
10. *Nacional'nyj sostav naselenija Respubliki Mordovija* // *Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 g.* / *Mordovijstat*. – Saransk, 2005. – S. 52–99.
11. *Nefedova T. G.* Sel'skaja Rossija na pereput'e : geogr. očerki / T. G. Nefedova. – M. : Novoe izd-vo, 2003. – 408 s.
12. *Pamjatnaja knižhka Moskovskoj gubernii na 1909 god.* Moskovskij stolichnyj i gubernskij statističeskij komitet. – M., 1908. – 895 s.
13. *Pervaja vseobščhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 g.* T. XXIV. Kn. 2. Gorod Moskva / *Izd. Centr. stat. komiteta MVD*. – SPb., 1904. – 275 s.
14. *Pervaja vseobščhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 g.* T. XXIV. Moskovskaja gubernija / *Izd. Centr. stat. komiteta MVD*. – SPb., 1905. – 350 s.
15. *Perepisi naselenija v Rossii* [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/322399>
16. *Tolkachev E.* Mar'ina roshha / E. Tolkachev. – M. : Mosk. rabochij, 1960. – 313 s.
17. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Mordovija (CGA RM)*. – F. R-473. – Op. 1. – D. 143.
18. CGA RM. – F. R-473. – Op. 1. – D. 148.
19. CGA RM. – F. R-473. – Op. 1. – D. 243.
20. CGA RM. – F. R-473. – Op. 1. – D. 256.
21. CGA RM. – F. R-473. – Op. 1. – D. 271.
22. CGA RM. – F. R-473. – Op. 1. – D. 282.

23. CGA RM. – F. R-473. – Op. 1. – D. 301.
24. CGA RM. – F. R-473. – Op. 1. – D. 315.

Polevoj material avtora

Balashkina Polina Fedorovna, 1956 goda rozhdenija, d. Mar'ino Sergievo-Posadskogo rajona Moskovskoj oblasti, zapisi 2012 g.; Vikshnjajkina Nina Ivanovna, 1960 goda rozhdenija, d. Mar'ino Sergievo-Posadskogo rajona Moskovskoj oblasti, zapisi 2012 g.; Dubinina Ksenija Alekseevna, 1942 goda rozhdenija, g. Ljubercy Moskovskoj oblasti, zapisi 2012 g.; Konakov Petr Grigor'evich, 1938 goda rozhdenija; Gromova Zoja Grigor'evna, 1936 goda rozhdenija, g. Ozery Moskovskoj oblasti, zapisi 2013 g.; Koncov Aleksej Ivanovich, 1955 goda rozhdenija, s. Vrachevo Luhovickogo rajona Moskovskoj oblasti, zapisi 2013 g.; Krajnikova (Anis'kina) Nina Pavlovna, 1956 goda rozhdenija, g. Moskva, zapisi 2012 g.; Lepenkina (Evdokimova) Natal'ja Mihajlovna, 1964 goda rozhdenija, pos. Krasnaja Pojma Luhovickogo rajona Moskovskoj oblasti, zapisi 2012 g.; Stepanova (Isaeva) Raida Evstaf'evna, 1935 goda rozhdenija, g. Moskva, zapisi 2012 g.; Shaporov Ivan Vasil'evich, 1957 goda rozhdenija, d. Mar'ino Sergievo-Posadskogo rajona Moskovskoj oblasti, zapisi 2012 g.; Shumbasov Fedor Sergeevich, 1950 goda rozhdenija, r. p. Serebrjanye Prudy Moskovskoj oblasti, zapisi 2012–2013 gg.

Поступила в редакцию 18 декабря 2015 г.

Сведения об авторе

Акимова Зинаида Ивановна – кандидат педагогических наук, директор МОУ «Гимназия № 19» г. Саранска. Область научных интересов – историко-этнологическое исследование мордвы г. Москвы и Московской области. Автор более 50 научных и учебно-педагогических работ.

E-mail: saransk.19@mail.ru

Akimova Zinaida Ivanovna – candidate of pedagogical Sciences, Director of gymnasium No. 19 of Saransk. Area of scientific interests – historical and ethnological research of the Mordvins of Moscow and Moscow region. Author of over 50 scientific and educational publications

УДК 947 : 342.24
ББК Т3(2)5

Д. В. Шуняков

100 ГРАММ ДЛЯ ХРАБРОСТИ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Ключевые слова: Российская империя, СССР, Советский Союз, Великая Отечественная война, Государственный Комитет Оборона, народный комиссар обороны.

В статье приводится последовательность введения «винной порции» в России, начиная с царя Петра I, прослеживается изменение отношения к спиртному в обществе и военной среде, приводятся способы борьбы с пристрастием к алкоголю, анализируются причины введения во время Великой Отечественной войны выдачи 40° водки в количестве 100 граммов. В работе приводится полный перечень указов Президиума Верховного Совета и приказов народного комиссара обороны, связанных с введением алкоголя, и рассматривается последовательность изменения норм выдачи в ходе войны, прослеживается тенденция к неуклонному снижению категории военнослужащих, которым выдавался алкоголь. Нет никаких убедительных доказательств, что выдача алкоголя помогала воевать, спиртное приводило к росту неадекватного поведения военнослужащих, рассеивало их внимание, мешало оказанию медицинской помощи при ранениях, повышало число обмороженных зимой и вообще увеличивало «небоевые» потери. После окончания войны введение алкоголя подвергалось большой критике, однако впоследствии «наркомовские» приобрели определенный ареол романтизма, став одним из своеобразных символов тех событий, чуть ли не единственным способом борьбы со страхом. Новым является и взгляд на весь многообразный спектр войны и человека на войне, посредством рассмотрения такого важного для повседневной жизни военнослужащих вопроса, как употребление спиртного на войне.

D. V. Shunjakov

100 GRAMS FOR BRAVERY: «FOR» AND «AGAINST»

Keywords: Russian Empire, the USSR, the Soviet Union, World War II, the State Defense Committee, People's Commissar of Defense.

The article provides a sequence of the introduction of «wine serving» in Russia since Tsar Peter I, observed a change in attitude to alcohol in society and the military environment, are ways of dealing with addiction to alcohol, analyzed the reasons for the introduction of the Second World War the issuance of 40° vodka in the amount of 100 grams. The paper contains a full list of the decrees of the Supreme Council of the People's Commissar of Defence and orders related to the introduction of alcohol and consider the sequence of changes in the rules of issue of the war, a trend of steady decline of military categories, which gave alcohol. There is no conclusive evidence that the issue of alcohol helps fight alcohol led to an increase in inappropriate behavior troops, scattering attention and concentration, prevented medical care for wounds, raising the number of frostbite in the winter and in general to the growth of «non-combat» casualties. After the war, the introduction of alcohol subjected to a lot of criticism, but then «drug movskie» acquired a certain romanticism areolas, becoming one of the distinctive character of the events, all but the only way to deal with fear. What is new is and look at the whole diverse range of war and man at war, through the consideration of such important for everyday life of military issue as the use of alcohol in the war.

«Наркомовские сто грамм», «100 грамм для храбрости» – широко известные выражения, связанные с Великой Отечественной войной. Про фронттовую водку часто пишут литераторы, любят «смаковать» эпизоды в

современных художественных фильмах, где она течет рекой. Для псевдоисториков, чернящих Красную армию и Великую Победу, водка прекрасный повод описывать истории про пьяных красноармейцев, ко-

торых пьяные же командиры, как скот, гонят на вражеские пулеметы. Рассказывать многочисленные истории о том, как пьяные солдаты издеваются и насилуют милых и непорочных немецких женщин. Сами же фронтовики, про наркомовские сто грамм, тоже рассказывают разное. Воспоминания разнятся кардинально. Кто-то доказывает, что на фронте про водку даже и не слышали, другие хвастаются выпитыми литрами.

А как оно было на самом деле? Попробуем разобраться в этом.

Собственно, спиртные напитки в армии – это не нововведение Советской власти. Такая практика существовала и в Российской империи.

Появление спиртного в суточном рационе питания военнослужащих русской императорской армии обязано Петру Великому. В петровском «Уставе воинском 1716 года» четко регламентировалась норма его потребления. В главе 67 с характерным названием «Порциины и рационы» в раскладе продуктов первого отечественного продпайка значились: «вина 2 чарки, пива 1 гарнец» (один гарнец равен 3,2 л) [10, с. 153]. Тяжелые условия службы, недостаток питания и лечебно-профилактический характер спиртных напитков и предопределил появление в рационе питания военнослужащих русской армии «порцины». Водка, как известно, обладает прекрасным антисептическим свойством и к тому же неплохо согревала в нелегких походных условиях, особенно в зимнюю пору. Она выступала чем-то вроде современных таблеток пантацида. Тем более, что кишечные расстройства ничуть не хуже различных эпидемий косили армейские ряды. А пиво, сваренное по стародавним славяно-русским рецептам, прекрасно утоляло жажду, заменяя воду, и неплохо служило для профилактики кожных заболеваний.

Однако, надо отметить, что водка также выступала и в роли поощрительного приза за выполнение боевого задания или к праздничным дням. Эта традиция просуществовала в русской армии вплоть до начала XX в.

Впрочем, введение на нормы снабжения алкогольных напитков негативно сказывалось на дисциплине. Поэтому приказом по Военному ведомству № 1747 от 1 августа 1817 г. винная порция в мирное время ограничивалась четырьмя чарками в неделю [17, с. 4]. На период боевых действий сохранялась прежняя ежесуточная норма.

Ритуал был следующим. В означенный расписанием воинской части час (обеденный) артельщик (выборная должность сроком на один год из среды нижних чинов) выносил емкость, наполненную спиртным. Около него располагался с двумя большими жестяными кружками фельдфебель (старшина). Солдаты по одному, в строгой последовательности по выслуге лет, подходили к раздаче, называя личные данные артельщику, и получали в ответ отмеренную специальной чаркой порцию водки в размере 100 граммов. После чего, проходя мимо фельдфебеля, опускали личные (увольнительные) знаки (аналог современного жетона) в одну из жестяных кружек.

В точно такой же последовательности совершали свой ритуал солдаты, отказавшиеся от винной порции, получая взамен денежную компенсацию к месячному жалованью. При этом они опускали личные знаки в другую кружку. Весь процесс от начала до конца тщательно фиксировался артельщиком в специальной книге учета, а личные знаки возвращались их владельцам фельдфебелем во время вечерней поверки.

Стоимость одной винной порции в начале XX в. в зависимости от региона в среднем составляла от одной до пяти копеек. Тогда на самую мелкую медную монету Российской империи полушку (полкопейки) можно было приобрести пару подовых пирогов. Так что к концу армейской службы у солдат-отказников оказывались на руках вполне солидные суммы. Например, старший унтер-офицер 122-го пехотного Тамбовского полка, расквартированного в Харькове, уйдя в запас в 1909 г., обзавелся 345 рублями [17, с. 3]. На эти средства у себя на малой родине в с. Шестакове Во-

ронезской губернии он смог обзавестись собственным подворьем с хозяйством.

На флоте также выдавалась чарка водки (1/100 часть ведра, или 0,123 литра, т. е. 120 граммов). Обычная чарка давалась в два приема: две трети, перед обедом, одну треть – перед ужином. Сам процесс выдачи чарки был обставлен на кораблях с определенной торжественностью. Боцман дудкой давал сигнал – «к вину». Баталер выносил емкость с водкой и по списку выкликал фамилии нижних чинов. Закусывать чарку чем-нибудь не полагалось. Непьющие получали деньги по статье («за непитое вино») в размере 2 руб. 40 коп. в месяц.

Развитие военного дела и медицины сделало «винную порцию» объектом противостояния между ее сторонниками и противниками. Аргументация сторонников винной порции стара как мир и основывалась на известном изречении святого благоверного князя Владимира: «Веселье Руси – есть питие». Штабс-капитан Лосовский утверждал: «Если не дать солдату водки, то все равно он ее добудет, но путем контрабандным, и благодаря нашему чисто теоретическому выводу может серьезно пострадать. Узаконенная выдача винной порции уже тем хороша, что это всегда составляет событие в роте, приятно нарушающее монотонную обстановку казарменной жизни. Не так слаба солдатская голова, чтобы охмелеть от полчарки водки» [15, с. 33].

Серьезное увлечение спиртным процветало и в офицерской среде. Культивировался, особенно среди молодых офицеров, образ кутилы, повесы, дуэлянта, транжиры. Так, князь В. С. Трубецкой в своих воспоминаниях «Записки кирасира» поведал о своем первом полномочном появлении в офицерском собрании Лейб-гвардии Кирасирского Императрицы Марии Федоровны полка [33]. Его вместе с прочими новичками после обильного возлияния, согласно устоявшейся традиции, заставили выпить на брудершафт со всеми офицерами полка, с которыми отныне он переходил к общению на «ты». После чего следовало,

«не теряя лица», бодро отрапортовать собравшимся, что имярек прибыл в такой-то полк для прохождения службы. Процесс совершался под возгласы песенного куплета «Журавля»: «Не боится вин количества Кирасир Ее Величества».

Но многие русские офицеры были против выдачи алкоголя в войсках, указывая на то, что алкоголь снижает меткость огня, увеличивает заболевания и преступность личного состава. Так, командир 32-й пехотной дивизии, генерал Н. Д. Бутовский писал: «Охотников до пьяных посиделок среди одолевающих скуки много, и к числу их часто принадлежат честные и исправные в других отношениях солдаты, ибо этот сорт развлечения дает патент на молодцеватость. А между тем, отсюда недалеко до воровства и промотания казенного имущества, чтобы выручить деньги на запретные развлечения; здесь сторожит солдата сифилис, иногда в самых злостных формах, увеличивающий процент неспособных к службе людей; здесь легко солдату впасть в дисциплинарные проступки в пьяном виде, в которых часто попадают весьма хорошие и честные люди и т. д.» [6, с. 26].

Уволенный в запас в 1905 г. рядовой П. Кочергин отметил: «Если и имела чарка в свое время значение, то это время отошло в область преданий. Есть люди, которые все не пили в жизни водки, а когда подносят «чарку казенки» – не отказываются, и тем самым приучаются пить непьющие. Хотя многие скажут: хочешь – пей, хочешь – не пей. Но русский не может, чтобы его добро пропадало...» [7, с. 217].

Один из судебных врачей, опубликовал статью под псевдонимом Д-р НАС, где раскритиковал выдачу водки матросам: «Судовые работы не из легких. Организмы матросов – молодые, здоровые. К обеденному перерыву все проголодались изрядно, желудки пустые... известно, что алкоголь особенно резкое действие производит именно на пустой желудок, и в данном случае тем большее, что между чаркой и приемом пищи (обед, ужин) проходит несколько минут, пока раздадут на столы

баки с пищей... В этой «чарке» и таится корень того неисправимого пьянства, которым страдают моряки, попадая после плавания в портовые города. В доброе старое время, когда на парусных судах авральные работы были особенно тяжелы, в особенности в штормы, алкоголь являлся возбуждающим средством. Но эти времена ушли в прошлое и оставили нам традиционную систематическую алкоголизацию плавающих команд. Между тем, алкоголизованный человек – плохой работник... И с моральной стороны «чарка» вредна» [8, с. 7–8].

Но существенные изменения в вопросе выдачи спиртных напитков произошли только во время царствования императора Николая II. Первым шагом был запрет в 1889 г. приказом Главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Владимира Александровича продажи спиртных напитков в солдатских буфетах и лавках, а к 1900 г. это было распространено во всех военных округах [1, с. 338]. В «Уставе внутренней службы», утвержденном 23 марта 1910 г., в статье 100 содержится запрет нижним чинам посещать места «продажи водки и пива», а в статье 320 запрещается приносить спиртные напитки в помещения нижних чинов. Статья 321 разрешает вместо прежней чарки водки выдавать легкое виноградное вино и пиво, что также может быть заменено улучшением качества пищи [34, с. 176, 311–313].

В 1913 г. император Николай II издал указ о запрещении производства и продажи всех видов алкогольной продукции на всей территории России. В соответствии с этим указом 22 мая 1914 г. был издан Приказ по военному ведомству № 309 о мерах против потребления алкоголя в армии [20, с. 84–85]. Согласно приказу офицеры, появившиеся в нетрезвом состоянии где бы то ни было, подвергались строгому дисциплинарному воздействию, вплоть до увольнения со службы. Работа начальствующего офицерского состава оценивалась теперь по степени трезвости его подчиненных.

30 августа 1914 г. император Николай II издал указ о прекращении выдачи чарки вина солдатам и матросам, увеличив им, в счет этой суммы, выдачу продовольственного пайка [20, с. 85].

Однако после отречения императора и прихода к власти Временного правительства ситуация вышла из-под контроля, стали учащаться винные погромы. К тому же за годы войны на винных складах скопилось 70 млн ведер спирта (в пересчете на 40-градусный алкоголь) [13, с. 69]. Один из самых грандиозных погромов произошел в небольшом уездном городке Острогжске Воронежской губернии, в котором после митинга, направленного против «богачей-кровососов», толпа, подстрекаемая криминальными элементами, двинулась... на винный склад! Приведем свидетельство очевидца как самое характерное описание для любого погрома и разгула «голи кабацкой»: «Началось нечто невероятное. Пили из ведер, солдатских котелков и просто перегнувшись через край огромного чана; пили тут же из бочек, пили во дворе, усевшись у стенок подвала. К заводу бежали со всех сторон всякие проходимцы. Теснота и давка в подвалах нарастали с каждой минутой. Солдаты, чтобы не лазать по гладким и скользким стенкам чанов и не черпать водку, перегибаясь через стенки, просто простреливали чаны из винтовок. Струйки водки лились прямо в котелки. Но, разумеется, большая часть спиртного стекала на пол. Вскоре в подвале ходили по пояс в водке. Кто падал, больше уже не вставал, тонул в ней. Тут же возникали драки пьяных из-за места у бочек и чанов, из-за прохода в подвалы. Все кончилось чрезвычайно печально. То ли кто-то, выпив, решил закурить в подвале и бросил горящую спичку, то ли кто-то зажег спичку, чтобы найти упавшего товарища, но вдруг в подвале вспыхнул пожар, который моментально охватил все помещение. Началась страшная паника. Все ринулись к выходам. Образовались пробки. Люди с громкими воплями выскакивали из подвалов и с воем катались по земле, стара-

ясь потушить свою горящую одежду. Многие пьяные так и не выскочили, сгорели».

С приходом советской власти борьба за трезвость была продолжена. В декабре 1917 г. Советское правительство продлило запрет на торговлю водкой [13, с. 72]. Следующим шагом, предпринятым ВРК в ноябре, были уничтожение винных погребов и разгон винных погромов. 19 декабря 1919 г. СНК РСФСР за подписью В. И. Ленина принял постановление «О воспрещении на территории страны изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ», предусматривавшее строгие меры: не менее пяти лет тюремного заключения с конфискацией имущества [13, с. 74].

В. И. Ленин, выступая в мае 1921 г. на X Всероссийской конференции РКП(б), сказал: «...в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водка и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму...» [18, с. 98].

Однако после смерти В. И. Ленина постановлением от 28 августа 1925 г. была допущена продажа 40-градусной водки с 1 октября 1925 г. [23]. На ликеро-водочных заводах активно начали производить новую, советскую водку, получившую шутовское прозвище по фамилии Председателя Совета Народных Комиссаров А. И. Рыкова – «рыковку» [13, с. 76]. В соответствии с реалиями нового времени появились своеобразные названия бутылок – «партиец» (0,50 л), «комсомолец» (0,25 л) и «пионер» (0,10 л).

В 1924 г. М. Булгаков записал в своем дневнике: «В Москве событие – выпустили 30° водку, которую публика с полным основанием назвала «рыковкой». Отличается она от царской водки тем, что на десять градусов она слабее, хуже на вкус и в четыре раза ее дороже. Водку называют «Рыковка» и «Полурыковка». «Полурыковка» потому, что она в 30°, а сам Рыков (горький пьяница) пьет в 60°» [4].

Диалог Преображенского и Борменталья о качестве водки из булгаковского «Собачьего сердца» [5, с. 78]:

– Бог с вами, голубчик, – отозвался хозяин. – Это спирт. Дарья Петровна сама лично готовит водку.

– Не скажите, Филипп Филиппович, все утверждают, что очень приличная. Тридцать градусов.

– А водка должна быть в сорок градусов, а не в тридцать, – это, во-первых, – настоятельно перебил Филипп Филиппович, – а во-вторых, бог их знает, чего они туда плеснули. Вы можете сказать, что им придет в голову?

– Все, что угодно, – уверенно молвил тятпнутый».

В стране процветало массовое употребление алкоголя. Сводки ГПУ говорят сами: «В общежитиях города [Ленинграда] имеют место пьянство, хулиганство, драки; прививаются нечистоплотность и некультурность, в общежитии «Мясокомбината» нет никаких развлечений, целый день лишь играют в карты и пьют водку»; «на участке Зареченском крестьяне продали школу, а вырученные деньги пропили»; «коммунист в пьяном виде бросил бомбу [скорее всего, речь идет о гранате] в крестьянский дом» [13, с. 77].

И хотя в Красной армии винная чарка введена не была, это не значит, что в военной среде проблем со спиртным не было. Дело дошло даже до разгромного приказа народного комиссара обороны СССР в 1938 г., в котором говорилось прямо: «За последнее время пьянство в армии приняло поистине угрожающие размеры. Особенно это зло вкоренилось в среде начальствующего состава». В нем приводится ряд вопиющих случаев совершения начальниками и красноармейцами противоправных действий в состоянии алкогольного опьянения, в том числе убийства и изнасилования. В приказе устанавливались и меры противодействия пьянству. Заканчивался приказ фразой: «В Красной Армии нет место пьяницам» [24].

Правда, уже через месяц, в январе 1940 г. во время Советско-финской войны Народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов обратился к И. В. Сталину с просьбой выдавать бойцам и командирам РККА по 100 граммов водки и 50 граммов сала в день ввиду тяжелых погодных условий (морозы на Карельском перешейке доходили той зимой до -40°C). Соответствующее распоряжение немедленно поступило в войска, при этом танкистам норма была удвоена, а летчикам было решено выдавать по 100 граммов коньяка [10, с. 257–258].

Знаменитый актер Юрий Никулин, служивший во втором дивизионе 115-го зенитного артиллерийского полка, вспоминал: «Как только началась война, нам ежедневно выдавали по сто граммов водки в день. К водке полагались 50 граммов сала, которое я любил, и поэтому порцию водки охотно менял на сало. Первые фронтовые сто граммов выпил лишь в день своего 18-летия!» [19, с. 118].

С 10 января по начало марта 1940 г. военнослужащими РККА было выпито более 10 т. водки и 8,8 т. коньяка [10, с. 276].

22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на Советский Союз, и началась Великая Отечественная война. Война началась крайне неудачно: огромные потери в живой силе и технике, оставление огромных территорий и отход в глубину страны. В этих тяжелых условиях в августе вышло постановление Государственного Комитета Обороны, в котором говорилось: «Установить, начиная с 1 сентября 1941 года, выдачу 40° водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцу и начальствующему составу войск первой линии действующей армии» [21]. Подписал этот документ Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин. Так откуда появилось знаменитое выражение «наркомовские сто грамм»? И почему именно «наркомовские»?

Возможно потому, что в армии были обычно больше знакомы с приказами народного комиссара обороны, чем с постановлениями Государственного Комитета

Обороны. Вслед за Постановлением Государственного Комитета Обороны выходит приказ народного комиссара обороны № 0320, подписанный заместителем народного комиссара обороны СССР, генерал-лейтенантом интендантской службы Хрулевым, который, наверняка, был доведен до личного состава [25]. В соответствии с этим приказом водку выдавали только «...красноармейцам и начальствующему составу передовой линии действующей армии». Тыловым частям водка не полагалась.

Командир взвода лейтенант Александр Ильич Шумилин в своих неопубликованных мемуарах «Ванька ротный» писал: «7-го ноября [1941 года] праздник. К празднику нам выдали по сто граммов водки и по полбуханки немороженого хлеба. Это целое событие, мы отметили его от души. После праздника водку давать перестали, и наша жизнь пошла по старой колее» [35].

Подобный порядок выдачи водки просуществовал до мая 1942 г., когда новым приказом народного комиссара обороны он был изменен. В приказе № 0373 говорилось: «Сохранить ежедневную выдачу водки только военнослужащим частей передовой линии, имеющим успехи в боевых действиях, увеличив норму выдачи водки до 200 г. на человека в день». Обращает на себя внимание тот факт, что водка была сохранена только тем, кто участвовал в наступательных действиях, правда, в удвоенном количестве. Для всех остальных норма в 100 граммов на человека сохранялась лишь в праздники: «7–8 ноября, 5 декабря, 1 января, 23 февраля, 1–2 мая, 19 июля (всенародный день физкультурника), 16 августа (день авиации), 6 сентября (Международный юношеский день), а также в день полкового праздника (сформирование части)» [26].

Удвоенные нормы просуществовали недолго, 12 июня 1942 г., приказом № 0470 вернулись к привычным 100 граммам. Выдача водки в количестве 100 граммов для всех остальных по праздникам была сохранена [27].

«Каждый день положены были сто граммов водки, – рассказывал бывший комбат

Сергей Засухин, – но на самом деле выпадало больше. В пехоте ведь числится 800–1000 человек. Вечером, после боя, на 100–300 оставалось меньше. Потому наши интенданты имели всегда запас. И мы в батарее хранили НЗ в термосах. Водка сопровождала все 24 часа. Без нее невозможно было, особенно зимой. Бомбежки, артобстрелы, танковые атаки так на психику действовали, что водкой и спасались. И еще кувевом» [2, с. 32].

В ноябре того же года порядок выдачи водки снова меняется. Теперь он такой: «... по 100 граммов на человека в сутки: подразделениям частей, ведущим непосредственно боевые действия и находящимся в окопах на передовых позициях; подразделениям, ведущим разведку; артиллерийским и минометным частям, приданным и поддерживающим пехоту и находящимся на огневых позициях; экипажам боевых самолетов по выполнению ими боевой задачи. По 50 граммов на человека в сутки: полковым и дивизионным резервам; подразделениям и частям боевого обеспечения, производящим работы на передовых позициях; частям, выполняющим ответственные задания в особых случаях (постройка и восстановление мостов, дорог и прочее в особо трудных условиях и под огнем противника), и раненым, находящимся в учреждениях полевой санитарной службы, по указанию врачей». Выдача всем остальным 100 граммов по праздникам сохранялась. Впервые было указано то, что выдавать могли не только водку, но и вино: «По Закавказскому фронту вместо 100 граммов водки выдавать 200 граммов крепленого вина или 300 граммов столового вина; вместо 50 граммов водки – 100 граммов крепленого вина или 150 граммов столового вина» [28].

Несложно подсчитать, что за год боевых действий солдат выпивал 36,5 литров водки (или 73 бутылки). При норме в 50 граммов, доза означала потребление 18 литров в год на человека.

Также новым в приказе было введение для фронтов лимитов на алкогольные на-

питки. В период с 25 ноября по 31 декабря 1942 г. отпускалось на 11 фронтов [Карельский, Ленинградский, Волховский, Северо-Западный, Калининский, Западный, Брянский, Воронежский, Юго-Западный, Донской и Сталинградский] суммарно 5 691 000 литров водки, а на Кавказский фронт – 1 200 000 литров вина [28, л. 155].

В дополнение к этому приказу, в январе 1943 г. было уточнено что: «В частях ВВС действующей армии... водку выдавать по 50 граммов в сутки на человека и техническому составу только в дни вылетов на боевые задания самолетов, непосредственно обслуживаемых ими на аэродромах» [29].

Вот что вспоминал о боях в Сталинграде 22-летний офицер Федор Ильченко, взявший в плен немецкого фельдмаршала Паулюса: «...Кормили нас, по фронтовым меркам, шикарно: один раз в сутки – горячий супчик. Правда, не всегда регулярно: от голодной злобы немецкая артиллерия громила наши полевые кухни, и повара добивались в окопы с термосами на спине. Но хлеб, по килограмму на брата, был всегда. И, конечно, водка. Без спиртного невозможно было победить... мороз. Фронтовые сто граммов стали дороже снарядов и спасали солдат от обморожения, так как многие ночи они проводили в чистом поле на голой земле...» [11, с. 8–9].

В мае 1943 г. число тех, кому было положено на снабжение водка или вино, существенно сократилось. В приказе народного комиссара обороны четко говорилось: «Выдачу водки по 100 граммов в сутки на человека производить военнослужащим только тех частей передовой линии, которые ведут наступательные операции, причем определение того, каким именно армиям и соединениям выдавать водку, возлагается на военные советы фронтов и отдельных армий». Впрочем, выдача 100 граммов по праздникам была сохранена [30].

В следующем месяце были снесены дополнения для подразделений войсковой разведки, где дополнительно выдавалось разведчикам по 100 граммов, но только:

«... в дни выполнения боевых заданий» [31].

Эти нормы довольствия продержались до окончания войны и были полностью отменены лишь в августе 1945 г. [22].

Как следует из анализа приказов народного комиссара обороны, в течение войны наблюдается неуклонное снижение выдачи водки в действующей армии. Однако процветали употребления самогона и других самопальных жидкостей, особенно это участилось, когда Красная армия вошла в Европу, где имелись огромные запасы алкоголя и спиртосодержащих жидкостей на промышленных предприятиях. Об этом лучше всего скажут сухие строки из официальных документов.

Из приказа войскам 1-го Прибалтийского фронта 15 декабря 1944 г.: «24 августа с. г. командир взвода 5-й гвардейской танковой армии лейтенант Савельев обнаружил ящик с древесным спиртом, из которого взял несколько бутылок, пропустил через респираторную коробку и вместе с подчиненными красноармейцами выпил этот спирт. Утром 25 августа с. г. трое, в том числе лейтенант Савельев, скончались; остальные пять красноармейцев после медицинского вмешательства остались живы» [3, с. 468–469].

Из приказа войскам 71-й армии № 064 от 2 марта 1945 года: «18 ноября 1944 г. в Янув-Подляски капитан Чабунин Н. Е. и капитан Орлов Г. П. были приглашены местной жительницей-полячкой на квартиру. Она угостила их «бимбером». В тяжелой форме отравления метиловым спиртом оба капитана были доставлены в госпиталь. После оказания медицинской помощи они остались живы, но полностью потеряли зрение – ослепли» [3, с. 473].

Из приказа начальника Главного трофейного управления Красной Армии № 022 от 24 марта 1945 г.: «22 марта с. г. старший демонстрационной группы Наркомата стройматериалов инженер-майор Гольдин А. Г., прибывший в служебную командировку, нашел на заводе бутылку с неизвестной жидкостью, вечером пригласил к себе врачей из

спецгоспиталя капитана м/с Хайкина и лейтенанта Ювачева. В коллективном распорядке приняли участие 9 военнослужащих... Из этой группы умерли все» [3, с. 489].

Из приказа войскам 46-й армии 26 апреля 1945 г.: «24 апреля с. г. 3-й артиллерийский дивизион 969-го арт. Пражского полка занял огневую позицию в районе аэродрома восточнее нас. пункта Шенвальде. Красноармеец этого дивизиона Михайличенко на аэродроме обнаружил бочки со спиртом и рассказал это другим красноармейцам, которые налили каждый себе спирт во флаги, а впоследствии распили его... в результате уже выпитого метилового спирта первые признаки отравления были замечены 24 апреля у двух красноармейцев, а 25 апреля и у всех остальных бойцов, принимавших участие в выпивке» [3, с. 494].

Из информационного сообщения интендантского управления 1-го Белорусского фронта 6 мая 1945 г.: «В 3-й Ударной армии после освобождения города Резекне группа бойцов, сержантов и офицеров 8-й гвардейской стрелковой дивизии обнаружили в аптеке спирт, не исследовав его, начали распивать, в результате получили отравление 110 человек, из которых 34 умерло и часть находится в тяжелом состоянии. Впоследствии выяснилось, что это был метиловый (древесный) спирт» [3, с. 503].

Из воспоминаний Бориса Николаевича Соколова: «Подойдя к казарме, мы собрались пробраться как можно тише, чтобы не разбудить спящих. Однако всем там было не до сна. В казарме все было пьяным-пьяно и дым стоял коромыслом. Отовсюду слышались нестройное пение и пьяные выкрики. Оказалось, что на складе химической фабрики нашли спирт и несколько канистр его принесли в казарму. В Германии метилового спирта для разных технических целей делалось много. По словам пробовавших, вкус его ничем не отличается от вкуса винного спирта. Даже опьянение наступает легче и быстрее. Однако он ядовит. Значительные дозы приводят к смерти, а небольшие отражаются на зрении. Совет-

ские солдаты, придя в Германию, везде этот спирт находили и, само собой разумеется, его пили. Результаты не замедлили сказать. Отравлений было много» [32, с. 124].

Впрочем, не все участники войны одобряли алкоголь. Послушаем их.

Генерал армии Н. Лященко: «Восторженные поэты назвали эти предательские сто граммов «боевыми». Большого кощунства трудно измыслить. Ведь водка объективно снижала боеспособность Красной Армии» [2, с. 33].

Командир взвода лейтенант Александр Ильич Шумилин в мемуарах «Ванька ротный» писал: «Все сразу поняли, что выпивку я не одобряю. Что все это надо немедленно прекратить, пока командир роты об этом не дознался. Выговаривать старшине и солдатам я не стал, но на одной из остановок, выпрыгнув на землю из вагона, я увидел, как в соседнем взводе лейтенант Луконин чокался со своими солдатами. «Дело серьезное», – подумал я. Едут на фронт. По дороге всякое может случиться, возможна бомбежка, в любую минуту может налететь немецкая авиация. Я не понимал особой радости тех, кто нализался до такого состояния без всякой причины. Я не находил этому разумного ответа» [35].

Воспоминания Героя Советского Союза Тимофея Сергеевича Лядского: «Заседал партактив. Итоги работы дивизии подводил подполковник Саприкин. Назвал лучших: Кузин, Лядский, Павленко. А уже год, как мы не имеем ни одной награды. Обвиняют в этом нашего начальника строевого отдела Солодовникова, который подавал документы на тех, кто его поил. Попадет под суд» [16, с. 87].

Воспоминания ветерана 83-й гвардейской стрелковой дивизии Л. С. Карташева: «...Я считаю, что не стоило выдавать эти, как их тогда называли, «наркомовские» сто

граммов. Они потом боком вышли нашему народу, потому что приучали людей к водке... Уже после войны в Свердловске одно время я ходил обедать в офицерскую столовую. И мне казалось просто диким, что офицеры не садились есть без ста граммов... А где сто там и двести и больше... Помню, что наблюдая эту картину я подумал тогда: «Да, далеко мы так пойдем...» [12, с. 70].

Вот что вспоминал Марк Федорович Синельников, полковник в отставке: «На передовой с выпивкой проблем никогда не было, так как в боевых условиях бойцам с самого начала войны полагались «наркомовские» 100 грамм в сутки. Старшина приносил «живую воду» в термосе на весь списочный состав роты и разливал по кружкам. Но обычно после боя «живых штыков» оказывалось куда меньше, и дозу особенно не ограничивали. Однако я ни разу не видел в бою пьяных. В те годы народ, особенно молодой, не был так уж охоч до алкоголя – многие и «наркомовские», и махорку меняли на сахар. Однако, были и изыски... Уже в Румынии и Венгрии особым дефицитом стали обычные резиновые грелки – уж очень удобно было наливать в них вино из роскошных местных подвалов, уставленных бочонками, а потом потягивать его во время переходов через тонкую резиновую трубочку...» [14, с. 48].

Так все же, помогли эти «наркомовские» победе или нет, какую роль они сыграли в событиях на фронте? Пожалуй, лучше всех на это ответил ветеран Л. С. Карташев: «Может быть, вообще не стоило выдавать водку? Может быть, надо было установить фронтовой «сухой закон»? Но страшный парадокс войны в том и состоит, что от водки беда, но и без нее обойтись нельзя. Человек, ежедневно рискующий жизнью, должен как-то расслабиться, снять стресс» [12, с. 92].

Библиографический список

1. Алкоголизм в армии // Военная энциклопедия. – СПб. : Т-во И. В. Сытина, 1911–1915. – Т. 2. – С. 338–339.
2. Бердников П. Выпьем за Родину / П. Бердников // Трезвость и культура. – 1989. – № 8. – С. 33–35.
3. Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне? / В. О. Богомолов. – М. : Книжный клуб, 2012. – 880 с.

4. Булгаков М. Мой дневник [Электронный ресурс] / М. Булгаков // [Библиотека Максима Мошкова : федеральный портал]. – Режим доступа: <http://lib.ru/BULGAKOW/dnewnik.txt>. – Загл. с экрана.
5. Булгаков М. Собачье сердце / М. Булгаков. – М. : Эксмо, 2011. – 224 с.
6. Бутовский Н. Д. О казарменной нравственности и о внутреннем распорядке в войсках / Н. Д. Бутовский // Военный сборник. – 1883. – № 1. – С. 24–27.
7. Быт русской армии XVIII – начала XX века / авт.-сост. С. В. Карпушенко. – М. : Воениздат, 1999. – 366 с.
8. Д-р НАС. Чарка во флоте / Д-р НАС // Голос Востока. – 1914. – № 4. – С. 7–8.
9. Законодательство Петра I / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. – М. : Юрид. лит., 1997. – 880 с.
10. «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. – М. ; СПб. : Летний Сад, 2004. – 560 с.
11. Ильченко Ф. «Черный ход» для фельдмаршала / Ф. Ильченко // Аргументы и Факты. – 2005. – № 3. – С. 8–9.
12. Карташев Л. С. От Подмоскovie до Кенигсберга: боевой путь 83-й Гвардейской стрелковой Городокской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии / Л. С. Карташев. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2005. – 125 с.
13. Коржихина Т. П. Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х годов / Т. П. Коржихина // Вопросы истории. – 1985. – № 9. – С. 68–79.
14. Крупенина А. Для согревания и для храбрости / А. Крупенина // Военно-промышленный курьер. – 2011. – № 5. – С. 47–49.
15. Лоссовский А. Забава и дело в казарме / А. Лоссовский // Военный сборник. – 1884. – № 7. – С. 32–35.
16. Лядский Т. С. Записки из летного планшета. Военные дневники / Т. С. Лядский. – Витебск, 1982. – 121 с.
17. Малыгин М. Как в русской армии с «зеленым змием» боролись / М. Малыгин // Военный вестник Юга России. – 2011. – №1. – С. 3–4.
18. Маюров А. Н. Сухой закон в Российской империи – РСФСР (1914–1924 годы) / А. Н. Маюров // Экономические стратегии. – 2014. – № 4. – С. 94–106.
19. Никулин Ю. Письма рядового : [публикация фронтовых писем Ю. Никулина своим родителям] / Ю. Никулин // Искусство кино. – 2007. – № 12. – С. 116–135.
20. Пашков Е. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны / Е. В. Пашков // Вопросы истории. – 2010. – № 10. – С. 80–93.
21. Постановление ГКО № 562сс от 22.08.41 «О введении водки на снабжение в действующей Красной армии» // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 644. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 184.
22. Постановление ГКО № 9837 от 10.08.45 «О частичном изменении норм продовольственного снабжения личного состава частей Красной Армии, расположенных в военных округах и в странах Западной Европы, в связи с окончанием военных действий» // РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 1. – Д. 456. – Л. 73.
23. Постановление ЦИК СССР от 28.08.1925 «О введении в действие положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими» // РГАСПИ. – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 41. – Л. 74.
24. Приказ НКО СССР от 28.12.1938 № 0219 «О борьбе с пьянством в РККА» // РГВА. – Ф. 4. – Оп. 15. – Д. 19. – Л. 417–418.
25. Приказ НКО СССР от 25.08.1941 № 0320 «О выдаче военнослужащим передовой линии действующей армии водки по 100 граммов в день» // Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 4. – Оп. 11. – Д. 65. – Л. 413–414.
26. Приказ НКО СССР от 12.05.1942 № 0373 «О порядке выдачи водки войскам действующей армии» // РГВА. – Ф. 4. – Оп. 11. – Д. 70. – Л. 548–549.
27. Приказ НКО СССР от 12.06.1942 № 0470 «О порядке хранения и выдачи водки войскам действующей армии» // РГВА. – Ф. 4. – Оп. 11. – Д. 71. – Л. 191–192.
28. Приказ НКО СССР от 13.11.1942 № 0883 «О выдаче водки войсковым частям действующей армии с 25 ноября 1942 года» // РГВА. – Ф. 4. – Оп. 11. – Д. 73. – Л. 154–155.

29. Приказ НКО СССР от 13.01.1943 № 031 «Приказ с объявлением норм и порядка выдачи водки техническому составу частей ВВС действующей армии» // РГВА. – Ф. 4. – Оп. 11. – Д. 75. – Л. 51.
30. Приказ НКО СССР от 02.05.1943 № 0323 «Приказ о порядке выдачи водки войскам действующей армии» // РГВА. – Ф. 4. – Оп. 11. – Д. 75. – Л. 649.
31. Приказ НКО СССР от 22.06.1943 № 0384 «Приказ об установлении нормы довольствия подразделений войсковой разведки на фронте» // РГВА. – Ф. 4. – Оп. 11. – Д. 76. – Л. 110.
32. Соколов Б. Н. В плену / Б. Н. Соколов. – СПб.: Галлея-принт, 2000. – 256 с.
33. Трубецкой В. С. Записки кирасира : мемуары [Электронный ресурс] / В. С. Трубецкой [Русская электронная библиотека : федеральный портал]. – Режим доступа: <http://www.rubiteka.ru/zapiski-kirasira>. – Загл. с экрана.
34. Устав внутренней службы. Высочайше утвержден 23 марта 1910 года. – СПб. : Воен. тип. в здании Главного Штаба, 1910. – 404 с.
35. Шумилин А. И. Ванька-ротный : рукопись [Электронный ресурс] / А. И. Шумилин [Бесплатная электронная библиотека : федеральный портал]. – Режим доступа: <http://litbook.net/book/27367/vanka-rotnyj>. – Загл. с экрана.

References

1. Alkoholizm v armii // Voennaja jenciklopedija. – SPb. : T-vo I. V. Sytina, 1911–1915. – Т. 2. – С. 338–339.
2. *Berdnikov P.* Vyp'em za Rodinu / P. Berdnikov // *Trezvost' i kul'tura*. – 1989. – № 8. – С. 33–35.
3. *Bogomolov V. O.* Zhizn' moja, il' ty prisnilas' mne? / V. O. Bogomolov. – М. : Knizhnyj klub, 2012. – 880 s.
4. *Bulgakov M.* Moj dnevnik [Jelektronnyj resurs] / M. Bulgakov // [Biblioteka Maksima Moshkova : federal'nyj portal] – Rezhim dostupa: <http://lib.ru/BULGAKOW/dnewnik.txt>. – Загл. s jekrana.
5. *Bulgakov M.* Sobach'e serdce / M. Bulgakov. – М. : Jeksmo, 2011. – 224 s.
6. *Butovskij N. D.* O kazarmennoj npravstvennosti i o vnutrennem raspordjadke v vojskah / N. D. Butovskij // *Voennyj sbornik*. – 1883. – № 1. – С. 24–27.
7. Быт русской армии XVIII – nachala XX veka / avt.-sost. S. V. Karpushhenko. – М. : Voenizdat, 1999. – 366 s.
8. *D-r NAS.* Charka vo flote / D-r NAS // *Golos Vostoka*. – 1914. – № 4. – С. 7–8.
9. *Zakonodatel'stvo Petra I / otv. red. A. A. Preobrazhenskij, T. E. Novickaja*. – М. : Jurid. lit., 1997. – 880 s.
10. «Zimnjaja vojna»: rabota nad oshibkami (aprel'–maj 1940 g.). Materialy komissij Glavnogo voennogo soveta Krasnoj Armii po obobshheniju opyta finskoj kompanii. – М. ; Spb. : Letnij Sad, 2004. – 560 s.
11. *Il'chenko F.* «Chernyj hod» dlja fel'dmarshala / F. Il'chenko // *Argumenty i Fakty*. – 2005. – № 3. – С. 8–9.
12. *Kartashev L. S.* Ot Podmoskov'ja do Kenigsberga: boevoj put' 83-j Gvardejskoj strelkovoju Gorodokskoj Krasnoznamennoj, ordena Suvorova divizii / L. S. Kartashev. – Ulan-Udje : Izd-vo VSGTU, 2005. – 125 s.
13. *Korzhihina T. P.* Bor'ba s alkoholizmom v 1920-e – nachale 1930-h godov / T. P. Korzhihina // *Voprosy istorii*. – 1985. – № 9. – С. 68–79.
14. *Krupenina A.* Dlja sogrevanija i dlja hrabrosti / A. Krupenina // *Voенно-promyshlennyj kur'er*. – 2011. – № 5. – С. 47–49.
15. *Lossovskij A.* Zabava i delo v kazarme / A. Lossovskij // *Voennyj sbornik*. – 1884. – №7. – С. 32–35.
16. *Ljadskij T. S.* Zapiski iz letnogo plansheta. Voennye dnevniki / T. S. Ljadskij. – Vitebsk. 1982. – 121 s.
17. *Malygin M.* Kak v ruskoj armii s «zelenym zmiem» borolis' / M. Malygin // *Voennyj vestnik Juga Rossii*. – 2011. – №1. – С. 3–4.
18. *Majurov A. N.* Suhoj zakon v Rossijskoj imperii – RSFSR (1914–1924 gody) / A. N. Majurov // *Jekonomicheskie strategii*. – 2014. – № 4. – С. 94–106.
19. *Nikulin Ju.* Pis'ma rjadovogo : [publikacija frontovyh pisem Ju. Nikulina svoim roditeljam] / Ju. Nikulin // *Iskusstvo kino*. – 2007. – № 12. – С. 116–135.
20. *Pashkov E. V.* Antialkohol'naja kampanija v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny / E. V. Pashkov // *Voprosy istorii*. – 2010. – № 10. – С. 80–93.

21. Postanovlenie GKO № 562ss ot 22.08.41 «O vvedenii vodki na snabzhenie v dejstvujushhej Krasnoj armii». Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'noj politicheskoj istorii (GASPI). – F. 644. – Op. 1. – D. 3. – L. 184.
22. Postanovlenie GKO № 9837 ot 10.08.45 «O chastichnom izmenenii norm prodovol'stvennogo snabzhenija lichnogo sostava chastej Krasnoj Armii, raspolozhennyh v voennyh okrugah i v stranah Zapadnoj Evropy, v svjazi s okonchaniem voennyh dejstvij» // RGASPI. – F. 644. – Op. 1. – D. 456. – L. 73.
23. Postanovlenie CIK SSSR ot 28. 08.1925 «O vvedenii v dejstvie polozhenija o proizvodstve spirita i spirtnyh napitkov i torgovle imi» // RGASPI. – F. 5. – Op. 2. – D. 41. – L. 74.
24. Prikaz NKO SSSR ot 28.12.1938 № 0219 «O bor'be s p'janstvom v RKKa» // RGVA. – F. 4. – Op. 15. – D. 19. – L. 417–418.
25. Prikaz NKO SSSR ot 25.08.1941 № 0320 «O vydache voennoslužhashhim peredovoj linii dejstvujushhej armii vodki po 100 grammov v den'» // Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA). – F. 4. – Op. 11. – D. 65. – L. 413–414.
26. Prikaz NKO SSSR ot 12.05.1942 № 0373 «O porjadke vydachi vodki vojskam dejstvujushhej armii» // RGVA. – F. 4. – Op. 11. – D. 70. – L. 548–549.
27. Prikaz NKO SSSR ot 12.06.1942 № 0470 «O porjadke hranenija i vydachi vodki vojskam dejstvujushhej armii» // RGVA. – F. 4. – Op. 11. – D. 71. – L. 191–192.
28. Prikaz NKO SSSR ot 13.11.1942 № 0883 «O vydache vodki vojskovym chastjam dejstvujushhej armii s 25 nojabrja 1942 goda» // RGVA. – F. 4. – Op. 11. – D. 73. – L. 154–155.
29. Prikaz NKO SSSR ot 13.01.1943 № 031 «Prikaz s ob#javleniem norm i porjadka vydachi vodki tehničeskomu sostavu chastej VVS dejstvujushhej armii» // RGVA. – F. 4. – Op. 11. – D. 75. – L. 51.
30. Prikaz NKO SSSR ot 02.05.1943 № 0323 «Prikaz o porjadke vydachi vodki vojskam dejstvujushhej armii» // RGVA. – F. 4. – Op. 11. – D. 75. – L. 649.
31. Prikaz NKO SSSR ot 22.06.1943 № 0384 «Prikaz ob ustanovlenii normy dovol'stvija podrazdelenij vojskovoju razvedki na fronte» // RGVA. – F. 4. – Op. 11. – D. 76. – L. 110.
32. Sokolov B. N. V plenu / B. N. Sokolov. – SPb. : Galeja-print, 2000. – 256 s.
33. Trubeckoj V. S. Zapiski kirasira : memuary [Jelektronnyj resurs] / V. S. Trubeckoj [Russkaja jelektronnaja biblioteka : federal'nyj portal]. – Rezhim dostupa: <http://www.rubiteka.ru/zapiski-kirasira>. – Zagl. s jekrana.
34. Ustav vnutrennej služby. Vysochajshe utverzhden 23 marta 1910 goda. – SPb. : Voen. tip. v zdanii Glavnogo Shtaba, 1910. – 404 s.
35. Shumilin A. I. Van'ka-rotnyj : rukopis' [Jelektronnyj resurs] / A. I. Shumilin [Besplatnaja jelektronnaja biblioteka : federal'nyj portal]. – Rezhim dostupa: <http://litbook.net/book/27367/vanka-rotnyj>. – Zagl. s jekrana.

Поступила в редакцию 12 декабря 2015 г.

Сведения об авторе

Шуныakov Дмитрий Викторович – соискатель кафедры истории науки и техники Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург). Область научных интересов – история армии России, история наград. Автор около 10 научных работ.

Тел.: 8-902-87-547-97

E-mail: konigsberg039@mail.ru

Shunyakov Dmitry Viktorovich – postgraduate of the Department of history of science and technology Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg). Area of scientific interests – history of army of Russia, the history of the awards. Author of about 10 scientific works.

УДК 94(470.345):314
ББК Т3(2Рос.Мор)6

Ю. В. Богдашкина

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА МОРДОВСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: бюджет, бюджетная политика, налоги с населения, государственные займы и денежно-вещевые лотереи.

В статье исследуются вопросы, связанные с бюджетной политикой Советского Союза и Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются трудности, с которыми столкнулся СССР в первые месяцы военных действий. Автор анализирует изменения налоговой системы, рассматривает переориентацию расходных статей бюджета, проведение мероприятий, призванных увеличить поступление средств в общесоюзный и республиканский бюджет (размещение государственных займов, проведение денежно-вещевых лотерей, введение платного обучения). В статье содержатся данные о структуре бюджета начала войны, приводятся сведения о бюджетной структуре периода окончания боевых действий. Автор приводит сведения о добровольных пожертвованиях населения, деятельности профсоюзных организаций Мордовской АССР в ходе войны, информацию о мероприятиях по размещению населения из эвакуированных районов, борьбе с детской беспризорностью.

Y. V. Bogdashkina

THE BUDGETARY POLICY OF THE MORDOVIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Keywords: budget; budgetary policy; taxes on the population; state loans and cash and prize lotteries.

In article are investigated the questions connected with the budgetary policy of the Soviet Union and the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic in days of the Great Patriotic War. Author writes about difficulties, changes of tax system, reorientation of budget expenditures, carrying out the actions urged to increase receipt of funds in the all-union and republican budget (placement of the state loans, carrying out cash and prize lotteries, introduction of paid training). Article contains data on structure of the budget of the beginning of war, data on the budgetary structure of the period of the end of military operations are provided. The author provides data about donations of the population, activity of the trade-union organizations of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic during war, information on the events held for the organization of placement of the population from the evacuated areas, fight against children's homelessness.

Великая Отечественная война стала серьезной проверкой на прочность всех сфер жизни советского государства, в том числе финансов.

Основная задача финансовой политики СССР в условиях войны заключалась в том, чтобы обеспечить бесперебойное финансирование потребностей фронта и обслуживавшего его тыла. Необходимо было в кратчайшие сроки добиться увеличения

бюджетных доходов, чтобы компенсировать убыль по некоторым источникам поступления средств и обеспечить возросшие военные затраты.

В результате оккупации в 1941–1942 гг. от СССР была отторгнута территория, на которой до войны проживало 40 % населения, производилось 68 % чугуна, 58 – стали и алюминия, 40 – железнодорожного оборудования, 65 – угля, 84 – сахара, 38 % зерна.

На отторгнутых территориях располагались не только крупные промышленные предприятия, но и производилась значительная часть сельскохозяйственной продукции, а также находилось около 30 % строительных объектов. В результате были потеряны крупные источники доходов бюджета.

Трудности, с которыми столкнулся Советский Союз на начальном этапе войны, неизбежно отразились на структуре государственных доходов, которые уменьшились с 180,2 млрд руб. в 1940 г. до 177,0 млрд в 1941 г. и 165,0 млрд руб. в 1942 г. [7, с. 15–16].

Начавшаяся война потребовала мобилизации всех финансовых ресурсов государства: появляются новые налоги с населения, пересматриваются тарифные ставки уже существующих.

Наглядный пример введения новых налогов с населения являет собой Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения» от 3 июля 1941 г. Указом устанавливалась надбавка в размере 100 % к сумме сельскохозяйственного налога, в зависимости от заработка – 50, 100 и 200 % – к сумме подоходного налога. От 100%-й надбавки к сельскохозяйственному налогу освобождались семьи, два и более членов которых были призваны на военную службу. Семьи с одним военнослужащим платили 50 % надбавки. Сроки уплаты сельхозналога были передвинуты на один месяц вперед [4, с. 135]. С введением в 1942 г. военного налога эти надбавки были отменены.

В 1941 г. было принято решение направить 75 % средств, полученных в результате самообложения на селе, в местные бюджеты для финансирования социально-культурных мероприятий, что дало дополнительную возможность высвободить некоторые бюджетные суммы на нужды фронта. В 1942 г. для увеличения доходов местных бюджетов в качестве обязательных платежей были введены налог со строений,

земельная рента, сбор с владельцев транспортных средств, сбор с владельцев скота и разовый сбор на колхозных рынках [7, с. 18].

Военным налогом облагались все граждане СССР, достигшие 18 лет, за исключением жен военнослужащих, членов их семей, получавших государственные пособия, инвалидов I и II групп и пенсионеров, пожилых граждан (мужчин в возрасте 60 лет и старше, женщин в возрасте 55 лет и старше), не имевших самостоятельных источников дохода.

Число плательщиков военного налога составляло по РСФСР к концу войны 86,7 млн чел. В 1944 г. из 37 млрд руб., поступивших по уплате государственных налогов от населения, сумма сборов по военному налогу составила 20,7 млрд руб. (55,9 %). За 1942–1945 гг. поступления военного налога в бюджет составили более 72,1 млрд руб., что сыграло важную роль в финансировании военных расходов и изъятии денежной массы из обращения [7, с. 17]. В 1944 г. из 37,2 млрд руб., поступивших по госналогам с населения, военный налог дал 28 млрд руб. С введением военного налога достигалось более широкое участие населения в финансировании военных затрат [4, с. 99].

Ставки военного налога для колхозников и единоличников были установлены в размере от 150 до 600 руб. в год с каждого члена хозяйства (семьи). В этих пределах средние ставки налога для отдельных краев и областей устанавливались совнарками союзных республик, а ставки для районов – исполкомами краевых и областных Советов депутатов трудящихся в зависимости от экономических особенностей каждого района. Исполкомам краевых и областных Советов депутатов трудящихся было предоставлено также право в исключительных случаях повышать или понижать на 50 % районные ставки налога для отдельных селений, в зависимости от расстояния этих селений от рынков сбыта и средних размеров доходов их граждан, получаемых от

продажи сельскохозяйственных продуктов на колхозных рынках.

Со всех других граждан (кроме колхозников, единоличников и лиц, работавших по найму), имевших самостоятельные источники дохода, облагаемые подоходным налогом, военный налог взимался в удвоенном размере ставок, установленных для рабочих и служащих, но не менее исчисленной с них суммы подоходного налога за текущий год. Остальные граждане, не имевшие самостоятельных источников дохода, уплачивали военный налог в размере 100 руб. в год.

За 1942–1945 гг. по военному налогу в госбюджет поступило 72,1 млрд руб. После окончания войны этот налог был отменен [5, с. 201].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. вводился налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан. Им облагались мужчины от 20 до 50 лет и женщины от 20 до 45 лет. Освобождались от обложения жены военнослужащих, учащиеся – мужчины до 25 лет и женщины до 23 лет. Введя налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, государство вместе с тем увеличило государственную поддержку многодетным и одиноким матерям. За 1941–1945 гг. этот налог дал дополнительно в бюджет около 8,1 млрд руб. Государственные пособия многодетным и одиноким матерям в военное время составили 5,7 млрд руб.

В целом если до войны налоги с населения составляли в доходах государственного бюджета 5,2 % (9,4 млрд руб.), то в военные годы они абсолютно выросли в 4,2 раза, и их относительная доля увеличилась до 13,2 % (39,8 млрд руб.) в 1945 г. [7, с. 18].

Важную роль в привлечении средств населения для финансирования возросших военных расходов сыграли государственные займы. За годы войны были выпущены четыре военных займа на общую сумму 72 млрд руб. Подписка на эти займы составила 89,7 млрд руб. Выпускная сумма займов покрывалась подпиской в невиданно корот-

кие сроки – в течение одного-двух дней; вся подписка по каждому займу продолжалась не более 6–10 дней.

Государственные военные займы выпускались сроком на 20 лет каждый. По строению они несколько отличались от займов, выпущенных в годы третьей пятилетки. Среди населения были реализованы лишь облигации выигрышных выпусков военных займов. Процентные выпуски предназначались исключительно для размещения в колхозах, промартелях и других кооперативных организациях. Количество выигрышей было уменьшено: в течение срока займа выигрывают не все облигации, а их треть; остальные должны погашаться по нарицательной стоимости в порядке проведения тиражей погашения. Так как при этом размеры доходов владельцев облигаций займов остались неизменными (3 % годовых), то сокращение числа выигрышей позволило повысить их размеры. Максимальный размер выигрыша был повышен с 3 тыс. руб. (по займу третьей пятилетки) до 50 тыс. руб.

Поскольку к моменту вероломного нападения Германии на СССР Мордовия уже являлась союзной республикой, бюджетная политика республики являлась логичным продолжением бюджетной политики Советского Союза.

В сентябре – октябре 1941 г. многие тыловые области и республики, в том числе Мордовия, стали прифронтовыми. Прифронтовое положение сразу сказалось на уровне доходов бюджета МАССР: в 1939 г. – 147 616,5 тыс. руб., в 1941 г. – 142 864,8 тыс. руб. [12, л. 5].

Поэтому на партийные органы Мордовии возлагался перевод мордовской экономики на военные рельсы, обеспечение мобилизационных мероприятий, прием населения из эвакуированных районов.

Предприятия Мордовской АССР в срочном порядке переводились на выпуск боеприпасов, оружия, производство тканей для изготовления парашютов. Швейные фабрики Мордовии начали шить обмундирование

для Красной армии. В июле 1941 г. на Саранском консервном заводе было организовано производство пищевых концентратов.

Важнейшим звеном перевода экономики на военные рельсы явилась эвакуация производительных сил. 27 июля 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли специальное постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», в котором оговаривался порядок размещения эвакуированного населения. В числе республик, которым предстояло принять и разместить население из эвакуированных областей, значилась и Мордовская АССР [3, с. 29]. В Поволжье в этот период было эвакуировано 350 фабрик и заводов, 17 предприятий разместились на территории Мордовской республики.

Не последнюю роль в проведении мобилизационных мероприятий сыграли профсоюзные организации Мордовии. Они «обязаны были вести неустанную работу по укреплению трудовой дисциплины в промышленности и на транспорте, памятуя о том, что задача борьбы с текучестью рабочей силы и прогулами является не кратковременной кампанией, а требует повседневной работы в массах» [10, с. 68].

Одним из ключевых направлений работы профсоюзных организаций в годы Великой Отечественной войны являлась организация помощи фронту и Красной армии. На приемных пунктах открывались мастерские по пошиву и ремонту одежды, изыскивались необходимые помещения для размещения эвакуированных предприятий из прифронтовой зоны.

Профсоюзные активисты уделяли внимание и поддержанию морального духа бойцов Красной армии. Так, коллективу работников обкома ВКП(б) по подписным листам удалось собрать средства на покупку подарков бойцам в размере 6 877 руб. На фронт были отправлены подарки на сумму 3 653 руб. и раненым бойцам в госпиталь – на сумму 3 224 руб. [10, с. 69].

Изменения системы налогообложения, вызванные началом войны, коснулись и

местного бюджета мордовской автономии. Кроме военного налога, налога на одиноких и малосемейных граждан и ряда других были введены налог со строений, земельная рента, сбор с владельцев транспортных средств, сбор с владельцев скота и разовый сбор на колхозных рынках.

На протяжении всего периода войны отчисления от налогов по Мордовской АССР составляли: от подоходного налога с колхозов – 25 %, от налога с нетоварных операций – 100, от сельскохозяйственных заготовок – 100, от сельскохозяйственного налога – 25, от государственного налога на лошадей единоличных хозяйств – 50, от доходов МТС – 15 % в бюджеты всех районов [11, л. 13].

Руководство страны приняло решение направить 75 % средств, полученных в результате самообложения на селе, в местные бюджеты для финансирования социально-культурных мероприятий, что дало дополнительную возможность высвободить некоторые бюджетные суммы на нужды фронта.

Часть средств для ведения войны была получена в виде добровольных взносов населения и доходов от денежно-вещевых лотерей.

К 1 марта 1943 г. на строительство танковой колонны «Мордовский колхозник» трудящиеся республики сдали 36,6 млн руб. деньгами и 16,7 млн руб. облигациями. В 1943 г. за счет военных займов 335,8 млн руб. и денежно-вещевой лотереи удалось выручить соответственно 335,8 млн и 52,6 млн руб. Всего за годы Великой Отечественной войны трудящиеся Мордовии внесли в Фонд обороны и на строительство танков 54,5 млн руб. наличными деньгами и более 45,0 млн руб. облигациями [6, с. 157].

Такие специфические бюджетные мероприятия, как военные займы, денежно-вещевые лотереи, добровольные пожертвования, не только сыграли важную роль в финансировании военных расходов, но и позволили правительству страны не прибегать к крупномасштабным внешним займам. За годы войны обязательные и добро-

вольные взносы населения достигли общей суммы 270 млрд руб., что составило четвертую часть всех доходов государственного бюджета.

Большое значение в деле помощи фронту имели воскресники и субботники, организованные по инициативе комсомола. Первый военный воскресник, посвященный Дню авиации, состоялся 17 августа 1941 г. В нем приняли участие 119 227 человек, из них 24,7 тыс. комсомольцев. Было заработано 101 тыс. руб. и 111 тыс. трудодней [9, с. 260]. Все заработанные средства были перечислены в Фонд обороны Родины. Всего за годы войны комсомольцы и молодежь Мордовии на субботниках и воскресниках заработали и перечислили в фонд Родины более 1 млн руб.

Изменения коснулись и созданных в годы первых пятилеток общеобразовательных учреждений [1; 2]. Фашистские захватчики уничтожили большое количество библиотек, высших учебных заведений и техникумов.

Существенный ущерб, нанесенный материальной базе, объяснялся еще и тем, что власти были вынуждены занять для военных нужд здания, принадлежавшие культурно-просветительским учреждениям тыла.

Непростая судьба ожидала школы Мордовии – на территории большей части из них размещались военные госпитали. Сокращение материально-технической базы явилось существенным препятствием для реализации закона о всеобщем обучении. По состоянию на 25 мая 1945 г. в Мордовии оставалось семь школьных зданий, занятых под военные цели и другими организациями, причем три из них (Ковылкинская школа глухонемых, Саранская школа № 14 и Майданская СШ) были заняты без разрешения СНК СССР [8, с. 56].

В целях борьбы с детской беспризорностью при исполкомах были созданы комиссии по благоустройству детей, оставшихся без попечения родителей. В 1941 г. из фронтовой и прифронтовой полосы в

Мордовию прибыли в организованном порядке 3 175 детей, для размещения которых были созданы и реорганизованы 14 детских домов и 12 детских интернатов. Одной из распространенных форм устройства осиротевших детей и предупреждения детской беспризорности был патронат. В 1944 г. на содержание 2 500 патронированных детей было ассигновано 1 335 000 руб. За годы войны бюджет детских домов Мордовии по сравнению с предвоенными показателями увеличился на 420 %.

2 октября 1940 г. постановлением СНК СССР для учащихся 8–10-х классов школ Москвы, Ленинграда и городов столичных республик устанавливалась плата за обучение в размере 200 руб. в год, во всех остальных городах и селах – в размере 150 руб. [8, с. 57].

С началом войны резко сократились трудовые ресурсы в области сельскохозяйственного производства, в которое для восполнения убыли рабочей силы были вовлечены женщины, дети, старики и эвакуированное население. 2 июля 1941 г. постановлением СНК СССР был узаконен труд детей во время войны. В документе оговаривалась продолжительность рабочего дня – от 6 до 8 часов в зависимости от возраста и характера выполняемой работы.

На протяжении всей войны рабочие, колхозники и интеллигенция Мордовской АССР, как и все трудящиеся Советского Союза, самоотверженно работали в тылу, обеспечивая фронт и страну продовольствием, а промышленность – сырьем. За 1941–1944 гг. колхозы и совхозы Мордовии сдали государству более 33 млн пудов хлеба и много других продуктов [6, с. 162–163].

Несмотря на трудности первых месяцев войны, советское государство выделяло средства на финансирование социально-культурной сферы (по Мордовии предусматривались вложения в размере 131 300 тыс. руб. с увеличением против 1942–1943 гг. на 31,5 %).

Ассигнования по отдельным отраслям к 1944 г. распределялись следующим обра-

зом: просвещение – 97 442 тыс. руб. (или 53,5 % по сравнению с 1943 г.), здравоохранение и физкультура – 31 025 тыс. руб. (или 7,3 %), социальное обеспечение – 2 833 тыс. руб. [9, с. 156].

В 1944 г. было отпущено 1 400 тыс. руб. на строительство в Саранске театра оперы и балета. Несмотря на суровые военные будни в 1944 г. мордовским бюджетом были предусмотрены расходы на развитие искусства в размере 1 308 тыс. руб. против 985,4 тыс. руб. в 1942 г. [9, с. 158].

К 1942 г. бюджет по медицинским учреждениям составлял 23 132 тыс. руб., в 1943 г. – 28 728 тыс. руб., на 1944 г. предусматривалось выделить на здравоохранение 30 825 тыс. руб. Как правило, в годы войны увеличение ассигнований на здравоохранение было связано не с открытием новых медицинских учреждений, а с переоборудованием зданий с учетом необходимости оказания медицинской помощи раненым и пострадавшим, много средств уходило на медикаменты.

Итак, в годы Великой Отечественной войны командно-административная экономическая модель доказала свою эффективность в мобилизации финансовых средств

государства для обеспечения нужд действующей армии и эффективной работы тыла. Эффективность финансовой системы на начальном этапе войны была обеспечена за счет высокого уровня национального дохода и значительных финансовых резервов (более 20 млрд руб.).

Начиная с 1943 г. доходы государственного бюджета возрастали быстрее, чем расходы, а со следующего года и вовсе стали превышать расходы, что свидетельствовало об окончательном переводе экономики на военные рельсы. Перед бюджетом Мордовской АССР в годы войны стояли те же непростые задачи, что и перед бюджетом Советского Союза, – скорейшая мобилизация всего производства, размещение эвакуированного населения и т. д. Уже в 1945 г. доходы бюджета Мордовской АССР выразились в сумме 171 516,0 тыс. руб., в 1946 г. – 216 686,2 тыс. руб. [11, л. 13].

Несмотря на все сложности военного времени, финно-угорская автономия наравне со всеми союзными республиками вела неутомимую борьбу с немецкими захватчиками. Победа советского тыла заложила основу военных побед.

Библиографический список

1. *Арсентьев Н. М.* Академическая и университетская гуманитарная наука в формировании общероссийской идентичности : региональная практика гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания // Интеграция образования. – 2008. – № 4. – С. 83.
2. *Арсентьев Н. М.* Празднование Тысячелетия единения мордовского народа с народами российского государства как фактор формирования социальной памяти россиян / Н. М. Арсентьев // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2012. – № 2. – С. 24–31.
3. *Бикейкин Е. Н.* Военно-промышленная база Поволжья накануне и в годы Великой Отечественной войны. / Е. Н. Бикейкин, А. Н. Чекушкин // Экономическая история. – 2011. – № 2. – С. 25–35.
4. *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. – М. : Госполитиздат, 1948. – 341 с.
5. *Дьяченко В. П.* История финансов СССР (1917 – 1950 гг.) / В. П. Дьяченко. – М. : Наука, 1978. – 591 с.
6. История Мордовской АССР : в т. 2. Т. 2. 1917–1981 / НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордов. АССР ; редкол.: В. З. Дробижев, д-р ист. наук, проф. (отв. ред.). – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. – 432 с.
7. *Марискин О. И.* Налоги с населения России в годы Великой Отечественной войны / О. И. Марискин // Экономическая история. – 2011. – № 2. – С. 15–19.
8. *Матвеева Л. А.* Общеобразовательные учреждения Мордовии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы выживания / Л. А. Матвеева // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2011. – № 2. – С. 55–61.
9. Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. // НИИГН при Правительстве РМ; редкол.: А. А. Данилов, В. А. Юрченко (отв. ред.). – Саранск, 2005. – Т. 1. – 382 с.

10. Синдянкина О. К. Профсоюзные организации Мордовии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / О. К. Синдянкина // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2011. – № 2. – С. 67–74.
11. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). – Ф. Р-234. – Оп. 4. – Д. 533.
12. ЦГА РМ. – Ф. Р-436. – Оп. 1. – Д. 1344.

References

1. *Arsent'ev N. M.* Akademicheskaja i universitetskaja gumanitarnaja nauka v formirovanii obshherossijskoj identichnosti : regional'naja praktika grazhdansko-patrioticheskogo i duhovno-nravstvennogo vospitanija // Integracija obrazovanija. – 2008. – № 4. – С. 83.
2. *Arsent'ev N. M.* Prazdnovanie Tysjacheletija edinenija mordovskogo naroda s narodami rossijskogo gosudarstva kak faktor formirovanija social'noj pamjati rossijan / N. M. Arsent'ev // Gumanitarij : aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija. – 2012. – № 2. – С. 24–31.
3. *Bikejkin E. N.* Voенно-promyshlennaja baza Povolzh'ja nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. / E. N. Bikejkin, A. N. Chekushkin // Jekonomicheskaja istorija. – 2011. – № 2. – С. 25–35.
4. *Voznesenskij N. A.* Voennaja jekonomika SSSR v period Otechestvennoj vojny / N. A. Voznesenskij. – М. : Gospolitizdat, 1948. – 341 s.
5. *D'jachenko V. P.* Istorija finansov SSSR (1917 – 1950 gg.) / V. P. D'jachenko. – М. : Nauka, 1978. – 591 s.
6. Istorija Mordovskoj ASSR : v t. 2. T. 2. 1917–1981 / NIIJaLIJe pri Sovete Ministrov Mordov. ASSR ; redkol.: V. Z. Drobizhev, d-r ist. nauk, prof. (otv. red.). – Saransk : Mordov. kn. izd-vo, 1981. – 432 s.
7. *Mariskin O. I.* Nalogi s naselenija Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / O. I. Mariskin // Jekonomicheskaja istorija. – 2011. – № 2. – С. 15–19.
8. *Matveeva L. A.* Obsheobrazovatel'nye uchrezhdenija Mordovii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: problemy vyzhivanija / L. A. Matveeva // Gumanitarij : aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija. – 2011. – № 2. – С. 55–61.
9. Mordovija v period Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945 gg. // NIIGN pri Pravitel'stve RM ; redkol.: A. A. Danilov, V. A. Jurcenkov (otv. red.). – Saransk, 2005. – Т. 1. – 382 s.
10. *Sindjankina O. K.* Profsojuznye organizacii Mordovii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. / O. K. Sindjankina // Gumanitarij : aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija. – 2011. – № 2. – С. 67–74.
11. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Mordovija (CGA RM). – F. r-234. – Оп. 4. – Д. 533.
12. CGA RM. – F. R-436. – Оп. 1. – Д. 1344. .

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Сведения об авторе

Богдашкина Юлия Викторовна – аспирант кафедры экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Область научных интересов: экономическая история, бюджетная политика Мордовской АССР.

Тел.: 8 906 162-86-34

E-mail: yulia91.08@rambler.ru

Bogdashkina Yulia Victorovna – the postgraduate student of economic history, and information technology FGBOU VPO Historical and Sociological Institute of The Mordovian State University. Research interests: economic history, fiscal policy Mordovian ASSR.

Л. Г. Скворцова

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ МОРДОВСКОЙ АССР В 1950-е – середине 1980-х гг. (на примере Рузаевского завода химического машиностроения)

Ключевые слова: промышленность, производство, предприятие, производительность, химическое машиностроение, промышленность Мордовской АССР, завод «Ружхиммаш», история предприятия, этапы развития, кадровая политика.

В статье рассматривается развитие промышленности Мордовской АССР с 1950-х гг. до середины 1980-х гг. В работе анализируются закономерности и особенности развития промышленности в связи с ростом индустриального производства как в стране в целом, так и в отдельно взятой республике.

Послевоенный период для страны считается самым успешным в развитии советской экономики. В промышленности Мордовии в послевоенные годы коренным образом изменилась технология производства, обновился станочный парк на предприятиях как союзного, так и регионального подчинения. Особенность развития промышленности Мордовии состояла в том, что с реконструкцией и расширением старых предприятий было начато строительство новых: инструментального, кабельного, цементного, электролампового и других заводов. К середине 1960-х гг. промышленность региона была ведущей отраслью промышленно-хозяйственного комплекса. Мордовия стала развитой индустриально-аграрной республикой, формирующейся в принципиально иных социально-экономических условиях.

Основные тенденции развития промышленности Мордовии рассмотрены на примере завода химического машиностроения, строительство которого было начато в конце 1950-х гг. в Рузаевке. На его примере прослежены основные тенденции развития промышленной индустрии Мордовии, такие, как важнейшие направления работы предприятия, налаживание производства и выпуска продукции, трудовой путь завода с момента ввода его в эксплуатацию до середины 1980-х гг., отмечены основные экономические достижения, кадровая политика завода, тенденции и перспективы развития.

L. G. Skvortsova

MODERNIZATION PROCESSES IN THE INDUSTRY OF THE MORDOVIAN ASSR IN THE PERIOD FROM 1950s until the mid-1980s (Evidence From Ruzayevsky Chemical Machine-building Plant)

Keywords: industry, production, enterprise, productivity, chemical machine-building, industry of the Mordovian ASSR, "Ruzkhimmash" plant, company history, stages of development, personnel policy.

The article deals with the development of industrial production in the Mordovian ASSR in the period from 1950s until the mid-1980s. The regularities and peculiarities of industrial development with a view to the growth of industrial production both in the whole country and in particular republic are envisaged in this paper.

The post-war period is considered for the country as the most successful in the development of the Soviet economy. The industry of Mordovia radically changed its production technologies in the post-war years, renewing the machinery at the enterprises of either union or regional subordination. The peculiarity of industry development in Mordovia consists in the fact that the reconstruction and extension of its old enterprises was accompanied with the construction of new ones: tool-making,

cable, cement, lamp and other factories The industry of the region was the leading branch of the commercial and economic complex in the mid-1960s. Mordovia became the developed industrial-agrarian republic, which formed in the completely different socioeconomic conditions.

The main tendencies of industry development in Mordovian Republic were envisaged in the context of chemical machine building factory, which construction was started in the late 1950s in Ruzayevka. By the example of this factory the basic trends of the commercial industry development in Mordovia such as key enterprise activities, production and product release development and factory progressing from the commissioning to the mid - 1980s were analyzed. Moreover, the main economic achievements, factory recruitment policy as well as tendencies and perspectives of the development were pointed out.

Особенностью социально-экономического развития Республики Мордовия является то, что она на протяжении нескольких столетий являлась аграрной республикой. Сельское хозяйство, видоизменяясь в процессе исторического развития края, на протяжении всего времени оставалось основой его экономического развития.

Основные социально-экономические изменения в Мордовии произошли в 1930-е гг. в процессе ускоренной индустриализации. Мордовская АССР постепенно стала превращаться в аграрно-индустриальный регион [1; 2]. В этот период основные промышленные предприятия края территориально были сосредоточены в г. Саранске и Рузаевке, где производилось 52,4 % общего объема промышленной продукции. В начале 1940 г. в Саранске функционировали 47 промышленных предприятий. Рузаевка в предвоенный период все больше превращалась из железнодорожного поселка во второй промышленный центр республики.

Несмотря на все тяжести и невзгоды, которая принесла с собой Великая Отечественная война 1941–1945 гг., для развития и становления промышленности республики она сыграла очень важную роль. Так, благодаря эвакуации промышленных предприятий из западных районов страны на восток, в Мордовию к концу 1941 г. поступило оборудование 17 промышленных объектов из Украины, Белоруссии, Брянской, Курской, Орловской областей и других регионов страны. В сентябре 1941 г. в г. Саранск прибыло оборудование Карачевской шпигатной (Брянская область) и Кременчугской швейной (Украина) фабрик. Пресс для кирпича Гомельского кирпичного заво-

да (Белоруссия) мощностью 1 тыс. штук в смену был установлен на Рузаевском кирпичном заводе. В октябре 1944 г. на базе эвакуированного предприятия начал функционировать завод «Электровыпрямитель». Благодаря вводу в строй Саранского механического завода и завода «Электровыпрямитель» в Мордовии был заложен фундамент для послевоенного развития крупной промышленности и формирования ее национальных кадров [24].

Послевоенный период для страны, а точнее 1950-е – начало 1960-х гг. считаются самыми успешными в развитии советской экономики. Средние темпы экономического роста составили 6,6 % в 1950-е гг. и 5,3 % в начале 1960-х гг. Так, в промышленности Мордовии в послевоенные годы коренным образом изменилась технология производства, обновился станочный парк на предприятиях союзного подчинения. Особенность развития промышленности Мордовии состояла в том, что с реконструкцией и расширением старых предприятий было начато строительство новых: инструментального, кабельного, цементного, электролампового и других заводов с общим объемом капитальных вложений свыше 500 млн руб. [9, с. 186–189].

В 1958 г. на XXI съезде КПСС был принят семилетний план развития народного хозяйства страны (1959–1965 гг.), в котором особое внимание уделялось развитию химической промышленности [4, с. 8]. В эти годы в СССР были созданы центры «большой химии» в Башкирии, Поволжье, Азербайджане, Сибири, Средней Азии. В число предприятий большой химии вошел и Рузаевский завод химического машиностроения.

Строительство завода «Химмаш» в г. Рузаевке было обусловлено тем, что город занимает выгодное географическое положение, имеет разветвленный железнодорожный узел, пути от которого идут во все главные промышленные районы страны, обеспечивая удобство связей с основным поставщиком металла – Уралом и потребителями готовой продукции. Немаловажное значение имело и то, что вблизи города проходила линия высоковольтной передачи от Куйбышевской ГЭС.

Строительство завода было запланировано постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС за № 795 от 23 июля 1958 г. Задание на проектирование предприятия было утверждено Мордовским Сов-нархозом 17 октября 1958 г. и согласовано с Госпланом РСФСР и СССР [10, л. 282–283]. Проект по строительству завода было поручено разработать Ленинградскому государственному институту по проектированию заводов приборостроения и автоматики. Технический проект предусматривал организацию производства крупногабаритной химаппаратуры, автоклавов, реакторов с преобладающими котельно-сварочными работами в корпусе № 1.

В состав завода по проекту должны были войти [5, с. 67]:

- котло-аппаратурный цех с заготовительно-сварочным, механическим, сборочным и отделочным отделениями;
- механосборочный цех с механическим, сборочным, покрасочным и гальваническим отделениями;
- кузнечный цех с термическим отделением, экспериментальная мастерская;
- инструментальный, ремонтно-механический и деревообрабатывающие цеха, лаборатории, складские хозяйства.

Строительство завода было поручено УНР № 2 треста «Химмашстрой», который приступил к работе в начале 1959 г. Подготовка к строительству завода шла очень медленно. Только через полгода определилось место стройплощадки. С первых же дней строительство завода химического машиностроения было взято под особый кон-

троль горкома КПСС и городского Совета. Рузаевский комитет ВЛКСМ объявил сооружение завода комсомольско-молодежной стройкой. Через республиканские газеты «Советская Мордовия», «Молодой ленинец», «Путь Ленина» юноши и девушки приглашались на строительство Рузаевского завода химического машиностроения. Вот как вспоминает те дни первый прораб стройки В. С. Лушевский: «Строительство завода «Химмаш» началось в июле 1959 г. Часть строительной площадки под завод находилась под пашней, а на месте, где должен строиться первый корпус, рос небольшой кустарник. Мне как прорабу было поручено начать строительство завода. Согласно Госплану были сделаны разбивка и привязка завода. В первую очередь стали строить подъездную автодорогу. Она строилась капитально – мостилась камнем. На стройплощадку была проведена телефонная связь. Столбы-временки ставились вручную. К концу 1959 г. коллективом прорабского участка были выполнены подготовительные работы: вырыт котлован, велась закладка фундамента под бытовые помещения корпуса № 2, вкладывался фундамент под столовую, компрессорную и кислородную станции. С трудностями сталкивались на каждом шагу: на площадке не было воды, электроэнергии, отсутствовали подъездные пути, не было бетонного и растворного узлов, а главное – не было техники. Всю работу делали вручную. По указу председателя Совнархоза Е. А. Веселовского из Саранска в Рузаевку был переброшен энергопоезд. Строители сами готовили место для его установки, укладывали путь, бетонировали фундаменты и строили временные помещения. С пуском энергопоезда были временно установлены трансформаторы. Появилось электричество, заработали бетоно- и растворомешалки, но воду, как и прежде, подвозили на машине» [11, л. 14–15].

В мае 1959 г. было решено приступить к сооружению корпуса № 2, началось строительство шоссе, соединяющего строившееся предприятие с городом, железнодорожных подъездных путей, высоковольтной

линии электропередач, здания столовой, семи домов на 670 квадратных метров. Саранский стройтрест № 13 плохо обеспечивал стройку железобетонными конструкциями, а Рузаевское АТП – транспортом. В связи с этим у начальника участка Е. Ф. Башмакова и прораба В. С. Луцевского возникла смелая для того времени идея – собирать ответственные конструкции непосредственно на строительной площадке. Совместно с ПТО управления Е. Ф. Башмаков и В. С. Луцевский рассчитали насыщенность арматуры для таких типов колонн, устроили деревянный настил под открытым небом и уже в январе 1960 г. начали изготавливать колонны своими силами. При 20–30 градусах мороза, под открытым небом необходимо было уложить около четырех кубометров бетона, установить и связать арматуру, произвести коммуникацию для электропривода, подключить к сети через трансформатор и в течение 24 часов следить, чтобы бетон не замерзал и набирал необходимую прочность [11, л. 27–28].

Весной 1960 г. над будущим корпусом № 2 стал подниматься частокол железобетонных колонн, металлических конструкций, обозначая контуры сооружений. На фундаментных основаниях началась панельная кладка южной стены корпуса. В это время были организованы работы по бурению артезианской скважины, при достижении воды началась работа по строительству водонапорной башни и водопровода к корпусу № 2. Когда корпус № 2 был уже под крышей, приступили к строительству котельной, склада, кислородной станции, заводоуправления, корпуса № 1 и подъездных путей железной дороги [4, с. 11].

В 1961 г. коллектив завода получил первое плановое задание, поступившее с Березниковского азотно-тукового завода и с Волгоградского предприятия № 5, по выпуску продукции на общую сумму 791 тыс. руб. Итоги работы подводились ежедневно, и в честь победителей поднимался красный флажок [12, л. 34]. После успешно выполненного планового задания руководством завода на территории предприятия было

проведено собрание. Его открыл председатель профкома П. П. Фомичев, с приветственным словом к заводчанам обратился директор Л. С. Ларин. На собрании выступили также председатель Мордовского Совнархоза Е. А. Веселовский, начальник СУ-4 Ф. С. Конышев. Присутствовавшие на праздничном собрании первый секретарь горкома КПСС А. И. Сопего и председатель горсовета П. С. Ласкуткин поздравили коллектив завода с началом выпуска первой продукции [4, с. 13].

Отправив первую продукцию, коллектив завода приступил к выполнению заказов Сталинградского химического предприятия, Уфимского завода синтетического спирта, Саранского завода медпрепаратов. Среди изготавливаемой продукции были отстойники, сборники, баки, обечайки и конусные днища из нержавеющей и других сталей [8, с. 42].

К середине 1960-х гг. промышленность стала ведущей отраслью хозяйственного комплекса Мордовии. Если в 1958 г. ее удельный вес в общем выпуске продукции народного хозяйства республики составлял 47 %, то к 1965 г. он поднялся до 70 %. Мордовия стала развитой индустриально-аграрной республикой. Индустриализация региона была завершена, и он стал развиваться в принципиально иных социально-экономических условиях.

Новые принципы планирования были положены в основу разработки пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг., принятого XXIII съездом КПСС. В соответствии с ним были определены основные направления дальнейшего развития промышленного производства Мордовской АССР. Так, во второй половине 1960-х гг. в республике началась работа по специализации и кооперированию производства путем укрепления предприятий и создания хозрасчетных производственных объединений. В связи с этим руководство завода стало уделять особое внимание подготовке кадров. С процессом строительства завода готовили и специалистов для предприятия: арматурщиков, бетонщиков, камен-

щиков, плотников и рабочих других профессий. С 25 ноября 1960 г. по 10 января 1961 г. на Пензенском заводе «Химмаш» и в г. Ленинграде на курсах контактной сварки обучались 36 человек, готовились рабочие по профессиям токаря, слесаря-котельщика и сварщика [7, с. 2]. Одновременно с этим для рабочих было начато строительство общежития, ввод, в эксплуатацию которого решил вопрос доставки их к месту работы.

К 1962 г. руководством завода было предусмотрено значительно увеличить выпуск валовой и товарной продукции. В это же время на предприятии было введено в эксплуатацию новое технологическое оборудование, освоен новый процесс – контактная сварка. При заводе был открыт филиал Саранского политехнического техникума, который возглавил А. Ф. Ключников. В январе состоялось первое испытание механической лаборатории, был проведен анализ на определение марки стали в химической лаборатории. Все это дало возможность повысить качество и количество выпускаемой продукции. Всего за 1962 г. на предприятии было произведено продукции на 836 тыс. руб. [12, л. 36–37].

В 1963 г. перед коллективом завода стояли большие задачи. Все силы были направлены на улучшение условий труда. Например, в апреле прошел модернизацию токарно-винторезный станок, были введены в эксплуатацию автосварочный стенд, а также кислородная установка КГН-30. На завод поступили 23 единицы металлорежущего оборудования. В июле вертикально-сверлильные станки были оборудованы пневматическими прижимами. Стали проводиться сварочные работы под слоем флюса. Все проведенные мероприятия способствовали выполнению плана. План по выпуску валовой продукции был выполнен на 101,6 %, а товарной – на 99,2 %. Всего за год было изготовлено 3 146 единиц химического оборудования, в том числе из углеродистой стали 2 046 единиц, из нержавеющей – 1 100 единиц [14, л. 44–47].

В декабре 1964 г. было завершено строительство железнодорожных подъездных

путей к заводу. В этот же период был полностью пущен производственный корпус № 2 и заложен фундамент под строительство корпуса № 1.

Вступая в 1965 г. – последний год семилетки «Рузхиммаш» наметил в своих планах повысить производство продукции в 1,2 раза. Производственный план по товарной продукции за текущий год был выполнен на 102,9 %. Сверх плана было выпущено продукции на общую сумму 129 тыс. руб. Рост фактического выпуска товарной продукции составил к предыдущему году 121,3 %.

В 1966 г. завод улучшил производственные показатели. План на 1966 г. был гораздо выше плана предыдущего года. Первоначально планировалось выпустить валовой продукции на сумму 6,8 млн руб. Связано это было с расчетом на ввод в эксплуатацию в 1965 г. корпуса № 1. Однако корпус был введен в строй только 30 ноября 1966 г. В связи с этим обстоятельством объем производства на 1966 г. был скорректирован и понижен до 5,7 млн руб. [15, л. 14].

В 1967 г. производство предприятия стало прибыльным. Это было достигнуто в результате более рационального использования материальных и трудовых ресурсов, выполнения организационно-технических мероприятий, повышения квалификации рабочих, укрепления трудовой и производственной дисциплины. В этом же году на предприятии были внедрены аргонодуговая сварка нержавеющей сталей, автоматическая сварка днищ из нержавеющей стали, начала действовать установка для полировки обечаек из нержавеющей стали. Впервые были применены детали машин и приборов из пластмассы, изготовлены аппараты из двухслойной стали. В мае был организован один комплексно-механизированный участок с замкнутым технологическим циклом, создана лаборатория НОТ. В БРИЗ поступило 131 заявление на рацпредложения. В течение года были внедрены 74 предложения. Всего же за этот год завод произвел продукции на 6 822 тыс. руб., численность трудового

коллектива увеличилась до 1956 человек. Две бригады завода были удостоены звания «Бригада имени 50-летия Советской власти». 500 рабочим было присвоено звание «Ударник коммунистического труда», а завод награжден Красным знаменем [16, л. 62–63].

В начале 1970-х гг. в Мордовии были предприняты первые попытки повышения уровня государственного планирования промышленного производства, научного прогнозирования социально-экономических процессов. Шел процесс концентрации производства. По новой системе работало 241 предприятие, производившее 95 % всей промышленной продукции. Промышленность Мордовии освоила 300 новых видов машин, оборудования, начала выпускать 240 видов продукции. Было внедрено 23,3 тыс. рационализаторских предложений и 60 изобретений. От внедрения 500 мероприятий по новой технике получена экономия свыше 2 млн руб. Машиностроительные предприятия развивались более быстрыми темпами. Возросло производство химического и медицинского оборудования, приборов, средств автоматизации и др.

В 1970 г. «Рузхиммаш» добился хороших результатов, из месяца в месяц выполняя плановые задания по всем технико-экономическим показателям. Работа завода за первый квартал была признана Министерством химического и нефтяного машиностроения хорошей, за успехи во втором квартале присуждено третье место, а за третий квартал – второе место по министерству. В том же году на изделия стали ставить нержавеющие фирменные таблички, был внедрен ультразвуковой контроль, освоен галоидный метод испытания швов на плотность, организован специализированный участок централизованного изготовления корпусных фланцев для химаппаратуры, внедрена сварка в среде защитных газов и создан участок нормализованных узлов. Это дало возможность сэкономить в течение года 25 тыс. руб. Большое внимание руководство предприятия продолжало уделять подготовке и повышению квали-

фикации кадров. За 1970 г. было подготовлено 207 рабочих, в том числе 38 токарей, 16 автосварщиков, 23 газорезчика, повысили свою квалификацию 300 рабочих.

20 февраля 1971 г. завод отметил 10-летний юбилей производственной деятельности. Коллектив трижды был удостоен призовых листов за высокие показатели во Всесоюзном социалистическом соревновании. Однако за счет повышения производительности труда и увеличения производственных площадей предприятия коллективу завода необходимо было увеличить выпуск продукции более чем в два раза за следующие пять лет [3, с. 79–80].

В 1972 г. из-за недопоставок металла и комплектующих изделий на заводе возникли трудности по выполнению государственного плана. Продукции в этом году на предприятии было произведено на общую сумму 12 195 тыс. руб., что составило 100,4 % от намеченного плана. За счет улучшения рентабельности и систематического снижения затрат на производство была получена прибыль в сумме 2 332 тыс. руб. Резко снизились потери от брака. Они составили 1 тыс. руб. против 5 тыс. руб. в предыдущем году [17, л. 100–101].

В июле 1973 г. на территории завода был построен новый столярный цех ремонтно-строительного участка. В цехе разместились 10 столярных верстаков, пилорама, сушилка и все необходимые станки (токарный, торцовый, рейсмусный, заточный и др.) [18, л. 88–89].

Реализация предусмотренных пятилетним планом капитальных вложений потребовала осуществления серьезных мероприятий по усилению строительных баз, расширению строительных организаций и обеспечениюстроек материалами и химическим оборудованием. В связи с этим в 1976 г. на заводе произошла реорганизация и была выпущена первая продукция со знаком качества. Удельный вес ее в общем объеме производства составил 4,8 %. Были освоены новые площади, установлено новое оборудование, частично заменено старое, организованы новые цеха, участки;

введены новые технологические линии и внедрены новые технологии (сварка титановых аппаратов, плазменная резка нержавеющей сталей, ультразвуковой метод контроля сварных швов, автоматическая сварка двухслойных сталей).

В 1977 г. завод справился с выполнением плана по реализации готовой продукции на 100,1 %, достигнув прироста на 7,9 % против 1976 г., и произведя продукции на 15 703 тыс. руб. Были освоены штамповка днищ из титана, отбортовка обечаек, рубашек на бортовочной машине. Начал работать централизованный участок по заточке режущего инструмента. Участок включал в себя пять станков, в том числе два обдирочно-заточных, два – для алмазной заточки резцов и фрез, один – для электроалмазной заточки резцов и фрез и один – для электроалмазной доводки резцов [19, л. 73–74].

В апреле 1978 г. был организован новый отдел «Патентоведения и новой техники» под руководством В. А. Филатова. За первое полугодие 1978 г. завод победил в социалистическом соревновании по оказанию шефской помощи сельскому хозяйству. Коллективу было присуждено переходящее Красное знамя обкома КПСС, Совета Министров Мордовской АССР и областного Совета профсоюзов с вручением диплома. Накануне первой годовщины новой Конституции СССР состоялось открытие стелы, воздвигнутой в честь Конституции на заводской площади [20, л. 65–67].

Коллектив завода на протяжении всего трудового пути принимал активное участие в социалистических соревнованиях. Например, в 1980 г. проводилось социалистическое соревнование между токарем из Ботевграда (Болгария) Ц. К. Ивановым и токарем завода А. А. Ярчуком. За I полугодие 1982 г. по итогам работы коллектив завода «Рузхиммаш» был признан победителем социалистического соревнования среди организаций и предприятий, участвовавших в сооружении Тобольского нефтехимиче-

ского комбината, и награжден дипломом [6, с. 94].

За первое полугодие 1982 г. рационализаторами было внедрено в производство 46 новшеств, от которых получен экономический эффект на сумму 128,8 тыс. руб. Более половины предложений направлены на экономию металла, что дало возможность с начала года сэкономить 360 тонн. Рабочие «Рузхиммаша» оказывали помощь производственному объединению «Куйбышевбурмаш» в освоении вновь введенных в эксплуатацию мощностей. В этот же период на предприятии был внедрен рентгеновский (ксерография) метод контроля сварных швов [21, л. 43–48].

19 апреля 1984 г. гостями завода «Рузхиммаш» была туристическая делегация из Гожувского воеводства Польской Народной Республики. Туристическая поездка активистов общества польско-советской дружбы проходила в связи с 40-летием образования Польской Народной Республики и Днями культуры ПНР в СССР.

В 1984 г. предприятие работало в условиях экономического эксперимента. В цехе № 3 был создан новый участок станков с числовым программным управлением. Благодаря вводу этих станков сократилась доля ручного труда, возросла его производительность, повысилась экономия металла [22, л. 67–71].

Коллектив завода за II и III кварталы 1986 г. занял 2-е место по итогам Всесоюзного соцсоревнования среди предприятий министерства. За достижение высоких показателей в социалистическом соревновании, успехи в воспитательной и общественной работе старшему мастеру цеха № 3 А. В. Кочетовскому было присвоено звание «Лучший мастер» Министерства химического и нефтяного машиностроения, и он был награжден почетным дипломом Министерства ЦК профсоюза. Были признаны победителями во Всесоюзном соревновании и награждены почетными выпелами бригада токарей участка № 14 С. Г. Разуваева, бригада котельщиков цеха

№ 2 А. А. Соколова, бригада столяров участка № 13 А. К. Падерова.

С 1 января 1987 г. завод перешел на работу в условиях самофинансирования, самокупаемости, полного хозрасчета и на 100%-ю государственную приемку продукции. Это означало, что изменился порядок распределения прибыли, полученной предприятием от производственной деятельности. Прибыль, оставшаяся в распоряжении предприятия, после отчисления в бюджет и платы министерству, распределялась предприятием по стабильным нормативам в фонды экономического стимулирования. На заводе выпускалось 9 наименований изделий, подлежащих госприемке, 8 из них со Знаком качества [23, л. 113–115].

В 1987 г. завод был переведен на двухсменный режим работы. В цехах № 12 и 20 смонтированы и сданы в эксплуатацию три плазменных установки для обрезки днищ и вырезки деталей из листа. В том же году было произведено продукции на 24 488 тыс. руб., реализовано продукции на 23 994 тыс. руб. Численность рабочих достигла 2 240 человек. План 1988 г. по товарной продукции был выполнен на 100 %, по реализации – на 101,6 %. Переход на новую систему оплаты труда позволил довести среднюю заработную плату рабочего до 235 руб. [23, л. 123–126].

В 1988 г. по сравнению с 1987 г. производство ТНП возросло на 34 %, и составило 1 380 тыс. руб. было начато производство сувенирной фляжки, спортивно-игровых

комплексов и т. д. На заводе работали 123 бригады – комплексные, сквозные, специализированные.

Таким образом, оценивая общее развитие промышленности Мордовии, отметим, что к началу 1950-х гг. в ее состав входило небольшое число промышленных предприятий, расположенных в Саранско-Рузаевском узле. На протяжении нескольких десятилетий промышленность республики успешно развивалась, добившись отличных показателей на региональном и общесоюзном уровнях. В число крупнейших промышленных предприятий Мордовии входил также завод «Рузхиммаш». Он был введен в эксплуатацию в 1961 г. Основной целью строительства завода было создание предприятия для изготовления оборудования, эксплуатирующегося под давлением, для взрывоопасных, токсичных и агрессивных сред – химических, нефтехимических, нефте- и газоперерабатывающих производств, а также производств целлюлозно-бумажной, микробиологической, медицинской, пищевой, легкой и других отраслей промышленности и агропромышленного комплекса. Предприятия такой направленности в республике еще не было. За все эти годы он претерпел ряд реконструкций, с каждым годом шло расширение выпускаемой продукции, и географии ее сбыта, увеличивался коллектив, повышалась квалификация персонала, решались социально-бытовые проблемы.

Библиографический список

1. *Арсентьев Н. М.* Академическая и университетская гуманитарная наука в формировании общероссийской идентичности : региональная практика гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания // Интеграция образования. – 2008. – № 4. – С. 83.
2. *Арсентьев Н. М.* Празднование Тысячелетия единения мордовского народа с народами российского государства как фактор формирования социальной памяти россиян / Н. М. Арсентьев // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2012. – № 2. – С. 24–31.
3. *Борисович Г. Ф.* Девятая пятилетка химической промышленности / Г. Ф. Борисович. – М. : Химия, 1973. – 215 с.
4. *Куслина А. В.* Открытое акционерное общество «Рузхиммаш» / А. В. Куслина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2000. – 132 с.
5. *Лельчук В. С.* Создание химической промышленности СССР / В. С. Лельчук. – М. : Наука, 1964. – 383 с.

6. *Листов В. В.* Химическая промышленность в одиннадцатой пятилетки / В. В. Листов. – М. : Химия, 1984. – 168 с.
7. *Моисеев И.* Его Величество «Рухимаш» / И. Моисеев // Рузаевская газета. – 2001. – 23 февраля. – С. 2–3.
8. *Палтерович Д. М.* Развитие химического машиностроения СССР (1958–1964) / Д. М. Палтерович. – М. : Химия, 1972. – 75 с.
9. Советская Мордовия : очерки, посвящ. 20-летию респ. – Саранск, 1950.
10. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). – Ф. Р-228. – Оп. 1. – Д. 1772. – Л. 282–283.
11. ЦГА РМ. Ф. Р-2095. Рузаевский завод химического машиностроения министерства химического и нефтяного машиностроения СССР. – Оп. 1. – Д. 1.
12. ЦГА РМ. – Ф. Р-2095. – Оп. 1. – Д. 14.
13. ЦГА РМ. – Ф. Р-2095. – Оп. 1. – Д. 23.
14. ЦГА РМ. – Ф. Р-2095. – Оп. 1. – Д. 34.
15. ЦГА РМ. – Ф. Р-2095. – Оп. 1. – Д. 63.
16. ЦГА РМ. – Ф. Р-2095. – Оп. 1. – Д. 93.
17. ЦГА РМ. – Ф. Р-2095. – Оп. 1. – Д. 195.
18. ЦГА РМ. – Ф. Р-2095. – Оп. 1. – Д. 226.
19. ЦГА РМ. – Ф. Р-2095. – Оп. 1. – Д. 307.
20. ЦГА РМ. – Ф. Р-2095. – Оп. 1. – Д. 320.
21. ЦГА РМ. – Ф. Р-2095. – Оп. 1. – Д. 373.
22. ЦГА РМ. – Ф. Р-2095. – Оп. 1. – Д. 397.
23. ЦГА РМ. – Ф. Р-2095. – Оп. 1. – Д. 428.
24. Эвакуация 1941–1942 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mordovia.info/wiki/Эвакуация_1941–1942_годов. – Загл. с экрана.

References

1. *Arsent'ev N. M.* Akademicheskaja i universitetskaja gumanitarnaja nauka v formirovanii obshherossijskoj identichnosti : regional'naja praktika grazhdansko-patrioticheskogo i duhovno-nravstvennogo vospitanija // Integracija obrazovanija. – 2008. – № 4. – S. 83.
2. *Arsent'ev N. M.* Prazdnovanie Tysjacheletija edinenija mordovskogo naroda s narodami rossijskogo gosudarstva kak faktor formirovanija social'noj pamjati rossijan / N. M. Arsent'ev // Gumanitarij : aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija. – 2012. – № 2. – S. 24–31.
3. *Borisovich G. F.* Devjataja pjatiletka himicheskoj promyshlennosti / G. F. Borisovich. – М. : Himija, 1973. – 215 s.
4. *Kuslina A. V.* Otkrytoe akcionerное obshhestvo «Ruzhimash» / A. V. Kuslina. – Saransk : Mordov. kn. izd-vo, 2000. – 132 s.
5. *Lel'chuk V. S.* Sozdanie himicheskoj promyshlennosti SSSR / V. S. Lel'chuk. – М. : Nauka, 1964. – 383 s.
6. *Listov V. V.* Himicheskaja promyshlennost' v odinnadcatoj pjatiletke / V. V. Listov. – М. : Himija, 1984. – 168 s.
7. *Moiseev I.* Ego Velichestvo «Ruzhimash» / I. Moiseev // Ruzaevskaja gazeta. – 2001. – 3 fevralja. – S. 2–3.
8. *Palterovich D. M.* Razvitie himicheskogo mashinostroenija SSSR (1958–1964) / D. M. Palterovich. – М. : Himija, 1972. – 75 s.
9. Sovetskaja Mordovija : ocherki, posvjashh. 20-letiju resp. – Saransk, 1950.
10. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Mordovija (dalee CGA RM). – F. R-228. – Op. 1. – D. 1772. – L. 282–283.
11. CGARM. F. R-2095. Ruzaevskij zavod himicheskogo mashinostroenija Ministerstva himicheskogo i neftjanogo mashinostroenija SSSR. – Op. 1. – D. 1.
12. CGA RM. – F. R-2095. – Op. 1. – D. 14.
13. CGA RM. – F. R-2095. – Op. 1. – D. 23.
14. CGA RM. – F. R-2095. – Op. 1. – D. 34.

15. CGA RM. – F. R-2095. – Оп. 1. – D. 63.
16. CGA RM. – F. R-2095. – Оп. 1. – D. 93.
17. CGA RM. – F. R-2095. – Оп. 1. – D. 195.
18. CGA RM. – F. R-2095. – Оп. 1. – D. 226.
19. CGA RM. – F. R-2095. – Оп. 1. – D. 307.
20. CGA RM. – F. R-2095. – Оп. 1. – D. 320.
21. CGA RM. – F. R-2095. – Оп. 1. – D. 373.
22. CGA RM. – F. R-2095. – Оп. 1. – D. 397.
23. CGA RM. – F. R-2095. – Оп. 1. – D. 428.
24. Jevakuacija 1941–1942 godov [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.mordovia.info/wiki/Jevakuacija_1941–1942_godov. – Zagl. s jekrana.

Поступила в редакцию 1 октября 2015 г.

Сведения об авторе

Скворцова Лариса Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Область научных интересов – безвозвратные потери в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., применение информационных технологий в образовательном процессе вуза.

E-mail: skvorcovalg@inbox.ru

Skvortsova Larisa Gennadievna – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of Economic History and Information Technologies of History and Sociology Institute at Mordovia State University named after N. P. Ogarev. Area of expertise – irrecoverable losses during The Great Patriotic War 1941–1945s, application of informational technologies in the educational process of the higher education institution.

А. В. Сафронов

МИРАЖ ОПТИМАЛЬНОСТИ: внедрение математических методов в экономику как ответ на проблемы реформы управления промышленностью 1957 года

Ключевые слова: реформа управления промышленностью, совнархозы, экономико-математические методы, оптимальное планирование.

Резкий рост интереса к внедрению математических методов в экономику СССР на рубеже 1950–1960-х гг. совпал с проведением реформы управления промышленностью по территориальному принципу. Реформа вызвала распад единого экономического пространства СССР и рост несоответствия между экономическими интересами регионов и центральной власти, однако отменить ее было невозможно по политическим причинам. В статье показано, что именно из-за вызванных ею проблем управления математические методы, обещавшие улучшение ситуации без ущемления чьих-либо интересов, получили поддержку власти и заняли лидирующие позиции в отечественной экономической науке того времени, однако со сменой руководства страны и вектора преобразований лишились прежнего влияния. Это позволяет утверждать, что распространенное в настоящее время в мемуарной литературе мнение о том, что советские власти всегда скептически относились к применению математических методов в экономике, неверно.

A. V. Safronov

THE OPTIMALITY MIRAGE Implementation Of Mathematical Methods in Economics as a Response to Problems Caused by the Reform of the Management of Industry in 1957

Keywords: reform of the management of industry in 1957, Sovnarkhoz, economic and mathematical methods, optimal planning.

A wide implementation of mathematical methods in economics in early sixties was a response to problems caused by the reform of the management of industry in 1957. Reform caused the disintegration of a Common Economic Space of USSR, growth of localism and mismatch of economic interests of the regions to the economic interests of central authorities. But due to political struggle that preceded the reform it was inadmissible to terminate it, and the technocratic solution proposed by economists was very welcome as a try to enhance the situation without infringing anybody's interests. After Khrushchev's removal and recovery sectorial principle of industry management interest in the introduction of mathematical methods gradually disappeared.

На рубеже 1950–1960-х гг. в экономике СССР имел место взрывной рост популярности применения математических методов повышения эффективности функционирования народного хозяйства. Если в марте 1954 г. на всесоюзном Научном совещании по статистике «экономисты и статистики выступали, доказывая, будто ничего общего между статистикой экономической и ма-

тематической нет и быть не может» [24, с. 58], то спустя десять лет, во время экономической дискуссии, предшествовавшей началу «косыгинской» экономической реформы, спор уже шел исключительно о том, каким образом и насколько обширно следует применять математические методы [24, с. 9–10].

В целом история развития экономико-математических исследований в нашей

стране освещена достаточно подробно как в обобщающих исторических трудах [3; 6; 23], так и в мемуарах непосредственных участников [4; 21]. Однако вопрос о том, почему именно в указанный период времени они получили большую информационную и организационную поддержку властных структур, до сих пор не получил достаточно полного ответа. Историки констатировали, что в конце 1950-х гг. возродился интерес к математическим методам, не останавливаясь специально на вопросе, почему это не произошло раньше или позже или связывая усиление позиций экономистов-математиков с изменением политического климата «в целом». Между тем выявление причин внезапной административной поддержки нового направления позволяет понять, при каких условиях у экономистов из академической среды появляется шанс на реализацию их предложений властью, что по значимости выходит далеко за пределы узкоисторической дискуссии.

Первый вариант межотраслевого баланса был подготовлен еще в 1924 г., а в 1926 г. результаты этой работы были изданы ЦСУ СССР в виде монографии [13, с. 128]. Большой вклад в развитие исследований внес Л. В. Канторович. В опубликованной в 1939 г. работе он впервые описал новый класс задач, позже получивших название линейного программирования и принесших ему Нобелевскую премию [10, с. 3]. В 1942 г. была завершена его основная книга по этой проблематике – «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов», которая, впрочем, вышла только в 1959 г. [11, с. 4]. Сохранилась его докладная записка в Госплан СССР с предложениями об изменении практики планирования, датированная 1943 г. и получившая отрицательный отклик.

Работы над созданием электронных счетных машин велись с 1948 г., а в 1950 г. заработала первая советская ЭВМ МЭСМ [15, с. 32]. При этом, однако, организационного оформления новой отрасли знания пришлось ждать довольно долго: лабора-

тория экономико-математических методов АН СССР академика В.С. Немчинова функционировала с 1958 г., вычислительный центр (ВЦ) при Госплане СССР был создан в 1959 г., а первый отчетный межотраслевой баланс появился только в 1961 г. (по материалам двухлетней давности).

Таким образом, применение математических методов в экономике началось с большим запозданием – через 10–15 лет после того, как для этого были созданы теоретические и технические возможности. Многолетние задержки публикаций основных работ Л. В. Канторовича [11, с. 6–7] показывают невысокий интерес к ним со стороны руководства Госплана и экономической науки того времени (при этом с публикацией чисто математических статей ученого проблем не возникало, а цикл его работ по применению функционального анализа в вычислительной математике был отмечен Сталинской премией 1949 г.) [11, с. 8].

Некоторые исследователи распространяют индифферентное отношение к математическим методам на весь период существования СССР. Так, Ф. Н. Клоцвог и В. А. Костин пишут, что, «несмотря на значительные успехи советской экономической науки в области разработки и использования методов межотраслевого баланса, практика народнохозяйственного планирования отторгала эти методы» [12, с. 17]. Еще более резко высказывается А. М. Вершик: «Хотя экономические идеи Леонида Витальевича в определенном смысле были созвучны плановой экономике, и нетрудно их интерпретировать в обобщенно марксистском духе, но их неприятие, столь долго продолжавшееся и так и не отступившее полностью, объясняется не в логических, а психологических категориях: серость, присутствующая стареющему догматическому режиму, психологически неспособна к интеллектуальному обновлению, как бы доходчиво ни объясняли ей ее же выгоду» [5]. Складывается впечатление, что развитие математических методов, создание вычислительных центров, новых исследовательских инсти-

тутов, проведение экономических дискуссий – все это шло наперекор желанию властей силами героических одиночек.

Между тем даже беглый анализ развития нового направления экономической науки показывает, что на рубеже 1950–1960-х гг. оно практически одновременно получило мощную административную поддержку. Самые первые исследования социалистического хозяйства, основанные на широком применении машинной математики, начались в Институте электронных управляющих машин (ИНЭУМ) в 1957 г. [24, с. 194]. Что же достигнуто к 1964 г.? Создан Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ), а ВЦ Госплана преобразован в Главный вычислительный центр (ГВЦ). Причем происходит значительное повышение его статуса на официальном уровне. Если при создании центра численность его аппарата была установлена в 25 человек, которых приходилось с трудом выкраивать из штатного расписания других ведомств [19], то постановление 1963 г. о реорганизации ВЦ в ГВЦ делало его центральным звеном комплекса работ. ГВЦ поручалась разработка «единой системы планирования, учета и оперативного управления народным хозяйством на основе применения математических методов и вычислительной техники» [18]. Одновременно устанавливался ряд заданий множеству организаций по разработке новых типов ЭВМ, автоматизированных систем обработки информации и внедрению их во все отрасли народного хозяйства, подготовке специалистов и т. п.

К середине 1960-х гг. работы по внедрению машинных методов приняли широкий масштаб. Ряд научных учреждений, в числе которых ГВЦ Госплана СССР, НИИ ЦСУ СССР, ЦЭМИ АН СССР, занимались разработкой «Единой государственной системы оптимального планирования и управления народным хозяйством (ЕГСПУ) на базе автоматизированной системы сбора, передачи и переработки экономической информации» [24, с. 200]. В ГВЦ были выполнены

расчеты отчетного и плановых межотраслевых балансов, оптимального топливного баланса, оптимального размещения цементной промышленности, межпродуктовый баланс анилино-красочной промышленности. Провели ряд практических расчетов, связанных с построением оптимальных планов перевозок массовых грузов – топлива, лесных материалов, цемента и др. Разрабатывался плановый межотраслевой баланс в натуральном выражении на 1970 г. по широкой номенклатуре (более 730 видов продукции) [24, с. 188–189]. Было принято решение организовать в ближайшие годы примерно 50 опорных вычислительных центров в союзных республиках и экономических районах, а также Главного вычислительного центра в Москве. В зоне каждого опорного центра будут созданы кустовые вычислительные центры для обслуживания прикрепленных к ним предприятий и организаций по сбору, обработке и передаче в опорный пункт необходимой информации. Информационно-вычислительный центр ВСНХ СССР совместно с главным (головным) вычислительным центром будет замыкать систему управления промышленностью, входящую в единую государственную сеть» [24, с. 129].

Все эти проекты требовали крупных материальных и организационных затрат и просто не могли быть начаты без активного содействия руководства страны. Материалы прошедшего в марте 1964 г. совещания «за круглым столом» по вопросам применения математических методов и реорганизации на этой основе народнохозяйственного планирования были изданы на нескольких языках в журналах «Soviet Life», «Вопросы экономики», «Плановое хозяйство», в «Экономической газете», а также вышли отдельной книгой под названием «Экономисты и математики за круглым столом». Публикации работ советских математиков-экономистов, начавшиеся изданием сборника трудов «Применение математики в экономических исследованиях» (1959 г.), продолжались вплоть до распада СССР.

Все вышеизложенное показывает, что в период 1957–1964 гг. идеи внедрения математических методов в планирование и управление народным хозяйством не только прочно укоренились в научной сфере, но и пользовались благосклонным вниманием «верхов». На наш взгляд, это было связано с реформой управления промышленностью по территориальному принципу, а точнее с рядом проблем, выявленных в ходе ее проведения.

Вкратце напомним подготовку реформы. Еще на XX съезде КПСС отмечалась необходимость повышения роли союзных республик в управлении производством. 30 мая 1956 г. появилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О реорганизации министерств в связи с передачей ряда отраслей народного хозяйства в ведение союзных республик». Однако основное наступление на отраслевые министерства развернулось в декабре 1956 г. на очередном пленуме ЦК КПСС. Так, первый секретарь Якутского обкома партии С. З. Борисов обрушился в своем выступлении с резкой критикой на Министерство цветной металлургии СССР. Среди прочего он заявил, что министерский бюрократизм тормозит республиканскую инициативу: «Мы теряем 5 млн руб. за счет бесхозяйственности министерства, за счет того, что оно не организует освоение алмазов. ...даже после решений XX съезда партии не чувствуется живого конкретного руководства со стороны многих союзных и федеративных министерств. ...если нам доверяют, так пусть доверяют до конца, чтобы мы своими внутренними делами руководили сами» [17].

Использование оратором данных, имевших гриф секретности, позволяет предположить, что его выступление готовилось заранее [7]. Уже через месяц, в январе 1957 г., Президиум ЦК КПСС рассматривает записку Н. С. Хрущева «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленностью и строительством», в которой «для целей обсуждения» представлены идеи перехода к территориальной

системе управления промышленностью. На этом этапе глава партии склонялся к постепенному проведению преобразований, предлагая «вначале создать территориальные управления промышленностью и строительством в сложившихся районах (областях Московской, Ленинградской, Свердловской и др.)» [8, с. 132]. Такой вариант позволил бы выявить минусы новой организации управления и учесть их перед распространением системы на всю страну.

Февральский пленум ЦК КПСС 1957 г. первоначально поддержал идеи Хрущева. 22 марта проект тезисов его доклада «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» был одобрен Президиумом ЦК без изменений. Однако, по мере его проработки, у многих представителей высшего руководства стали возникать сомнения в целесообразности изменений. Так, отрицательную позицию в отношении реформы занял председатель Госплана Н. К. Байбаков. Он предвидел трудности в координации поставок между территориальными управлениями и опасался невозможности проводить согласованную научно-техническую политику. Против реформы выступали также отраслевые министры и директора крупных предприятий, пользовавшихся приоритетным материально-техническим снабжением. Озвучить эти соображения решился В. М. Молотов, уже 24 марта подавший в ЦК КПСС записку, в которой отметил, что проект доводит децентрализацию управления промышленностью до недопустимой крайности [8, с. 133]. Стенограмма заседания Президиума ЦК КПСС 27 марта показывает, что, по существу, ни замечания Молотова, ни возражения Хрущева там не разбирались. Присутствовавшие критиковали не содержание записки, а сам факт ее подачи [8, с. 135]. Таким образом, вопрос был переведен из хозяйственной в политическую плоскость. Ответом на все более и более активные выступления противников реформы стало стремление провести ее как можно скорее, а мысль о пробной ре-

лизации новых идей оказалась отброшена. 10 мая на сессии Верховного Совета СССР был принят закон, согласно которому реорганизацию управления по всей стране следовало провести до 1 июля 1957 г., т. е. за полтора месяца.

В июне на заседании Президиума ЦК была предпринята попытка снять Н. С. Хрущева с поста первого секретаря. Молотов, Маленков, Каганович а также Шепилов, Сабуров, Первухин и Булганин выступили с резкой критикой в адрес главы партии и его идей. Относительно реформы управления утверждалось, что она проведена поспешно и непродуманно [16, с. 258]. Однако выступление кончилось неудачей – срочно собранный Пленум ЦК поддержал Хрущева. На наш взгляд, этот эпизод борьбы в верхах окончательно исключил возможность отказа от реформы, даже при получении негативных результатов. В свете разгрома противников ее проведение становилось для реформатора вопросом политического престижа.

Согласно реформе территория СССР делилась на экономические районы, имевшие специальные органы управления – Советы народного хозяйства. Они отвечали за руководство расположенными на территории каждого из районов промышленными предприятиями всех отраслей. Структура совнархозов – управления и отделы – фактически воспроизводила в миниатюре структуру союзного правительства. По итогам реформы прекратило существование 141 общесоюзное, союзно-республиканское и республиканское министерство и ведомство были сформированы 105 административно-экономических районов и советов народного хозяйства [14, с. 362].

Спешное проведение реформы сразу создало массу проблем. Так, Положение о Совете народного хозяйства, устанавливавшее круг его полномочий, прав и обязанностей, было принято только в сентябре 1957 г. Совнархозы сразу столкнулись с дефицитом кадров. Первоначально их штат состоял всего из 11–15 человек

[14, с. 362], при этом они должны были обеспечить более эффективное использование местных ресурсов, устранить нерациональные перевозки, упорядочить материально-техническое снабжение, решить задачи комплексного экономического развития регионов. Упраздняемые общесоюзные министерства вскоре возродились как государственные комитеты Совмина СССР по соответствующим отраслям промышленности. Они должны были отвечать за единообразное по всей стране научно-техническое развитие отраслей, однако не обладали необходимой для этого административной властью. Достаточно упомянуть, что отраслевые НИИ после реформы оказались разбросаны по 170 ведомствам. Реформой предусматривалось повышение роли плановых органов в регионах, что должно было несколько разгрузить Госплан СССР. Однако фактическая нагрузка на этот орган не снизилась, поскольку к нему перешли функции министерств по проведению единой централизованной политики в развитии важнейших отраслей промышленности (не говоря уже о необходимости заново выстраивать отношения с республиканскими госпланами) [8, с. 140–141]. Госпланы союзных республик взаимодействовали с советами народного хозяйства, а центральный Госплан должен был координировать все развитие экономики, обеспечивая согласованность плановых усилий совнархозов (им были предоставлены широкие права в области планирования). 4 мая 1958 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению планирования народного хозяйства» в пользу совнархозов был изменен порядок планирования, планы должны были теперь составляться на местах и только потом передаваться в госпланы, что еще больше затруднило работу последних по координации развития экономических районов.

Реформа управления породила массу противоречий. К ее достижениям можно отнести следующие:

- облегченный порядок перераспределения мощностей и сырья между предприятиями одного совнархоза;
- создание межотраслевых районных баз снабжения;
- выравнивание экономического развития территорий.

Однако недостатки оказались многочисленные:

- нехватка квалифицированных кадров в регионах, где создавались новые хозяйственные структуры. Служащие ликвидированных министерств не спешили переезжать из Москвы;
- стремление совнархозов к самообеспечению, автаркии. Срыв поставок в другие республики и экономические районы. Так, по РСФСР план поставки деловой древесины за I квартал 1958 г. был выполнен для подведомственных предприятий на 108,6 %, а для предприятий других республик – только на 92,2 % [8, с. 173];
- систематическое несанкционированное перераспределение капитальных вложений. За 5 месяцев 1958 г. планы капитального строительства представили 57 совнархозов РСФСР из 67. Полученные данные свидетельствовали, что утвержденные правительством планы капитального строительства на местах оказались уменьшены на 5,4 % [8, с. 172]. В 1962 г. государственный план капиталовложений Южноуральским совнархозом был выполнен только на 89,4 % [8, с. 194];
- игнорирование республиканских Госпланов. Так, государственный план внедрения в производство новой техники предприятиями Южноуральского совнархоза в 1962 г. был выполнен только на 65,3 % [8, с. 193]. Срывались важнейшие работы по механизации и автоматизации производства;
- рост потерь рабочего времени. По предприятиям Южноуральского совнархоза из-за недостатков в организации производства потери рабочего времени увеличились в 1962 г. на 49,5 % по сравнению с предыдущим годом [8, с. 193];

– снижение финансовой дисциплины (перерасход заработной платы, недостачи в бюджет, нарушение сроков платежей);

– невыполнение заданий государственного плана в номенклатуре. Для борьбы с этим явлением уже 19 ноября 1957 г. появилось постановление Совета Министров РСФСР о недопустимости снятия совнархозами с производства товаров широкого потребления и о необходимости информирования Госплана РСФСР о всех изменениях плана [22, с. 678];

– прекращение ведения согласованной ценовой политики (наиболее серьезная проблема, на наш взгляд). 30 мая 1958 г. Совет Министров СССР издал постановление «О порядке установления цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и тарифов на перевозки и услуги». Расширялась номенклатура промышленной продукции, на которую оптовые цены утверждались совнархозами, министерствами, ведомствами, Советами министров автономных республик, обл- и крайисполкомами. Совнархозы получили право устанавливать цены на большинство производимой продукции. Однако быстро выяснилось, что «экономическая работа по ценам в части анализа сравнительных данных по новым и ранее освоенным изделиям совнархозами почти не ведется, в связи с чем имеются случаи утверждения завышенных временных цен, при которых новые изделия еще в период их освоения становятся чрезмерно прибыльными» [9]. По отдельным видам продукции на 1 % роста производительности новой техники приходилось 14–15 % роста ее цены. В результате одинаковые товары в соседних экономических районах могли иметь разные цены.

В 1964 г. отмечалось, что «правительство вынесло целый ряд постановлений, пресекающих местничество», однако «у предприятий есть выгодная и невыгодная продукция, у местных совнархозов есть особые интересы своего экономического района, они охотнее идут на удовлетворение собственных нужд, чем на вы-

воз продукции в другие совнархозы» [24, с. 148]. Кроме того, отмечалось, что «важную роль в планировании стали играть совнархозы и Госпланы союзных республик. Последние стали планировать все хозяйство на своей территории, включая крупную промышленность, а также взяли на себя разработку и осуществление планов материально-технического снабжения» [1, с. 17]. Возникли условия для разрушения экономического единства страны. Резко сократились темпы роста показателей развития. Если в 1956–1960 гг. среднегодовой темп роста национального дохода составлял 13,3 %, то в 1961–1965 гг. он сократился до 6,5 % [2, с. 34]. Однако возврат к отраслевой системе управления был невозможен по указанным выше политическим причинам – во всяком случае, в период правления инициатора реформы.

В этих условиях ученые, решавшие оптимизационные задачи с применением методов линейного программирования, предложили чрезвычайно соблазнительную идею – математическими методами построить такую систему цен и плановых заданий, которая позволит обеспечить «тождество, единство интересов предприятий, совнархозов и общества в целом» [24, с. 148]. «Математические методы оптимального планирования одновременно с оптимальным планом позволяют получить систему оценок – ограничений задачи... Смысл и значение этих оценок в том, что если с их учетом установить цены на продукцию, то стремление каждого предприятия выпустить такие изделия, от которых оно получит максимальный доход, автоматически заставит его работать в режиме, наиболее выгодном с точки зрения целевой функции – той целевой функции, которая в максимальной степени соответствует удовлетворению потребностей общества. Это дает принципиальную возможность использовать цены на продукцию для автоматического поддержания народного хозяйства в оптимальном режиме» [24, с. 64]. Руководству страны было заявлено, что существует способ строго на-

учными методами разработать такую систему стимулов для всех уровней управления, которая позволит устойчиво развиваться автоматически – без изнурительного контроля центром деятельности территориальных органов, без «зажимания» инициативы низов и одновременно без проявлений местничества, снижающих темпы роста.

Эта технократическая утопия и оказалась, по нашему мнению, тем открывающим все двери ключом, который обеспечил «зеленый свет» развитию математических методов в 1957–1964 гг. При этом условия, которые требовались для оптимального планирования в масштабах всей страны, на наш взгляд были принципиально недостижимы. Оптимальные планы требовали цен, идеально отражавших в каждый момент времени затраты труда (так как только в этом случае оптимизация себестоимости действительно оптимизировала бы затраты), причем не затраты труда конкретного предприятия, а общественно необходимые затраты труда (ОНЗТ), которые являются абстрактной политэкономической категорией и могут быть определены или как некая равновесная рыночных цен, или с учетом издержек труда всех индивидуальных производителей. При этом любые изменения технологии изменяют ОНЗТ. Таким образом, цены должны были бы постоянно пересматриваться. Ирония истории заключается в том, что предлагалось это именно в то время, когда перерыв в пересмотрах оптовых цен достиг 17 лет (следующий после 1955 года комплексный пересмотр цен произошел в 1967 г.). Если же изменения технологии и организации производства на местах не учитывать в режиме реального времени, то это не только сделает план неоптимальным, но и фактически будет означать исключение возможности дать «встречный план» снизу. Постоянное обновление информации о затратах труда требовало создания общегосударственной автоматизированной системы сбора, передачи и переработки экономической информации. Причем помимо колоссальной стоимости и

чисто технических трудностей, связанных с неразвитостью советской электроники [18], следует отметить и проблему, связанную со сложностью проверки качества заносимой в систему первичной информации. Проблема достоверности первичной экономической информации и последствия применения недостоверных данных в расчетах участниками экономических дискуссий практически игнорировалась. И, наконец, большие сомнения вызывает возможность выработки одного интегрального критерия оптимальности всего народного хозяйства, на максимум которого будут решаться оптимизационные задачи. Еще во время упомянутого совещания «за круглым столом» М. В. Колганов отмечал, что поскольку потребительские свойства различных вещей несоизмеримы, и их невозможно просуммировать, то оптимизировать выпуск набора вещей с различными потребительскими свойствами (потребительскими стоимостями) невозможно: «Экономический оптимум означает минимум затрат и максимум результатов. Два разных показателя: затраты и результаты – количественно никак не могут быть одинаковыми. Все затраты на производство продуктов, как известно, в любом обществе сводятся к затратам общественного труда и при наличии товарных отношений выражаются стоимостью товаров, а результаты всегда выражаются совокупностью потребительных стоимостей. Стоимость и потребительная стоимость представляют собой несоизмеримые категории и уже по одному этому никак не могут быть равны. <...> Если вы материальные блага выразите через стоимость и приравняете к затратам труда в соответствии с теоремой двойственности, то у вас никакого оптимума не получится, и весь расчет сведется к простому тождеству. Затраты на продукт, выраженные в виде стоимости, будут равны тем же затратам, той же величине стоимости» [24, с. 167]. Оптимизационные методы могут помочь достигнуть выбранной цели с меньшими затратами, но они не могут формировать саму цель развития, не

могут определить тот оптимальный режим работы народного хозяйства, в котором автоматически мечтали его поддерживать их апологеты, а следовательно, не отменяют необходимости взаимоувязывания экономических интересов различных экономических агентов, нахождения тонкого баланса между сковыванием инициативы и ростом местничества.

После отстранения Н. С. Хрущева от власти отраслевая система управления промышленностью была восстановлена. Одновременно оказалось, что выделить один обобщающий критерий оптимальности для всего народного хозяйства невозможно, как невозможно «сконструировать» цены, идеально отражающие общественно необходимые затраты труда (что являлось условием поиска оптимума на минимум этих затрат). Как следствие, математические методы постепенно перестали восприниматься как панацея от дезорганизации управления страной и заняли свою нишу в решении локальных задач (оптимальный раскрой материалов, рационализация транспортных перевозок, выбор размещения предприятий отдельных отраслей хозяйства, составление топливно-энергетических и региональных балансов, разработка прогрессивных нормативов и т. п.). Несмотря на многословные заверения в том, что новые министерства принципиально отличаются от старых, структура управления во многом вернулась на дореформенные позиции.

В июне 1967 г. был создан Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «Оптимальное планирование и управление народным хозяйством». Его наработки получили поддержку Правительства СССР и вылились в разработку Комплексной программы научно-технического прогресса СССР (КП НТП), для чего в 1972 г. был создан отдельный научный совет при президиуме АН СССР и Государственном комитете СССР по науке и технике. Инициатива создания КП НТП исходила от ученых, воодушевленных благосклонным отношением к экономико-математическим

методам, демонстрировавшимися в начале 1960-х гг. В разработке программы, рассчитанной на период 1976–1990 гг., приняло участие около 270 ведущих специалистов, представлявших более 90 научных и проектных институтов. Обоснования и расчеты были сведены в 17 проблемных томов и один сводный [20].

Программа была закончена в апреле 1973 г. и в целом благосклонно встречена Правительством СССР. В начале 1974 г. Госплан СССР принял специальное постановление о том, чтобы учесть данные КП НТП при составлении плановых документов на предстоящую десятую пятилетку. Однако это указание фактически было проигнорировано. КП НТП осталась «экспертным мнением», а обязательные к выполнению пятилетние и годовые планы продолжали составляться своим чередом. Впоследствии до распада СССР были подготовлены еще три комплексные программы с горизонтом до 2000, 2005 и 2010 гг., однако их постигла та же участь [20]. В отсутствие острых кризисных явлений инициативы ученых-экономистов оставались невостребованными. Новая возможность реализовать свои идеи академическим экономистам представилась только с наступлением следующего кризиса управления страной. Это произошло в конце «перестройки», когда власть получила команда Гайдара.

История о том, как математические методы в экономике стремительно вошли в

моду, а затем постепенно потеряли завоеванные позиции, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, перевод любой проблемы из хозяйственной в политическую плоскость снижает вероятность ее должного решения. Любое политическое действие является результатом борьбы интересов различных лоббистских групп, и результат этой борьбы заранее не предсказуем. Из-за этого необходимые реформы могут оказаться не комплексными, или же вообще будут свернуты.

Во-вторых, расцвет экономико-математического направления был вызван не столько деятельностью энтузиастов от науки, сколько необходимостью решить острые проблемы, вызванные непродуманной реформой. Это объясняет меньшую административную поддержку внедрения методов в последующие годы, когда была восстановлена отраслевая структура управления.

Наконец, в-третьих, государственное управление было и, по-видимому, остается трудно формализуемым процессом. Экономико-математические методы являются мощным инструментом сопровождения принятия управленческих решений, но попытки решать с их помощью вопросы взаимной увязки интересов хозяйственных агентов раз за разом не оправдывают ожиданий.

Библиографический список

1. *Атлас* З. В. Хозрасчет, рентабельность и кредит / З. В. Атлас. – М., 1966.
2. *Белоусов Р. А.* Экономическая история России: XX век / Р. А. Белоусов. – М., 2006. – Кн. 5.
3. *Белых А. А.* История советских экономико-математических исследований (1917 – начало 60-х годов) / А. А. Белых. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 144 с.
4. *Бирман И. Я* – экономист (о себе любимом) / И. Бирман. – М. : Время, 2001. – 576 с. (Век и личность).
5. *Вершик А. М.* О Л. В. Канторовиче и линейном программировании [Электронный ресурс] / А. М. Вершик. – Режим доступа: <http://cshistory.nsu.ru/?int=VIEW&el=1034&templ=INTERF ACE>
6. *Всемирная история экономической мысли.* Т. 6. Кн. 1. Отечественная экономическая наука. Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период – М. : Мысль, 1997.
7. *Горяинов С.* К вопросу о конкуренции на алмазном рынке: некоторые особенности социалистического соревнования СССР и De Beers [Электронный ресурс] / С. Горяинов. – Режим доступа: <http://www.rough-polished.com/ru/analytics/42804.html>

8. Демичев Е. В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории / Е. В. Демичев. – 2-е изд. – М., 2011.
9. Захарова Л. Игры с цифрами в советской экономике (дебаты о ценообразовании и реформа цен на потребительские товары конца 1950-х – начала 1960-х годов) [Электронный ресурс] / Л. Захарова. – Режим доступа: <http://refdb.ru/look/2635867-pall.html>
10. Канторович Леонид Витальевич (1912–1986) : биобиблиогр. указатель. – 2-е изд. – Новосибирск, 2012.
11. Канторович Л. В. Математико-экономические работы / Л. В. Канторович. – Новосибирск, 2011.
12. Клоцвог Ф. Н. Макроструктурные модели – инструмент народнохозяйственного прогнозирования / Ф. Н. Клоцвог, В. А. Костин // Проблемы прогнозирования. – 2004. – № 6.
13. Кузык Б. Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование : учебник / Б. Н. Кузык, В. И. Кушлин, Ю. В. Яковец. – 2-е изд. – М., 2008.
14. Левин М. Советский век / М. Левин ; пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. – М., 2008.
15. Малиновский Б. Н. История вычислительной техники в лицах / Б. Н. Малиновский. – Киев, 1995.
16. Молотов, Маленков, Каганович. 1957 : стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и др. док. – М., 1998.
17. Позиция Якутии 55 лет назад: И если нам доверяют, так пусть доверяют до конца... [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lsn.ru/50198.html>
18. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 мая 1963 г. № 564 «Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народное хозяйство» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/content/3292/1963-o-gvc-gosplana-pdf.pdf>
19. Приказ Госплана СССР от 1 октября 1959 г. № 597 «О создании Вычислительного центра при Госплане СССР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/content/3292/1959-o-sozdanii-organizacii-pdf.pdf>
20. Сафронов А. В. Основные организационные условия реализации долгосрочных планов развития России / А. В. Сафронов // Идеи и идеалы. – 2015. – № 1 (23). – Т. 2
21. Федоренко Н. П. Вспоминая прошлое, заглядываю в будущее / Н. П. Федоренко. – М. : Наука, 1999.
22. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 6: 1957 г. – М., 1959.
23. Шухов Н. С. Математическая экономия в России (1865–1995 гг.) / Н. С. Шухов, М. П. Фрейдлин. – М. : Наука, 1996. – 351 с.
24. Экономисты и математики за круглым столом / сост. Ю. Давыдов и Л. Лопатников. – М., 1965.

References

1. Atlas Z. V. Hozraschet, rentabel'nost' i kredit / Z. V. Atlas. – М., 1966.
2. Belousov R. A. Jekonomicheskaja istorija Rossii: XX vek / R. A. Belousov. – М., 2006. – Кн. 5.
3. Belyh A. A. Istorija sovetskih jekonomiko-matematicheskikh issledovanij (1917 – nachalo 60-h godov) / A. A. Belyh. – L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1990. – 144 s.
4. Birman I. Ja – jekonomist (o sebe ljubimom) / I. Birman. – М. : Vremja, 2001. – 576 s. (Vek i lichnost').
5. Vershik A. M. O L. V. Kantoroviche i linejnom programmirovanii [Jelektronnyj resurs] / A. M. Vershik. – Rezhim dostupa: <http://cshistory.nsu.ru/?int=VIEW&el=1034&templ=INTERFACE>
6. Vsemirnaja istorija jekonomicheskoi mysli. T. 6. Кн. 1. Otechestvennaja jekonomicheskaja nauka. Jekonomicheskaja mysl' socialisticheskikh i razvivajushhihsja stran v poslevoennyj period – М. : Mysl', 1997.
7. Gorjainov S. K voprosu o konkurencii na almaznom rynke: nekotorye osobennosti socialisticheskogo sorevnovanija SSSR i De Beers [Jelektronnyj resurs] / S. Gorjainov. – Rezhim dostupa: <http://www.rough-polished.com/ru/analytics/42804.html>
8. Demichev E. V. Reforma upravlenija promyshlennost'ju i stroitel'stvom 1957–1965 gg. v kontekste specifiky otechestvennoj istorii / E. V. Demichev. – 2-е изд. – М., 2011.

9. *Zaharova L.* Iгры s ciframi v sovetskoj jekonomike (debaty o cenoobrazovanii i reforma cen na potrebitel'skie tovary konca 1950-h – nachala 1960-h godov) [Jelektronnyj resurs] / L. Zaharova. – Rezhim dostupa: <http://refdb.ru/look/2635867-pall.html>
10. Kantorovich Leonid Vital'evich (1912–1986) : biobibliogr. ukazatel'. – 2-e izd. – Novosibirsk, 2012.
11. *Kantorovich L. V.* Matematiko-jekonomicheskie raboty / L. V. Kantorovich. – Novosibirsk, 2011.
12. *Klocvog F. N.* Makrostrukturnye modeli – instrument narodnohozhajstvennogo prognozirovanija / F. N. Klocvog, V. A. Kostin // Problemy prognozirovanija. – 2004. – № 6.
13. *Kuzyk B. N.* Prognozirovanie, strategicheskoe planirovanie i nacional'noe programmirovanie : uchebnik / B. N. Kuzyk, V. I. Kushlin, Ju. V. Jakovec. – 2-e izd. – M., 2008.
14. *Levin M.* Sovetskij vek / M. Levin ; per. s angl. V. Novikova, N. Kopeljanskij. – M., 2008.
15. *Malinovskij B. N.* Istorija vychislitel'noj tehniki v licah / B. N. Malinovskij. – Kiev, 1995.
16. Molotov, Malenkov, Kaganovich. 1957 : stenogramma ijun'skogo plenuma CK KPSS i dr. dok. – M., 1998.
17. Pozicija Jakutii 55 let nazad: I esli nam doverjajut, tak pust' doverjajut do konca... [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://www.1sn.ru/50198.html>
18. Postanovlenie CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 21 maja 1963 g. № 564 «Ob uluchshenii rukovodstva vnedreniem vychislitel'noj tehniki i avtomatizirovannyh sistem upravlenija v narodnoe hozhajstvo» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ac.gov.ru/files/content/3292/1963-o-gvc-gosplana-pdf.pdf>
19. Prikaz Gosplana SSSR ot 1 oktjabrja 1959 g. № 597 «O sozdanii Vychislitel'nogo centra pri Gosplane SSSR» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ac.gov.ru/files/content/3292/1959-o-sozdanii-organizacii-pdf.pdf>
20. *Safronov A. V.* Osnovnye organizacionnye uslovija realizacii dolgosrochnyh planov razvitija Rossii / A. V. Safronov // Idei i idealy. – 2015. – № 1 (23). – t. 2
21. *Fedorenko N. P.* Vspominaja proshloe, zagljadyvaju v budushhee / N. P. Fedorenko. – M. : Nauka, 1999.
22. Hronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta i postanovlenij Pravitel'stva RSFSR. T. 6: 1957 g. – M., 1959.
23. *Shuhov N. S.* Matematicheskaja jekonomija v Rossii (1865–1995 gg.) / N. S. Shuhov, M. P. Frejdlin. – M. : Nauka, 1996. – 351 s.
24. Jekonomisty i matematiki za kruglym stolom / sost. Ju. Davydov i L. Lopatnikov. – M., 1965.

Поступила в редакцию 14 декабря 2015 г.

Сведения об авторе

Сафронов Алексей Васильевич – кандидат экономических наук. Ведущий советник Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. Область научных интересов: долгосрочные государственные программы, экономика СССР, экономика КНР, общественная эффективность капитальных вложений.

E-mail: aleksei.safronov@mail.ru

Тел.: 8-905-747-88-43

Safronov Aleksey – conferred the degree of Ph.D. in economics in 2013. Senior Counselor of the Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Research interests: Command & Transitional Economies (on the example of the Soviet Union, Russia and China), national long-term plans, social effectiveness of capital investments.

УДК 94:330:621(470+571)''19''
ББК У03

А. Ю. Климанов

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСТОЯННЫХ КОМИССИЙ ПАЛАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ДЕСЯТОГО СОЗЫВА (1979–1989 гг.)

Ключевые слова: постоянные комиссии Верховного Совета СССР, депутаты Верховного Совета СССР, Нечерноземная зона РСФСР, социальная инфраструктура, структура капиталовложений, экстенсивное развитие.

В статье на примере РСФСР исследуется важное направление в деятельности постоянных комиссий Верховного Совета СССР – их участие в решении актуальных проблем экономического и социального развития конкретных союзных республик. Автор анализирует деятельность постоянных комиссий Верховного Совета СССР десятого созыва по решению проблем социально-экономического развития Нечерноземной зоны РСФСР в период X пятилетки. На основании исследования архивных материалов, касающихся деятельности профильных постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР по подготовке вопроса о выполнении плановых заданий по развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР к заседанию Президиума Верховного Совета СССР в 1980 г., автор выявляет особенности обсуждения этой темы в постоянных комиссиях Верховного Совета СССР. В статье отмечается, что принципиальный подход депутатов Верховного Совета заключался в необходимости перераспределения капиталовложений, направляемых на развитие сельского хозяйства, в пользу объектов социальной инфраструктуры для преодоления принципа остаточного финансирования социальной сферы в российском селе.

В ходе изучения механизма обсуждения и принятия решений депутатами союзного Верховного Совета, а также различных аспектов практической реализации программы развития российского Нечерноземья, автор оценивает общую эффективность обсуждения социально-экономической проблематики союзных республик на уровне Верховного Совета СССР.

A. Y. Klimanov

THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN NON-BLACK EARTH REGION IN THE STANDING COMMISSIONS OF THE CHAMBERS OF THE SUPREME SOVIET OF THE TENTH CONVOCATION (1979–1989)

Keywords: the standing commissions of the USSR Supreme Soviet, non-Chernozem zone of the RSFSR, social infrastructure, structure of investments, extensive development.

In the article the author examines on the example of the RSFSR the important direction in activity of the permanent commissions of the USSR Supreme Soviet – their involvement in solving urgent problems of economic and social development of the special Soviet republics. The author analyzes the activity of the permanent commissions of the USSR Supreme Soviet of the tenth convocation on deciding problems of socio-economic development of the RSFSR non-Chernozem zone in the period of the tenth five year plan. Based on the research of archival materials concerning the activities of the relevant permanent commissions of the Council of the Union and the Council of Nationalities of the USSR Supreme Soviet for the preparation of the issue of planned targets on agricultural development of non-Chernozem zone of the RSFSR implementation to the Presidium of the USSR Supreme Soviet in 1980, the author reveals the specific features of discussion on this topic

in the permanent commissions of the USSR Supreme Soviet. The article notes that the principal approach of the Supreme Council deputies was focused on the necessity of making changes in the capital investments structure allocated for the development of agriculture, in favour of social infrastructure to overcome the principle of residual financing of social sphere in the Russian village.

Researching the mechanism of discussion and decision-making by deputies of the Union Supreme Council, as well as various aspects of the implementation of the program of the Russian non-black earth region development, the author assesses the overall effectiveness of the discussion of the socio-economic perspective of the Union republics at the level of the USSR Supreme Soviet.

Общая проблематика и процедура плано-бюджетного обсуждения вопросов социально-экономического развития союзных республик в Верховном Совете СССР (ВС СССР) десятого и одиннадцатого созывов уже рассматривалась автором [1]. Цель настоящего исследования – проанализировать, используя архивные материалы, механизм подготовки решений постоянными комиссиями ВС СССР, которые касались социального развития Нечерноземной зоны РСФСР в годы десятой пятилетки.

Важным направлением в работе постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей ВС СССР десятого созыва являлось решение проблем экономического и социального развития отдельных союзных республик. Общая направленность обсуждения социально-экономических вопросов по конкретным союзным республикам в основном состояла в оптимизации развития их социальной инфраструктуры. На уровне отдельных постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей ВС СССР затрагивались проблемы непроизводственного строительства, вопросы развития сельскохозяйственного и промышленного производства для удовлетворения потребительского спроса населения в товарах и услугах.

Проблемы жилищного строительства, развития социально-культурных учреждений в Нечерноземье в период работы ВС СССР десятого созыва нашли отражение в деятельности постоянных комиссий по сельскому хозяйству и комиссий по строительству и промышленности стройматериалов палат ВС СССР при подготовке ими вопроса «О ходе выполнения плановых заданий по развитию сельского хозяйства

Нечерноземной зоны РСФСР» к заседанию Президиума ВС СССР в 1980 г. [2, д. 1765–1771].

Специфика изучения данного вопроса в постоянных комиссиях заключалась в приоритетном внимании к социальной составляющей развития региона как ключевому условию успешного решения производственных и технических задач. Такая направленность в обсуждении прослеживается и в период работы совместной депутатской подготовительной комиссии (так назывался совместный рабочий орган конкретных постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей ВС СССР, который создавался для предварительной подготовки различных вопросов), и на совместных заседаниях собственно постоянных комиссий.

Во всех справочных и информационных материалах министерств и ведомств, присланных в совместную подкомиссию в рамках подготовки вопроса к заседанию Президиума союзного Верховного Совета, проблема социального обустройства региона находилась в центре внимания.

Так, по данным Управления статистики ЦСУ СССР, план по вводу в действие жилых домов в Нечерноземной зоне, установленный на 1976–1979 гг. (по сумме годовых планов), был выполнен на 74 % (по РСФСР в целом – на 76 %), школ – на 88 (92), дошкольных учреждений – на 60 (67), клубов и Домов культуры – на 29 % (44 %) [2, д. 1768, л. 237]. В справочных материалах Госплана СССР проблема миграции населения в Нечерноземной зоне была охарактеризована как «одна из острейших» [2, д. 1769, л. 208]. «За последние три года среднегодовая численность работников, за-

нятых в сельском хозяйстве, сокращалась в среднем на 53 тыс. человек, или на 1,4 % в год против 1,2 % в 1971–1975 гг., а в Новгородской, Псковской, Орловской, Смоленской, Вологодской, Калининской, Тульской областях – на 6%. Главная причина высокой миграции – неудовлетворительные условия труда и быта сельского населения» [2, д. 1769, л. 208].

Аналогичная мысль проводилась в записке депутата Г. М. Орлова – члена постоянной комиссии по строительству и промышленности строительных материалов Совета Союза, первого секретаря правления Союза архитекторов СССР. Записка Орлова представляет собой наиболее интересный аналитически проработанный документ, поступивший в подкомиссию. В нем говорилось об устойчивой тенденции оттока сельского населения из региона за последние двадцать лет. Орлов отмечал, что, по данным всесоюзных переписей 1959, 1970 и 1979 гг., численность сельского населения 29 областей и автономных республик региона уменьшилась за двадцать лет на 20 %, при этом в Вологодской, Новгородской, Брянской, Калининской, Костромской, Рязанской, Горьковской и Орловской областях – на 35–45 %. В записке был приведен комплекс факторов, повлиявших на отток населения: наличие все еще сезонного характера труда; менее льготные, по сравнению с другими отраслями народного хозяйства, условия труда; близость городов и промышленных центров, предоставлявших лучшие условия труда и быта; низкий уровень культурно-бытового обслуживания и качества жизни. В северных и северо-западных областях Нечерноземной зоны это положение усугублялось еще и суровыми природно-климатическими условиями [2, д. 1767, л. 123–124].

Суть предложений Орлова заключалась в качественном развороте строительства в пользу непромышленного сектора: депутат предлагал увеличить долю капитальных вложений в непромышленную сферу до 40 % от общего объема капитальных вло-

жений (вместо 18 %). Максимальная концентрация капитальных вложений в непромышленном секторе должна была стать стратегическим направлением в развитии региона. Орлов в своей записке говорил также о необходимости качественного перелома в обеспечении нужд села инженерными коммуникациями (водоснабжением, теплоснабжением, канализацией), реальная обеспеченность которыми варьировалась от 5 до 40 от фактической потребности. Выполнение планов жилищно-гражданского строительства на селе следовало сделать одним из важнейших показателей работы союзных строительных министерств (Минсельстроя СССР, Минстроя СССР, Минтяжстроя СССР, Минпромстроя СССР), отвечавших за строительство в Нечерноземье [2, д. 1767, л. 123–124].

В выступлении члена постоянной комиссии по сельскому хозяйству Совета Союза, первого секретаря Мордовского обкома КПСС А. И. Березина на совместном заседании комиссий по сельскому хозяйству и комиссий по строительству и промышленности стройматериалов говорилось об отсутствии должной отдачи от инвестиций в сельское хозяйство Нечерноземной зоны на протяжении X пятилетки. Так, за четыре года пятилетки вложения составили 25,9 млрд руб., но реально было освоено только 17,3 млрд руб. [2, д. 1770, л. 144.]. Березин привел конкретные данные о невыполнении плановых заданий четырех лет пятилетки по производству валовой продукции сельского хозяйства. План производства зерна за эти годы был выполнен только на 87 %, картофеля – на 74, сахарной свеклы – на 58, овощей – на 72, льноволокна – на 63, мяса и молока – на 94 % [2, д. 1770, л. 144.]. Производство продукции в таких традиционных для Нечерноземья отраслях, как льноводство, картофелеводство и овощеводство, даже сократилось по сравнению с предыдущей пятилеткой. Например, производство льноволокна за четыре года X пятилетки уменьшилось по сравнению с тем же периодом IX пятилетки на 32 тыс. тонн,

или на 17 %, производство картофеля – на 2,5 млн тонн, или на 10,2 % [2, д. 1770, л. 144.]. За четырехлетний период X пятилетки ни одно из союзных строительных министерств не выполнило планов строительного-монтажных работ на сельскохозяйственных объектах Нечерноземья. В связи с этим план четырех лет по вводу в действие комплексов по выращиванию крупного рогатого скота был реализован на 53 %, по производству молока – на 43, по выращиванию и откорму свиней – на 31, овцеводческих комплексов – на 29, тепличных комбинатов – на 66 % [2, д. 1770, л. 153].

В процессе подготовительной процедуры на уровне подкомиссии все депутаты высказывали озабоченность повсеместной нехваткой рабочих кадров, нестабильностью в составе трудовых коллективов в колхозах, совхозах, водхозах и строительных организациях Нечерноземья. Только 18 % руководящих работников и специалистов хозяйств имели высшее образование и 44 % – среднее специальное. В документе, подготовленном совместной депутатской подкомиссией к заседанию постоянных комиссий палат, обеспечение хозяйств кадрами было названо «особенно острой проблемой, имеющей решающее значение в деле реализации программы подъема сельского хозяйства» [2, д. 1770, л. 317].

На совместном заседании постоянных комиссий по сельскому хозяйству и по строительству и промышленности строительных материалов едва ли не самой главной причиной срыва плановых заданий за прошедший период X пятилетки все выступавшие депутаты называли нехватку рабочих кадров. Выступивший на совместном заседании заместитель Председателя Совета Министров РСФСР А. В. Алексанкин «очень узким вопросом, острейшим вопросом» называл кадровый вопрос. Отсутствие благоустроенного жилья, плохое бытовое обслуживание, тяжелые условия труда доводили текучесть рабочих кадров в сельской местности до 35–40 % в год [1; 2, д. 1770, л. 60]. Хронический дефицит кадров усугубляла

неразвитая производственно-техническая база. По данным Алексанкина, удельный вес тяжелой техники (приводился пример тяжелых тракторов грузоподъемностью 6 тонн) в машинном парке мелиоративных организаций за годы X пятилетки снизился с 42 до 33 % [2, д. 1770, л. 60].

Однако главным, магистральным направлением обсуждения, к которому снова и снова возвращались выступавшие депутаты, были темы строительства жилья и решения бытовых вопросов. Председатель постоянной комиссии по строительству и промышленности строительных материалов Совета Союза В. П. Ломакин отмечал, что положение дел в непроизводственном строительстве «остается исключительно плохим». Освоение лимита капитальных вложений на непроизводственное строительство за четыре года X пятилетки составило 66 % плановых показателей (при реализации от плановой программы по производственным объектам на 90%). Ломакин предлагал не снимать вопрос с контроля и судить о проделанной работе не по намеченным к выполнению программам министерств и ведомств, а по их фактической реализации [2, д. 1770, л. 300–301].

Член постоянной комиссии по сельскому хозяйству Совета Союза от Калининской области председатель колхоза им. С. М. Кирова В. В. Григорьев высказался за изменение «структуры капиталовложений, направляемых на развитие сельского хозяйства в сторону резкого увеличения строительства жилых домов и других объектов непроизводственного назначения» [2, д. 1770, л. 203]. В колхозах и совхозах Калининской области на каждые 100 тракторов приходилось 84 механизатора, или отсутствовало 5 тыс. человек персонала. Эта ситуация не являлась исключительной: в 43 % колхозов и совхозов Нечерноземной области на единицу техники приходилось менее одного тракториста. Григорьев предлагал «коренным образом изменить отношение со стороны строительных министерств и ведомств к строительству на селе и, прежде

всего, благоустроенного жилья и дорог» [2, д. 1770, л. 203–205]. Из 716 колхозов и совхозов Калининской области только 107 центральных усадеб были соединены с районными центрами улучшенными дорогами с твердым покрытием [2, д. 1770, л. 204]. В справке Минсельхоза СССР, поступившей в совместную депутатскую подкомиссию, отмечалось: «На тысячу квадратных километров в Нечерноземной зоне сейчас приходится всего 48 км дорог с твердым покрытием; это в шесть раз меньше по сравнению, например, с Литовской ССР и в 11 раз меньше по сравнению с Эстонской ССР» [2, д. 1769, л. 204].

Инициированные депутатами проблемы получали отклик и со стороны профильных министерств, отвечавших за строительные мероприятия в Нечерноземье. Из доклада представителя Министерства строительства СССР на совместном заседании постоянных комиссий палат Верховного Совета вырисовывается еще один ракурс проблемы развития Нечерноземной зоны РСФСР. Существенными причинами срывов строительных планов были слабая техническая база и маломощность подведомственных Минстрою СССР организаций, осуществлявших строительство в Нечерноземье. Дефицит рабочих кадров в 1980 г. составлял в них от 10 до 15 %. Создавался своего рода замкнутый круг: строители были не в состоянии освоить выделенные капитальные вложения. Строительные организации региона испытывали трудности из-за систематических перебоев и недостаточных поставок материальных ресурсов. Например, в 1980 г. выделенные Госснабом СССР фонды были фактически реализованы по металлопрокату на 95,5 %, по цементу – на 93,7, по стеклу – на 95,9 % [2, д. 1771, л. 23].

Минстрой СССР вынужден был спускать на места не только производственные директивы, но и одновременно доводить до подведомственных строительных организаций поручения «разрабатывать совместно с заказчиками и монтажными организациями мероприятия по обеспечению строек

материально-техническими и людскими ресурсами» [2, д. 1771, л. 24]. Минстрой СССР просил комиссии поручить Госплану СССР и Госнабу СССР удовлетворить запросы министерства о надлежащем и своевременном материально-техническом обеспечении строек в Нечерноземье [2, д. 1771, л. 24]. К началу 1980 г. в рамках программы развития собственной производственной базы в регионе было введено в эксплуатацию только 8 предприятий стройиндустрии по производству строительных материалов и конструкций вместо 44, предусмотренных в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июня 1976 г. «О неотложных мерах по созданию важнейших предприятий производственной базы строительства, осуществляемого в сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР» [2, д. 1770, л. 309]. Как и в целом по народному хозяйству, неискоренимой проблемой здесь оставались распыление средств и «долгострой». Количество строившихся объектов увеличилось с 19,8 тыс. на начало пятилетки до 30,8 тыс. в 1979 г., или более чем в 1,6 раза. В финансовых показателях объем незавершенного строительства при этом соответственно вырос с 1,4 млрд до 2,7 млрд руб., или в 1,9 раза [2, д. 1770, л. 301]. Не выполнялись плановые задания по мелиорации земель – ключевому звену ускоренного развития сельхозпроизводства в Нечерноземье. Задания по мелиорации земель в Нечерноземной зоне, установленные на 1976–1979 гг., были выполнены по вводу в сельхозоборот осушенных земель на 59 %, а орошаемых угодий – на 68 % [2, д. 1770, л. 312].

Для того чтобы соразмерить реальные возможности строительного комплекса с возросшей строительной программой в Нечерноземье и получить реальную отдачу от капиталовложений, некоторые депутаты предлагали выбрать строительство на селе в качестве приоритетного, даже за счет промышленного строительства. В частности, на совместном заседании постоянных комиссий весьма радикально прозвучало

предложение депутата постоянной комиссии по сельскому хозяйству Совета Союза Ф. С. Орлова об изменении приоритетов в строительстве на будущую пятилетку. Он призывал «прямо сказать, что освоение таких больших ассигнований немыслимо без ограничений в строительстве объектов по другим отраслям хозяйства, и на это следует пойти» [2, д. 1770, л. 197]. Конкретность и откровенность прозвучавшего предложения подчеркивает неформальный, остроактуальный характер обсуждения насущных вопросов социально-экономического развития на заседаниях постоянных комиссий. В выступлениях депутатов остро чувствуется желание конструктивно и содержательно обсудить проблемы одного из наиболее сложных звеньев сельскохозяйственного комплекса крупнейшей союзной республики и предложить реальные направления качественного изменения ситуации. Орлов предлагал Госплану СССР пересмотреть существующие нормы планирования на непромышленное строительство, увеличить объемы оборудования для домостроительных комбинатов, «всемерно содействовать индивидуально жилищному строительству» [2, д. 1770, л. 199]. Депутат постоянной комиссии по строительству и промышленности строительных материалов Совета Союза, Председатель Госплана Белорусской ССР В. А. Гвоздев отмечал, что планирование развития социальной сферы на селе должно осуществляться не только на государственном и республиканском уровнях, но и в области и в районе, а также в самих колхозах и совхозах. При этом он говорил о важности повышения роли сельских Советов в эффективном использовании средств, вкладываемых в развитие сельского хозяйства Нечерноземья. Для этого, по мнению депутата, следовало «коренным образом повысить организующую роль местных Советов, предоставив им соответствующие права, материальные и денежные ресурсы» [2, д. 1770, л. 230–231].

В решении постоянных комиссий и в последовавшем на его основе постановле-

нии Президиума ВС СССР от 5 мая 1980 г. суммировались все наиболее болезненные проблемы развития региона и министерствам и ведомствам предлагалось приложить усилия для обеспечения комплексного решения задач Нечерноземья [2, д. 1770, л. 327–328].

В справочной информации председателей постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей ВС СССР, направленной в Президиум Верховного Совета в апреле 1981 г., и в материалах министерств и ведомств, поступивших в комиссии, содержались сведения о ходе выполнения рекомендаций постоянных органов палат ВС СССР. Министерство водного хозяйства по результатам рассмотрения вопроса в постоянных комиссиях развернуло работу по исправлению ситуации на подведомственных ему производственных участках в Нечерноземной зоне. В частности, в информационной записке председателей комиссий по сельскому хозяйству и по строительству и промышленности стройматериалов Совета Союза и Совета Национальностей ВС СССР констатировалось, что министерство приступило к созданию и развитию производственной базы мелиоративных организаций, которая в этом российском регионе фактически отсутствовала. В 1980–1981 гг. в эксплуатацию были введены крупные предприятия стройиндустрии, происходило строительство объектов производственной базы 130 мелиоративных организаций. За счет резкого увеличения ввода в строй жилья в последние годы X пятилетки для мелиораторов были построены жилые дома общей площадью 2 555 тыс. м², что в три раза больше, чем в 1971–1975 гг. [2, д. 1771, л. 5].

В Министерстве сельского хозяйства была создана группа специалистов из заместителей начальников главных управлений Минсельхоза СССР во главе с заместителем министра для координации работы министерства по освоению капиталовложений в сельское хозяйство Нечерноземья. По предложению Минсельхоза конструкторские

организации Министерства сельскохозяйственного машиностроения СССР начали разработку специализированного зерноуборочного комбайна, отвечающего специфике региона [2, д. 1770, л. 216].

Однако в целом информация министерств и ведомств убеждает в том, что развитие Нечерноземья являлось исключительно трудной проблемой, ее решение требовало многолетних концентрированных усилий для преодоления устойчивых негативных тенденций в социальном секторе и, как следствие, в производственной сфере Нечерноземной зоны РСФСР. О масштабах проблемы свидетельствует, например, справка Минстроя СССР, из которой следует, что на 1981 г. дополнительная потребность в рабочих кадрах в регионе составляла 79 140 человек. На покрытие этого дефицита предполагалось направить 24 500 человек, из них 9 750 выпускников ПТУ. Однако и при полном использовании всех источников комплектования строек с учетом набора рабочих самими стройками на местах, дефицит рабочей силы, составлявший более чем 18 тыс. человек, оставался [2, д. 1770, л. 23].

Тяжелая ситуация с кадрами не позволяла реализовывать задуманные строительные программы. В 1976–1980 гг. из 29 областей и автономных республик РСФСР, входивших в Нечерноземную зону, только Свердловская область выполнила пятилетний план по капитальным вложениям и строительно-монтажным работам [2, д. 1770, л. 46]. По сформировавшейся за многие годы практике производственных приоритетов наиболее уязвимыми в этой ситуации оказывались жилищная и социально-бытовая программы.

Качественный подбор кадров также был затруднен вследствие невыполнения строительными министерствами и республиканскими ведомствами программы строительства сельских профтехучилищ. В справочном материале Госпрофобра РСФСР значилось, что Главнечерноземводстрой и Госкомсельхозтехника РСФСР –

основные подрядчики по строительству сельских ПТУ – освоили выделенные на X пятилетку капиталовложения, соответственно, на 58 и на 47 % [2, д. 1770, л. 72]. В 300 районах Нечерноземной зоны сельские ПТУ отсутствовали, а существующая незначительная их сеть не обеспечивала подготовку необходимого числа квалифицированных рабочих для сельского хозяйства [2, д. 1770, л. 71].

Резюмируя изложенное, следует заключить, что изучение проблемы в постоянных комиссиях Совета Союза и Совета Национальностей помогало решить лишь отдельные аспекты темы, проследить развитие конкретных производственных ситуаций. В целом же о трудностях преодоления долговременных экстенсивных тенденций в развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР свидетельствует то обстоятельство, что в повторном постановлении Президиума ВС СССР от 7 мая 1981 г. как положительный момент отмечалось даже не увеличение, но сохранение общего объема производства валовой продукции сельского хозяйства в регионе в X пятилетке по сравнению с заданиями пятилетнего плана 1971–1975 гг. [1; 2, д. 1770, л. 3]. В этом же постановлении по-прежнему констатировалось неудовлетворительное ведение работ по строительству объектов социально-культурного назначения в Нечерноземье [2, д. 1770]. Вот почему и в последующие годы продолжался отток сельского населения из региона: за 1981–1988 гг. он составил 4,5 млн человек [3, с. 261].

Изучение состояния отдельных звеньев народного хозяйства в союзных республиках, в частности в РСФСР, во время работы постоянных комиссий ВС СССР высвечивало содержание системных проблем, стоявших перед экономикой страны. Исследование архивных материалов показывает, что организационная схема работы постоянных комиссий по изучению актуальных вопросов развития отдельных союзных республик предполагала довольно тщательную подготовку таких тем и

многоступенчатую процедуру обсуждения. Рекомендации постоянных комиссий по социально-экономическим вопросам развития конкретных союзных республик всегда основывались на тщательной проработке различных сторон проблемы. В то же время органы союзного Верховного Совета нередко оказывались в положении посреднических звеньев в урегулировании снабженческо-производственных вопросов различных союзных и республиканских ми-

нистерств и ведомств между собой. Практическая реализация решений постоянных комиссий происходила медленно, недостаточно эффективно из-за недостатков и противоречий общей модели экстенсивной, затратной экономики. Эти обстоятельства в деятельности постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей ВС СССР десятого созыва, безусловно, препятствовали эффективной реализации принимаемых ими решений.

Библиографический список

1. *Климанов А. Ю.* Проблемы социально-экономических отношений Союза ССР и союзных республик в деятельности постоянных комиссий Верховного Совета СССР десятого и одиннадцатого созывов. 1979–1989 гг. / А. Ю. Климанов // *Экономическая история* : ежегод. 2010 под ред. Л. И. Бородкина, Ю. А. Петрова. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 569–593.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 7523. – Оп. 136.
3. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / под общ. ред. В. В. Журавлева. – М. : Политиздат, 1990.

References

1. *Klimanov A. Ju.* Problemy social'no-jekonomicheskikh otnoshenij Sojuza SSR i sojuznyh respublik v dejatel'nosti postojannyh komissij Verhovnogo Soveta SSSR desjatogo i odinnadcatogo sozyvov. 1979–1989 gg. / A. Ju. Klimanov // *Jekonomicheskaja istorija* : ezhegod. 2010 / pod red. L. I. Borodkina, Ju. A. Petrova. – M. : ROSSPJeN, 2010. – S. 569–593.
2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. 7523. – Op. 136.
3. Na poroge krizisa: narastanie zastojnyh javlenij v partii i obshhestve / pod obshh. red. V. V. Zhuravleva. – M. : Politizdat, 1990.

Поступила в редакцию 1 декабря 2015 г.

Сведения об авторе

Климанов Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент Московского технологического университета. Область научных интересов: вопросы развития социально-экономических отношений Союза ССР и союзных республик в 1970–1980-е гг., социальное планирование предприятий машиностроительной отрасли в 1960–1980-е гг. Автор 17 научных и учебно-методических работ.

Тел.: 8-903-520-06-55

E-mail: alexklim70@mail.ru

Klimanov Alexei Yurievich, PhD in History, associate professor in Moscow Technological University. Research interests: development of socio-economic relations of the USSR and Union republics in the 1970s and 1980s; social planning in the engineering industry in the period of 1960–1980s. Author of 17 scientific and educational publications.

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Уважаемые коллеги!

Редакция научного журнала «Экономическая история» (ISSN 2409-630X) принимает к рассмотрению научные статьи, аналитические и библиографические обзоры, рецензии.

Планируемые рубрики:

1. Методологический выбор в современных историко-экономических исследованиях.
2. Модернизационные парадигмы в экономической истории России.
3. Экономическая политика государства: история, современная практика, перспективы.
4. Индустриальное наследие России.
5. «Жизненная история» провинциального предпринимательства.
6. Аграрная история.

Публикация статьи бесплатная.

Требования к оформлению материалов:

1. Классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК) (в верхнем левом углу).
2. Инициалы и фамилия автора (выравнивание по центру, кегль шрифта 14).
3. Название статьи (выравнивание по центру, кегль шрифта 14).
4. Ключевые слова (не более 15, выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 12).
5. Аннотация статьи (выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 12).
6. Инициалы и фамилия авторов на английском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта 14).
7. Название статьи на английском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта 14).
8. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 12).
9. Текст статьи объемом 10–15 машинописных страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате RTF или DOC; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков – не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Подписанные подписи выполняются 12-м кеглем. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Таблицы набираются 12-м кеглем на русском и английском языках. На таблицы должны быть ссылки.
10. Пристатейный библиографический список (ссылки оформляются в квадратных скобках) (кегль шрифта 12, выравнивание по ширине страницы). Список строится в алфавитном порядке.
11. Сведения об авторах (кегль шрифта 12, курсив) представляются на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, контактная информация.

Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителях.

К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

1. Заявление автора на имя главного редактора.
2. Две внешние рецензии.
3. Акт экспертизы.
4. Лицензионный договор.
5. Рекомендация научного руководителя для аспирантов.

Требования к файлам:

1. В качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например: Иванов.doc).
2. Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например: Рис. 1.jpeg).
3. Электронная версия статьи и рисунков может быть на любом носителе.

Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлекцией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования представлены на сайте Историко-социологического института Мордовского государственного университета.

Режим доступа: http://www.isi.mrsu.ru/journals/economic_history/index.html

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для публикации.

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

Dear colleagues!

The editorial office «Economical history» (ISSN 2409-630X) takes into consideration the scientific articles, analytical and bibliographic reviews, reviews.

The planned rubrics:

1. The methodological choice in contemporary historical and economic researches.
2. The modernization paradigms in the economic history of Russia.
3. State economic policy: history, the current practice and prospects.
4. Russian industrial heritage.
5. «Life Story» of the provincial entrepreneurship.
6. The Agrarian History.

Publication of articles is free.

Requirements for the materials:

1. The classification indexes of the Universal Decimal Classification (UDC), the Library and bibliographic classifier (LBC) (in the upper left corner).

2. Initials and surname of an author in Russian (alignment on the center, the font size 14).

3. The article title (alignment on the center, the font size 14).

4. Key words (not more than 15, width alignment of the page, the font size 12).

5. An annotation of an article (width alignment of the page, the font size 12).

6. Initials and surname of an author in English (alignment on the center, the font size 14).

7. The article title in English (alignment on the center, the font size 14).

8. An annotation of an article in English (width alignment of the page, кегль шрифта 12).

9. Size of text of an article of 10–15 typewritten pages of A4 format, including figures, tables and graphs. Text should be formatted in Word for Windows format or RTF & DOC; Times New Roman font, font size 14, single interval. The number of drawings is not more than 4. Drawings should be referenced. Figure captions are performed the 12th a size. Drawings are in the format of .jpeg represented Individually. Tables are typed the 12th a size. The tables must be referenced.

10. The bibliographic list (references are made in square brackets) (font size 12, width alignment of the page). The list is built in an alphabetical order.

11. Information about author (font size 12, italics): full names completely, scholastic degree, scientific title, academic position, sphere of scientific interests, number of scientific publications, contact information.

Text of the article is submitted on paper and electronic storage medium.

For articles sent to the editorial office, are attached:

1. The author's application of the chief editor;

2. Two outer reviews of the article, compiled by specialists in the field of research of the author(s). The reviews should reflect the scientific novelty, relevance and conclusiveness of scientific results contained in the article, and recommendations for publication in the journal. The reviews are submitted on paper. The signatures of reviewers shall be certified in the personnel department at their place of work;

3. The act of expertise

4. A license agreement;

5. A recommendation of the supervisor for graduate students and applicants.

The file requirements:

1. As the file name should be used the name of the first author in Russian (for example: Ivanov.doc).

2. The file names of illustrations should coincide with their numbers in the text (for example: Drawing. 1.jpeg).

3. An electronic version of the article and pictures can be in any medium.

Returning of the manuscript to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. After receiving the revised text it shall be reviewed by the editorial board. The revised text of the author returns to the editorial office together with the original copy of the article, as well as responses to all comments. Date of receipt of the article is the day of getting by the editorial office of the final version of the article.

Formatting rules, samples of documents, reviewing order are presented on the website of the History and Sociology Institute of Ogarev Mordovian State University. Access mode: http://www.isi.mrsu.ru/journals/economic_history/index.html.

The Editorial Board reserves the right to select articles for publication.